

Лада

МЕНЯ, МИЛАЯ

ВИКТОРИЯ РАМТ

Он напугал меня, потом и вовсе пригрозил, а дальше...заинтересовал.

Как мужчина.

Вот только сам и не думал заводить серьезных отношений, по крайней мере со мной.

Но благодаря крупному делу, в которое я ввязалась, мы сами не заметили, как стали ближе. И тут только один вопрос: а оно мне точно надо?

**Найди меня, милая
Виктория Райт (Victoriza)**

КИРА

Я держала в руках буклет с заманчивыми предложениями об отдыхе в теплой стране и пыталась понять, что делать дальше. Еще полчаса назад моя жизнь казалась прекрасной, я летела на крыльях любви к мужчине, который спас меня в самом прямом смысле этого слова. Спас от угрожающей опасности, когда чокнутый приставил нож к моему горлу, спас, когда в меня стреляли, спас, когда грозило увольнение. Я спешила к Кириллу в участок, чтобы рассказать о своих чувствах, поведать, что все взаимно и ему точно не стоит сомневаться на мой счет. Мы оба вели себя как идиоты, пытаюсь обуздать нахлынувшие чувства, но теперь сможем позволить себе абсолютно все.

Однако, обогнув угол знакомого кирпичного здания и сделав пару шагов ко входу, поняла, что во всей этой истории единственная дура — я. Не собирался Кирилл заводить со мной серьезных отношений, не планировал будущее, не искал утешения в моих объятиях и не хотел, чтобы я с трепетом и лаской будила его по утрам, варила любимый кофе без сахара. Все это у него уже есть, да и всегда было, еще до нашей встречи в музее.

Рядом с другой он улыбался, она прямо светилась от того, что он подает ей руку, помогая сесть в машину, обнимает за плечо. И они хорошо смотрятся рядом, я вынуждена была это признать. У них общие интересы, общее прошлое, и, как ни печально мне это признать, общее будущее.

Зачем же он стал все портить, познакомившись со мной? Да потому что так проще было держать меня на коротком поводке. Если дергалась — он сразу же об этом узнавал, заранее предотвращая все мои глупые поступки. А их было не мало, чего стоило собственное расследование, в которое я ввязалась по незнанию. Я на привязи, и он спокойно мог делать свою работу.

Обидно. Очень обидно было цепляться за угол здания, чтобы не упасть в снег коленками, потому что я почти не чувствовала собственных ног, они не хотели меня держать. Открывшаяся правда была слишком горькой, чтобы я могла реагировать достойно. Поэтому намертво вцепилась в красный кирпич, надеясь, что не обломаю ногти от боли, что съедала меня изнутри.

Сердце буквально разрывалось на части. И не только потому, что теперь я точно знала: все, что случилось с нами, ошибка. Для Кирилла это был лишь мимолетный роман, совсем неважно, что я влюбилась по уши, забыв, что мы просто напарники в деле, за которое ему светит новая звёздочка на погонах, а мне — свобода от тюрьмы. Но сейчас, наблюдая, как он садится в машину к своей настоящей любви, я была готова даже в тюрьму сесть, лишь бы отмотать все назад. Чтобы наши пути никогда в жизни не пересекались...

Я люблю кости. Я нахожу их красивыми. Совсем недавно я и понятия об этом не имела. А еще люблю детективные сериалы. И я смотрю «Кости». Именно с него началась эта странная любовь. Не подумайте, что я сумасшедшая. Хотя, думаю, что именно так вы и подумали. Нет. Я абсолютно нормальная. Обычная девушка. С обычной историей. Кстати, меня зовут Кира Брусникина. Не такое уж и популярное имя. И я терпеть не могу бруснику. Я люблю вишни, если кому интересно. Но вряд ли. Что ж. Тогда расскажу про кости. Эта история внесла в мою жизнь коррективы, о которых я даже и не подозревала. Но все по порядку.

Дело было так. Есть у меня подруга Ритка, весьма активная, в отличие от меня, девчонка. Сложно сказать, почему мы еще общаемся. Она большой человек в медицинском институте. Я же работаю в музее истории. Она дважды была замужем, и сейчас как раз находится в стадии развода. Я не помню в своей жизни серьезных романов уже достаточно давно. Ритка — высокая эффектная барышня с копной рыжих волос. Я миловидная шатенка среднего роста и со стандартным набором всех необходимых девушке частей тела. Ритка богатая и успешная. Я уже говорила, что работаю в музее. Дома у Ритки шикарная мебель и вино в бокалах. Меня каждый вечер встречает любимый кот, а на кухне ждет чашка какао. В общем, сама не знаю, почему мы еще дружим. Думаю, потому что выросли в одном дворе. И даже в одном доме. И Ритка как никто знает, какого жить с родителями в однокомнатной квартире. Правда, сейчас я уже не живу с родителями. Но квартира у меня все же однокомнатная. И живу я с котом.

В тот день был понедельник. Я сидела на стуле у входа и внимательно следила за тремя посетителями в зале с экспонатами первой мировой войны. И гадала, как их вообще сюда занесло. На календаре было начало декабря, время медленно близилось к праздникам, так что люди предпочитали другие места для развлечений. В нашем музее все сотрудники, за исключением меня, уже преклонного возраста. Им просто скучно дома сидеть. А мне здесь нравится тишина. Я очень люблю походить по пустому музею вечером. Послушать экспонаты, которым много-много лет. Да, наверное, я все же весьма странная девушка. Так вот, я сидела на стуле и тут мне как раз и позвонила Ритка. Голос высокий, чем-то озабоченный. Ясно, что-то стряслось.

— Ты должна меня спасти! — заявила она. — Мне на конференцию, там куча народу, там такие важные мужики будут, а я сейчас как раз...ну ты сама знаешь. Спаси меня, Кирочка, умоляю!

— Да что случилось? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тише. Это же музей, но взволнованный тембр Ритки все равно был слышен через динамик.

— Они отдадут мне место председателя на кафедре, если я две недели буду водить экскурсии в их музее!

— Зачем тебе место председателя? Ты терпеть не можешь учебу, — удивилась я. Ритка зло фыркнула.

— Да плевать мне на место, но на него претендует Борюсик, а я в лепешку разобьюсь, но сделаю так, чтобы оно ему не досталось.

Я понимающе кивнула, словно подружка находилась рядом и могла бы это увидеть.

Борюсик, он же Борис Иванович, — это первый Риткин муж. Редкая сволочь. Старше ее на двенадцать лет, после развода не оставил ей ни гроша. Но Ритка выплыла сама, благодаря своим многочисленным талантам. Это жутко разозлило бывшего супруга. И с тех пор у них война. Обостряется все это тем, что работают они в одном институте. Только вот мужик все еще подающий надежды преподаватель с бородой, а Ритка из глупенькой студентки превратилась в отличного руководителя. К тому же весьма преуспевающего и состоятельного. Но соревнование никто не отменял.

— И чего ты хочешь от меня?

— Этот старый козел заявил, что я понятия не имею о том, что происходит в институте, а только бумажки подписываю. А ведь я отличный специалист, ты же знаешь.

— Ага.

— Вот он и предложил проверить мои способности. Если выдержу по две экскурсии в день в музей в течении двух недель, то они меня возьмут.

— Ты не выдержишь. — коротко сказала я, уже догадываясь, к чему клонит подружница и собираясь дать ей отрицательный ответ.

— Кира, блин! Это называется поддержка?

— Это все ужасно, бывший козел, но ты не выдержишь. — Повторила я как можно мягче. — И не надо злиться, ты сама это знаешь не хуже меня.

В трубке повисла пауза. Я уже задумывалась, не переборщила ли и, может, стоит извиниться, как Ритка продолжила своим невозмутимым тоном:

— Ты права. Я ненавижу экскурсии. Но никто из них даже не станет проверять, кто проводит эти самые экскурсии, — она весело фыркнула в трубку. Я подозрительно напряглась. — Кира, помоги мне.

— У меня своей работы по горло, — вяло откликнулась я, окинув взглядом троих посетителей. Они уже успели дойти до конца зала и двигались к выходу. М-да, недолго музыка играла.

— Кир, ну кто перед праздниками ходит по музеям? — взмолилась Ритка. — Только пара-тройка преподавателей со своими учениками и те в принудительном порядке.

— Это не значит, что я могу оставить свое рабочее место. Мне за него зарплату платят, между прочим.

— Если ты имеешь в виду свои три копейки, то это не зарплата, а подаяние. Слушай меня, я сделаю предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Я кивнула, снова забыв о том, что подружка меня не видит.

— Подменишь меня всего на две недельки. Две недели и прямо перед Новым годом получишь конверт с приличной суммой лично от меня за оказанную услугу. Можешь даже поехать на курорт на праздники. Круто?

Энтузиазм в голосе Ритки как-то не нашел во мне отклика. Я прикинула, как бы еще отбиться.

— Да кто меня отпустит? Начальство...

— Я уже обо всем договорилась, — перебила меня Ритка. — Твой начальник мой хороший знакомый... Короче, он нашел тебе замену ровно на две недели, а потом ты снова можешь вернуться к своим мамонтам и военным. Ну что, идет?

Я призадумалась. Причин отказаться, кроме лени, у меня явно не было. Я тянула время, бурча в трубку что-то невразумительное. И тут Ритка достала туз из рукава.

— Я уже говорила, что речь идет об антропологическом этаже нашего музея?

В тот момент я едва не подпрыгнула на стуле. Выходившие посетители покосились на меня с явным неудовольствием. Ритка говорила о Национальном музее естественной истории, который был образован на базе их медицинского института много лет назад и теперь процветал. И у них там была кафедра антропологии. И целый зал с костями. Моя мечта, одним словом.

— Не говорила...

— Ну вот. Ты же любишь все эти кости, и сама мне рассказывала, что мечтаешь увидеть экспонаты своими глазами...

— Так и есть.

— Отлично. Я предоставляю тебе редкую возможность — провести время в месте, где ты давно хотела побывать, да еще и денег заработать. — решительность тона подружки явно говорила о том, что выбора у меня нет. Впрочем, услышав про антропологический этаж, я уже знала, что не откажусь.

— Ну хорошо. Я согласна.

— Супер! — Ритка рассмеялась. — Я вечером заеду к тебе, привезу свой пропуск и все нужные документы. Ты главное отмечай каждый день в журнале, когда пришла и когда ушла.

— А почему твой пропуск? — запоздало удивилась я.

— Так ты же будешь вместо меня. В музее меня ни разу не видели, на пропуске фотки нет, так что не волнуйся. А я обещаю звонить каждый день.

— Значит с завтрашнего дня я — это ты? Как бы не запутаться, — скорее себе, чем подружке протянула я.

— Ты справишься, я в тебя верю, — заявила Ритка и отключилась.

А я уставилась на стену с экспонатом времен первой мировой и вздохнула. Мне б твою уверенность!

Как и обещала, она заехала вечером. Я встретила Риту в самом отвратительном расположении духа.

— Чего кислая такая? — спросила она с порога.

Я неопределенно пожала плечами и пошлепала в кухню.

— Чаем напоишь или может что покрепче? — предложила Ритка. Я отказалась, не послушно щелкнула кнопкой на чайнике.

— Что опять Антоний? — усмехнулась догадливая подруга, занимая стул возле меня.

Я кивнула и вздохнула. Так уж сложилось, что моя большая и с треском провалившаяся любовь теперь обреталась по соседству. Какое-то время назад у меня с Антоном был бурный роман. Я была влюблена как последняя дура и не замечала вообще ничего вокруг. Мне казалось, что это навсегда. Только вот он считал иначе. Еще и года не прошло с тех пор, как мы, разругавшись вдрызг, шумно расстались, не пожелав друг другу счастья. И вот этот субъект уже женат и скоро у него будет ребенок. Все бы ничего, да только жили они в моем доме, что меня бесило невероятно. Впрочем, сами можете себе представить, какой это кайф. Каждый раз видя их счастливые лица, я нервно кусала губы, чтобы не зареветь с досады. Плевать мне было на этого мужика, но зато мое женское самолюбие изрядно страдало. Особенно учитывая тот факт, что я с тех пор не имела никаких отношений. Ритка знала о моей ситуации прекрасно, так что я могла смело доверять ей свои переживания.

— Как же их так угораздило поселиться в моем доме! — воскликнула я, плюхаясь на стул. Чайник как раз вскипел, я налила подруге чаю и уставилась в потолок.

Положив пол-ложки сахара — Ритка соблюдала строгую диету, но иногда позволяла себе чуток сладенького — она сказала:

— Антон твой дурак, мозгов как у курицы. Да и не особо симпатичный, если уж честно...

— Рита!

— Ладно, ладно. Слушай, раз я все равно уезжаю, а тебя так гнетет то, что вы постоянно пересекаетесь, можешь пожить у меня, если хочешь, конечно.

Честно, я открыла рот от удивления. Не часто услышишь такие предложения даже от очень близкого человека. Да и Ритка была далеко не самым великодушным субъектом в моем окружении. Так что было от чего удивиться.

— Понятно, что всего на пару недель, пока я не вернусь, но зато ты сменишь обстановку...

Я уже собиралась расплыться в радостной улыбке, но тут же снова скисла.

— У меня же кот. Я не могу.

Посверлив глазами как раз отирающегося у ее ног британца, не самых больших размеров и весьма любезного, Рита махнула рукой.

— Если он не погрызет мне кожаный диван, и не будет гадить по углам, можешь взять его с собой. Но если что, придется тебе за все заплатить.

Ее великодушие меня так поразило, что я бросилась обниматься, даже не дослушав конца фразы.

— Все, все, потом поблагодаришь, — подруженция не слишком любила все эти

«телячьи нежности», как она их называла. Я послушно села обратно в кресло. Настроение у меня явно улучшилось.

— Вот смотри, здесь то, что обещала, — и она полезла в сумку.

Подруга привезла все нужные документы об экскурсиях, оставила мне адрес своей гостиницы, номера ее телефонов и так далее. Дала нужные указания, еще с полчаса мы поболтали, она допила чай, быстро оделась и покинула мое жилище. Я посильнее укуталась в одеяло, в котором выходила встречать Ритку, и повернулась к своему коту. Любопытное животное сидело рядом с видом, говорящим о том, что он совершенно не понимает, почему понадобилось вскакивать с дивана и вообще шевелиться. Кот и так не особо охотно активничал, а с тех пор как наступила зима, и за окном все время было темно, он явно считал, что спать — это его единственная обязанность. Честно говоря, я бы с удовольствием поменялась с ним местами.

Тут я вспомнила, что завтра у меня весьма активный день и улыбнулась. Так классно, что завтра можно будет заглянуть во все эти костные экспонаты совершенно законным путем. Возможно, мне даже разрешат когда-нибудь взять их в руки. Было бы здорово. Интересно, как пахнет зал с костями? Ладно, завтра узнаем.

С утра я первым делом перевезла все необходимые вещи в Ритину квартиру. Как и моя, она находилась в нашем районе, но в другой его половине. Здесь были в основном двухкомнатные квартиры-студии. Как раз в одной из таких и жила подруга. Все тут было отделано с таким вкусом и шиком, что я сперва даже растерялась. Как прикажете жить в квартире, которая сама как музей? Осторожно ступая по дороговому паркету, я остановилась и уставилась в огромное зеркало в прихожей. На меня глядела не слишком высокая девчонка в джинсах и свитере оверсайз, с рваным каре на голове и бледноватым лицом. Правда, на щеках небольшой румянец, на улице нынче было особенно холодно. Я вспомнила о том, что Рита мне настоятельно советовала на работу одеть что-нибудь из ее вещей. Ведь я же должна буду изображать ее, сказала она, а руководитель не может ходить как подросток.

Мне моя одежда казалась очень даже удобной, но, смотрясь в зеркало в этой огромной квартире, где даже ваза стоила дороже, чем все мои тряпки, я поняла, что подруга права. И направилась к шкафу. Деловой стиль шел Ритке невероятно, чего нельзя сказать обо мне. Я любила свободный покрой одежды, а в деловом чувствовала себя не в своей тарелке. Подумав, наконец выбрала оптимальный вариант: классические прямые брюки и белую блузку. Свободный пиджак сверху. Сапоги на каблуке. Вымыла голову, придала ей некое подобие легкой прически, слегка подкрасила глаза и губы и, кивнув на прощание своему коту, отправилась на Риткину работу.

Пока что все неожиданные перемены были мне только в радость. Правда, я несколько раз едва не подвернула ногу на каблуках, но продолжала активно шагать в сторону метро. До музея ехать было минут двадцать, и я по привычке достала книгу, заняв место возле окошка и иногда поглядывая в соседний вагон. На миг задумалась, как выглядит деловая женщина с книгой в метро, потом мысленно послала всех любопытных куда подальше и сосредоточилась на рассказе.

Едва не проехала с непривычки нужную остановку, выпрыгнула буквально на ходу. Возле выхода умудрилась застрячь каблуком в водосточном люке, минуты три прыгала на одной ноге, пытаясь освободить свой сапог. Наконец, выбралась на поверхность. Жутко опаздывая, влетела в музей. На входе меня внимательно оглядели с головы до ног, а я

подумала, что у нас такой охраны с роду не было. Конечно, у них тут куча ценностей и исторически важных предметов. Класс. Вертя головой во все стороны, я не забывала улыбаться охранникам на входе и бабушке возле зала с экспонатами животных.

— Добро пожаловать, Маргарита Николаевна. Вам третий этаж, — протрещал на входе один из охранников.

Я растянула губы в самой широкой улыбке, на какую была способна, и пошла вверх по лестнице. Лифт почему-то проигнорировала. Мужчина проводил меня заинтересованным взглядом. Я попыталась угадать причину его интереса. Либо он много слышал о высоком начальстве, либо я стала вдруг привлекательной барышней. Скорее уж первое, решила я. Дальше размышлять было некогда, потому что на третьем этаже меня уже ждали. Невысокая и уже немолодая женщина с каким-то мышинным цветом волос пыталась сделать улыбочное лицо. Удавалось ей это с трудом, потому что в глазах читалось явное презрение к моей особе. Столь пристально меня не разглядывали уже очень давно, так что я как-то неуверенно повела плечами и едва выжала из себя улыбку.

— Здравствуйте, Маргарита Николаевна, — сказала вдруг неизвестная особа высоким голосом. — Меня зовут Ольга. Давно мечтала с вами познакомиться.

Я кивнула, гадая, с чего вдруг у нее могло возникнуть такое желание. Судя по тому, каким взглядом она меня встретила, я (то бишь Ритка) была ей крайне несимпатична. Однако рот ее продолжал рассыпаться в любезностях, которые я пропустила мимо ушей, что явно не ускользнуло от внимания этой дамочки. Ну и пусть.

— Я введу вас в курс дела, покажу музей и отвечу на все вопросы, которые могут у вас возникнуть.

— Спасибо.

Мы двинулись вдоль коридора и оказались в просторном зале.

— Этаж антропологии поделен на три части. В первой кости, как вы сами видите, — указала рукой в направлении заветных для меня стеллажей неприятная спутница. — Во втором отделении представлены экспонаты с органами. Третий посвящен нашим реликвиям — находкам и открытиям, сделанным нашими работниками когда-либо с момента существования музея. Там даже есть редчайшие виды костей с раскопок, ну вы и сами все увидите.

— Сперва мы думали, что будет по две экскурсии в день, но, если честно, народу маловато. — продолжала Ольга. — Так что, когда будет две, когда одна. Посмотрим, как пойдет. Сейчас все больше учителя с классами приходят. Но им куда интересней органы, на кости мало внимания обращают... Да и вообще, современным детям музеи не интересны. А все, что им не понятно, они найдут в интернете, не выходя из дома.

Ольга шла впереди, вещая о каждом из залов, я слушала ее в пол уха, вертя головой во все стороны. Третий этаж действительно был разделен на три части, которые как бы выходили одна из другой. То есть дверей как таковых не было — вместо них между залами были красные арки, которые словно предлагали окунуться в еще более захватывающий мир и продолжить путешествие в следующем помещении. Мне эта идея очень понравилась. Я вообще не люблю двери.

Я остановилась в начале первого зала. Он был с костями и встречал посетителей приглушенными желтыми тонами, красно-коричневым паркетом и многочисленными черепами в высоких и низких стеллажах. Их было так много, что я даже не успела окинуть взором все и сразу. Кости потрясающе блестели, словно были свежечыщенными, тут стоял

запах паркетной доски и в тусклом свете помещения кое-где я заметила летающие пылинки. Было ощущение, словно это пыль древности, и захотелось втянуть ее носом поглубже. Такое чувство возникает обычно в библиотеке, где есть много старинных книг, к которым даже прикоснуться сперва не решаешься. У них всегда особенный запах, и ты вдыхаешь его с трепетом, замороженно. Так и тут.

— «Происхождение человеческого общества. Экологическая антропология. Природные адаптации человека» — прочла я надпись у входа.

Понятно, начинают рассказ с истоков. Логично.

По углам зала с костями были расставлены высокие стойки с невероятного вида предшественниками рода человеческого. Точнее с различными его формами, начиная от древнего человека с булавой и заканчивая современным видом Homo Sapiens. Они были различно одеты. У женщин даже волосы выглядели как настоящие. Я присвистнула. Это стоит немалых денег, наверное, спонсоры прилично потратились. Но если честно, то зрелище было впечатляющее. Но подойти и откровенно глазеть я не могла себе позволить — Ритка никогда бы так себя не повела. А раз я исполняю ее роль, значит должна соответствовать. Оставалось надеяться, что когда-нибудь эта дамочка уберется восвояси и тогда уж я вволю смогу походить и все посмотреть. Тем более, что смотреть было на что.

Я пошла дальше и стала слушать Ольгу внимательней.

— Наши инвесторы недавно сделали большой вклад в развитие медийного оснащения музея, — говорила она, иногда в пол оборота поворачиваясь ко мне. — Например, для того, чтобы гостям музея были понятны исторические события, которые представлены через кости и другие экспонаты, в залах разместили добавочные материалы.

Я проследила взглядом в сторону, куда указывала моя спутница.

— Теперь кроме бумажного информационного сопровождения, в экспозиции представлено большое число экранов, мониторов. Они демонстрируют предметы, которые не вошли в экспозицию или то, что не может увидеть посетитель. Например, в витрине представлена книга, её нельзя взять в руки, а на мониторе перелистываются её страницы. В других залах мы добавили анатомические книги с картинками, тоже на мониторах.

Я кивнула. Действительно, очень удачная идея. В наш стремительный век высоких технологий не стоит тянуться в хвосте. Моя мысль явно подтверждалась — тут были вложены немалые средства.

Зал с костями плавно перетекал в зал скорее медицинский, чем музейный. В первый момент я обалдела, потом вспомнила, на базе какого института все это чудо организовывалось и попыталась осмотреться внимательней. Такого количества человеческих частей в одном месте и в столь разобранном виде мне видеть еще не приходилось. Стеллажи были доверху уставлены баночками маленькими и побольше с внутренними органами соответствующей величины. Выглядело все это немного жутко, если честно. Особенно впечатляли образцы с двумя головами или шестью пальцами, короче в народе это называлось просто уродствами, а я бы сказала аномалиями нашей жизни. Чувствуя, как слегка подкатывает тошнота, я решила долго тут не задерживаться, и так все понятно. И поспешила вслед за Ольгой, которая уже входила в третий зал.

Это помещение было отведено для музейных реликвий. Оно было ярко освещено, повсюду стояли статуи, бюсты и прочие ценности, которые когда-либо удалось заполучить музею. Стена с холодным оружием поражала блеском острых клинков, сбоку статуя неизвестного мне древнего правителя величественно нависала над головой. С другой

стороны, на подставке с длинной ножкой стоял череп и рядом вылепленная голова с черными волосами и открытыми глазами. Очевидно так выглядел этот череп при жизни. Закачаешься. Сколько всего.

Тут Ольга снова заговорила.

— А здесь, в конце, Отдел Письменных Источников нашего музея. Коротко ОПИ. Там невероятное количество важных документов. В собрании этого отдела музея хранится около 15 млн листов уникальных документальных памятников по истории нашей страны разных веков. Особенность этих материалов состоит в том, что они одновременно являются составной частью Архивного фонда и Музейного фонда нашей Республики.

Я присвистнула. Обалдеть.

— Фонды этого Отдела условно можно разделить на четыре главные группы: Личные архивные фонды и частные коллекции, — Ольга указала в одну сторону. — Далее идут Тематические коллекции — собрание дворянских жалованных грамот XVI–XIX вв., собрание материалов по истории просвещения, коллекция документов периода революций и другие тематические фонды. — кивок головой в другом направлении. — Здесь же документальные собрания различных учреждений, научных обществ, музеев нашей страны. Ну и в конце, Коллекции документальных материалов, собранные в ходе работы историко-бытовых экспедиций, — закончила свою речь Ольга.

Осматриваясь в который раз, я окончательно убеждалась, что мне очень нравится это место. И я мысленно послала Ритке благодарность за ее просьбу поработать в такой замечательной обстановке.

Спустя минут двадцать Ольга, коротко объяснив мои обязанности, наконец, оставила меня одну.

Я расслабилась, сняла пиджак, который сковывал движения, и, закинув его на плечо, стала медленно переходить от стеллажа к стеллажу. Было так тихо, что мне казалось, будто в музее кроме меня вообще никого больше нет. Я побродила где-то с полчаса, вникая в документы и читая разные замысловатые названия, попялилась на кости в свое удовольствие, после чего решила, что пора бы и поработать. Сходила в подсобку, переобулась в удобные туфли, поправила прическу и отправилась на свою первую экскурсию на новом месте.

Первый день в роли Ритки прошел более чем спокойно. Никто ни о чем меня не спрашивал, посетителей почти не было, я много времени провела среди костей, изучая их подробнее. Иногда ко мне подходили некие люди, заискивающе улыбались и нерешительно представлялись. Сперва они очень робели, а потом, заметив, что я не кусаюсь, становились более смелыми. Из чего я сделала вывод, что о Ритке ходит не самая лучшая слава и, похоже, ее всерьез побаивались. И ее приход расценивали как некий стратегический маневр. Я постаралась убедить всех, с кем удалось пообщаться, что пришла с миром. Вроде вышло неплохо. Только все сперва недоверчиво меня оглядывали, они ведь раньше не видели Ритку, и кажется в их представлении она была просто бабой-ягой какой-то. Мне даже стало обидно за подружку, и я с удвоенной силой стала всем улыбаться. Только проку было мало — кажется, в моем расположении они пытались увидеть скрытый смысл, и вместо лояльности я получала вымученные улыбки, а собеседники спешили по своим делам. Пришлось смириться с тем, что отношение их за один день мне не изменить. Впрочем, у меня здесь была совсем иная миссия, так что в итоге я махнула на Риткину репутацию рукой.

Домой пришла около пяти часов. Счастливо стянула с себя каблуки и деловой костюм,

переделалась в домашнее и стала чувствовать себя гораздо лучше. Потом прошлась по большой подружкиной квартире, покормила своего кота, перекусила сама. И тут мне стало как-то не по себе. Грустно в огромной квартире, такой стильной и такой чужой. Захотелось услышать хоть чей-нибудь голос, и я набрала Риткин номер.

— Спешу отчитаться о первом рабочем дне, — я бодро пересказала ей сегодняшние события, и даже получила одобрение.

— Знала, что ты справишься. Спасибо. А на Ольгу внимания не обращай. Она меня ненавидит.

— За что?

— Это жена Борис Иваныча, всю жизнь считает, что он со мной воюет до сих пор, потому что не разлюбил. Дурочка, одним словом. К тому же, эту должность Борюсик долго выбивал, а отдать хотят снова мне — несправедливость на лицо. С ее точки зрения, конечно.

— Понятно. Как там конференция?

— Отпад просто! Тут столько интересных мужчин, я уже даже одного присмотрела. Очень даже ничего. Он немец, но живет в России, такой классный мужик.

— Рада, что тебе весело, — вяло протянула я, окинув взглядом пустую квартиру и даже немного позавидовала Ритке.

Вечером, глядя, как за окном идет снег, я вконец загрустила. Решительно напялила пальто, схватила сумку и пошла на улицу. Долго бродила по району, но даже никого не встретила. Там не было ни души. С неба сыпались лишь хлопья снега. Я немного постояла под фонарем, подставив руки и пытаюсь, как в детстве, поймать снежинки на перчатку. Небольшой морозец приятно щекотал ноздри и щеки, ветер трепал распущенные волосы-я не любила шапки. Было так тихо на улице, словно весь город погрузился в небытие. Весьма непривычное это зрелище, особенно, если учесть, что всего через несколько часов улица оживет, потянутся первые прохожие, мамочки поведут не выпавшихся детишек в сад, а сами поспешат на работу. Даже ни одного бродячего кота не попало мне на глаза, пока я разгуливала по дворам. Наверняка, забились в подвалы и греются на трубах. А утром залезут в колеса или под капот, пока водители будут прогревать свои автомобили. Я запрокинула голову и посмотрела на ночное небо. И даже на мгновение закрыла глаза, слушая эту звенящую тишину и наслаждаясь ей. И тут за моей спиной раздались шаги. Я вздрогнула всем телом, так это было неожиданно в моем мире без случайных прохожих.

— Добрый вечер.

Я резко обернулась, сердце от страха на миг ушло в пятки. Ко мне приближался мужчина и с застенчивой улыбкой поглядывал в мою сторону. Он был довольно высокого роста, самой обычной наружности, ничего примечательного я не обнаружила. Возраста в потемках не определенного, одет более чем скромно, даже перчаток на руках не было. На голове отсутствовала шапка, на шее был намотан темно-зеленый шарф. Снежинки активно покрывали макушку незнакомца, а он вроде и не замечал.

— Здравствуйте, — я решила, что молчать не вежливо. Но все же продолжала с опаской разглядывать незваного мужчину. На миг подумалось, что улыбается он как-то странно, а я одна, вокруг зима и ни души. Даже если я начну кричать, мне некому помочь. А вдруг это серийный маньяк? У меня даже баллончика нет. Посетовав на свою глупость, я краем глаза заметила, что он сделал шаг ко мне навстречу. Я инстинктивно отшатнулась.

— Не подходите, а то закричу, — я предупредительно выставила зачем-то вперед руку.

— Я что такой страшный? — он искренне удивился, но больше не пытался ко мне

приблизиться.

— Я вас не знаю. Мне пора, — я собралась уже было уйти, но он меня остановил своим вопросом.

— Вы куда-то торопитесь?

— Да, в кино, — зачем я сказала про кино, сама не знаю. Ляпнула первое, что в голову пришло. А вообще идея с кино мне понравилась, я давно не смотрела никаких новых фильмов.

— А давайте вместе сходим? Я приглашаю, — почти скороговоркой выпалил незнакомец, чем окончательно поверг меня в смятение. Он кто маньяк или неудавшийся Казанова? В любом случае, нам не по пути.

— Меня друзья ждут. К тому же вы не в моем вкусе, извините.

Он уставился на меня. Я ответила решительным взглядом. Под влиянием страха и ночи я была не способна оценивать случайных незнакомцев адекватно. Мне показалось, что нет в нем ничего, что могло бы привлечь мое внимание. Даже мой бывший выглядел симпатичнее. То есть не то чтобы незнакомец был страшен, нет, просто он был такой обычной наружности, да еще и в темноте, да и я под впечатлением от такого знакомства, поэтому не смогла обнаружить в нем что-то, что могло бы заставить трепетать мое девичье сердце.

— Ну ты тоже, между прочим, не Шарлиз Терон, — огрызнулся незнакомец. — Нормальные девки по ночам не шляют. — И он медленно пошел в сторону соседнего с Риткиным дома.

Обиделся что ли, подумалось мне, но я тут же махнула на это рукой. На его слова даже не обратила внимания. Только облегченно выдохнула. Страх, что на меня собирается напасть маньяк, отступил, и я неспешно пошла дальше. Просто неудачник, наверное, решил познакомиться на улице, но опыта в таких делах у него явно маловато. Я поставила ему плюстик только за смелость и решимость, чтобы подойти к девушке на улице, они просто необходимы. Просто сегодня не его день. Или я не та девушка.

Поскитавшись немного по району, я двинулась в сторону кинотеатра. Купила билет на последний сеанс, попкорна огромную порцию и прекрасно провела время. Людей было не много, будний день, а фильм мне понравился. Так что домой я вернулась в прекрасном настроении, ходила за котом и пыталась его расшевелить, что им было воспринято без особого энтузиазма и почти как оскорбление.

Утро было хмурое, но мысль о том, что мне в музей только к двенадцати часам, так грела, что я умудрилась проснуться все в том же хорошем настроении. Приняла душ, позавтракала, выбрала красивое платье и ботфорты, подкрасилась и даже подкрутила волосы. Короче, чувствовала себя на все сто. День прошел крайне спокойно, я лишь периодически показывала редким посетителям ту или иную секцию и отвечала на вопросы. Экскурсия была всего одна, дети особо не шумели и даже задавали вопросы по делу. Так что я и не заметила, как пора было собираться домой. Дома снова ждал только кот, пустая квартира на этот раз была воспринята мною с радостью. Я полежала в ванне, приготовила легкий ужин, даже выпила бокал вина, что нашлось у Ритки в баре. Лежа в ванне, я подумала, что совсем неплохо так жить, да еще и денег заработаю и через две недели как раз на праздники смогу отправиться куда-нибудь в жаркие страны.

Открыв в интернете карту мира, я гадала, куда хотела бы поехать. Вариантов было так много, денег Ритка мне обещала прилично, а я не слишком привередлива, так что выбор был обширный. Так ничего и не придумав, я уснула. А во сне лежала на белом песочке, грелась

на солнышке и потягивала коктейль. Блаженство и гармония в моей душе способствовали хорошему сну, и жизнь виделась мне тихой, приятной и понятной.

А в четверг все полетело к чертям. То есть сам по себе четверг начался более чем прозаично — подъем, завтрак, поездка на работу. Экскурсия с утра, потом обед, потом еще одна. И вот после этой второй экскурсии ко мне подошла Ольга и долго мямлила что-то невразумительное, пока я не сообразила, о чем идет речь. У них заболела сотрудница, которая дежурит по вечерам, и не могла бы я оказать им такую любезность и остаться до одиннадцати в музее. В это время приходит ночной сторож, он меня и сменит. Выражение лица у Ольги было умоляющее, что весьма не было на нее похоже, а меня все равно дома никто не ждал... Так что я без проблем согласилась. К тому же у меня с собой был только что начатый детектив, поэтому я была уверена, что время пролетит незаметно.

Так и было. Я мирно читала в кресле на вахте третьего этажа, везде был потушен свет, только возле входа предусмотрительно горела лампочка Ильича. Книжка была супер, сюжет захватывал, поэтому вначале я не придала неясному шуму никакого значения. Было как раз пол-одиннадцатого, и я решила, что это тот самый сторож, про которого говорила Ольга, просто пришел пораньше и теперь проверяет все ли заперто.

— Михаил Иванович это вы? — все же через какое-то время мне сделалось немного не по себе. Огромный пустой музей, небольшой круг света и неясный шум, словно кто-то очень тихо ходил по коридору. Звуки были из зала с костями, я его сама лично запирала, поэтому удивилась им вдвойне.

На мой вопрос сторож не отозвался. Снова сделалось очень тихо.

— Михал Иваныч? — и опять в ответ ни звука.

Послушав тишину, я снова услышала едва различимые шаги. Только теперь они стали приглушеннее, будто издалека. За залом с костями находился зал с артефактами, привезенными с раскопок. Может это древнее приведение. Я нервно хихикнула. И снова услышала эти непонятные шаги. Если честно, в этот момент мое тело покрылось испариной. А сердце застучало в бешеном ритме. Мне стало страшно. Но я решительно встала из-за стола, оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь увесистого. Взгляд остановился на огнетушителе у входа. Я, стараясь особо не шуметь, сама не знаю почему, направилась в его сторону. Никогда раньше мне, слава Богу, не приходилось пользоваться огнетушителем. И теперь я попыталась понять, как достать его и, тем более, что с ним делать. Немного повозившись, я, наконец, вооружилась увесистым предметом и направилась в сторону зала с экспонатами костей. Я была уже почти возле входа в зал, как вдруг услышала скрежет. Жуткий до безобразия.

— Мамочки... — прошептала я не понятно к кому обращаясь.

А в следующий миг погас свет в единственной лампочке на этаже. Музей погрузился во тьму. Я вжалась в стену, прижимая к своей груди огнетушитель и честно начала молиться. Мне было так страшно, что я готова была заплакать. И мечтала провалиться сквозь землю, лишь бы не стоять в крошечной тьме. И тут снова раздались эти странные шаги. Совсем близко. Кто-то пересек зал с костями! Я его ясно слышала, но не видела ни черта. Сама, плохо понимая, что делаю, я подняла высоко над головой огнетушитель, и с громким криком бросилась в пустоту.

— ААААА!

И вдруг зажегся свет. И в этом свете я увидела изумленное лицо Михаила Ивановича, тс бишь сторожа, который смотрел на меня, как на ополоумевшую. Я от страха еще не пришла в

себя, поэтому только опустила вниз огнетушитель и попыталась выдавить из себя подобие улыбки. Видимо, сторож был не любитель женщин, потому что никак не отреагировал. Но прежде, чем он успел задать мне хоть один вопрос, по всему музею вдруг заорали сигнализации. Вой стоял такой, что мне невольно подумалось, что в реальности такого со мной просто не могло бы произойти. Я недоуменно вертела головой, а Михаил Иванович в ужасе схватился за сердце.

— Кража, — прохрипел он.

— Что? — мне показалось, что я ослышалась.

— Нас ограбили!!

В ту ночь поспать совсем не удалось. Дождавшись, когда приедет полиция, мы с Михал Иванычем пытались объяснить, что произошло. Сигнализация орала минут пять на весь музей, пока ее не отключили сотрудники спецслужбы, приехавшие в рекордно короткие сроки. До приезда органов мы со сторожем даже не решались куда-то заходить, сидели на вахте, тряслись и молча переглядывались.

— Что ж теперь будет, Маргарита Николаевна? — не выдержал, наконец, сторож. Его умоляющие глаза меня даже растрогали, и я попыталась его успокоить. Подействовало, но ненадолго.

Приехавший наряд полиции прочесал весь музей, заглянул в каждую щель, но ничего не обнаружил. Кроме открытого замка в зале с раритетными вещицами. Когда я стала рассказывать им о том, что слышала шаги незадолго до появления сторожа, полицейский вроде приободрился. Но, поговорив с Михал Иванычем, который, оказывается, ничего такого не слышал и не видел, энтузиазма и огня в очах у него поубавилось. Думаю, он решил, что я сама все выдумала. Ночь, пустой темный музей, любительница детективных историй сидит одна... Все это так ясно читалось на его лице, что я уже пожалела, что вообще заикнулась насчет чьих-то шагов. Но не могла же я молчать, ведь действительно их слышала. Но для полицейского это не являлось весомым доводом, особенно если учесть тот факт, что никаких следов они не обнаружили. И если бы не включившаяся сигнализация и отсутствие важной реликвии в зале, можно было бы совсем закрывать дело за недостатком информации.

Когда выяснилось, что пропало, Михал Иваныч схватился за сердце уже во второй раз за ночь. И я его понимала. Украли очень важную находку, вывезенную нашими учеными из Египта еще в девяностые годы. Саркофаг с мумией одного из фараонов. Стоимость подобной реликвии на рынке исчислялась шестизначными цифрами и совсем даже не в рублях. Осознав это, я присела, чтобы подобно сторожу не ухватиться за сердце. Было от чего запаниковать. Следов похититель не оставил никаких, его никто не видел, и не слышал. Кроме меня, разумеется. Но я человек новый, к тому же, девушка. Доверия у сотрудников полиции не вызвала, скорее к утру они стали относиться ко мне со все возрастающим подозрением. Их было сложно в этом винить. Но, поскольку доказательств моей вины у них тоже не было, меня отпустили домой.

Едва положив голову на подушку, я тут же уснула и спала почти до обеда. Экскурсия сегодня была только одна, вечерняя. Музей решили не закрывать на время следствия, а информацию о краже держать в строжайшем секрете даже от сотрудников. Но, отлично зная наш народ, я понимала, что уже к обеду все будут знать о том, что ночью нас ограбили, что именно украли и что кроме Маргариты Николаевны в тот момент в музее никого не было. Доверия у сотрудников музея я вызывала не больше, чем у полицейских.

Около двух позвонила Ритка. Кто-то уже донес ей о происшедшем, и она рвала и метала. Я вкратце пересказала ей случившееся ночью, и она слегка поубавила громкость своего голоса.

— Прости, что наорала. Но я просто не в себе от таких новостей. Ты даже не представляешь, какая это ценность. Это же Египетский фараон, мать его!

— Я вполне могу себе это представить. Но у меня была такая тяжелая ночь, что мне хочется только провалиться сквозь землю.

— Кир, ты сама-то уверена, что слышала эти самые шаги? Может и правда тебе показалось? У страха глаза велики, сама знаешь.

Я начала злиться.

— Ты еще скажи, что я в стоворе с этим вором, пустила его в музей, потом помогла выйти незамеченным...

— Я этого не говорила. Просто меня теперь ждет такая головомойка, что мама не горюй. А еще если узнают, что ты выдавала себя за меня...Блин, а так все хорошо начиналось! — посетовала подруга и горестно вздохнула.

А я вдруг сообразила, что она права. Если полиция вздумает проверить и узнает, что Маргарита Николаевна никакая не Маргарита, да и кроме меня в музее никого не было, шагов никаких никто не слышал, а реликвия стоит огромных денег...Я прекрасно поняла в этот момент полицейского, который смотрел на меня с недоверием. Да у него на лице уже тогда было написано, что я подозреваемая номер один. И это они еще о нашей подмене не знают.

— Может, ты вернешься пораньше, а? — предложила я, не особо рассчитывая на успех.

Так и оказалось.

— Не надо сикать раньше времени, подруга, — решительно заявила Рита. — Пусть сперва доказательства найдут, что ты хоть к чему-то имеешь отношение. А я уверена, что у них такого нет. Так что не дрейфь. Лицо понаглее и вперед. Ты ж теперь я, а я никогда бы не стала прятать голову в песок.

Я кивнула и положила трубку. Может она и права. Не стоит паниковать раньше времени. Будет день — будет пицца. Разберемся по ходу пьесы. На вечернюю экскурсию я пришла на пятнадцать минут раньше. Меня встретила хмурая Ольга, проводила недовольным взглядом, но даже слова не сказала. Правильно, как ни крути, а я ведь большое начальство. То есть Ритка, конечно. А к начальству с вопросами не лезут.

Я блестяще провела экскурсию, ответила на все вопросы любознательной публики и пошла выпить кофе перед уходом. В кафетерии попалось парочка любопытных сотрудников, которые то и дело на меня пялились. Мне от их взглядов кусок в горло не лез, так что я взяла свое пирожное, кофе и отправилась на вахту к Михаилу Ивановичу. Тот встретил меня вполне любезно, хоть и настороженно поначалу.

— Все на ушах стоят из-за этого случая, — доверительно сказал мне этот вполне милый старичок. — И надо же было, чтобы именно в мою смену!

Он горестно вздохнул.

— А что вы не один у нас сторож? — я решила поддержать беседу.

Он мотнул головой.

— Двое нас, я да Витька Столеваров, мы по две ночи дежури́м. Сейчас вообще-то его смена, да у него жена приболела, за ней уход нужен, вот и пришлось подменить. И случилась же оказия. Да кто ж знал...Теперь затаскают по кабинетам да по участкам, да? — он взглянул на меня с надеждой.

Я лишь покачала головой.

— Понятия не имею, как такие дела решаются, — было видно, что сторож не поверил ни одному моему слову.

— Маргарита Николаевна, голубушка, вы бы там, — тут старичок выразительно

посмотрел на потолок, — замолвили словечко, что, мол, не виноват я, да и не было меня в тот момент на работе еще. А то ведь у нас всегда козел отпущения найдется. А я на пенсии уже, кто ж меня на работу возьмет?

Хотела я сказать ему, что боюсь, как бы меня саму в тюрьму-то не упекли, не говоря уже о том, что Ритка из-за меня могла лишиться работы, но вовремя одумалась. Только улыбнулась ему самой ободряющей улыбкой, на какую была способна.

— Не волнуйтесь, Михал Иванович, все образуется.

Он в ответ печально покачал головой. Пожелав ему спокойного дежурства, я направилась к выходу. В планах было заехать домой к родителям, надо бы по дороге заехать в магазин за продуктами. Показать, что у меня все в полном порядке, и я не голодаю, а то мама бесконечно волнуется по этому поводу. Впрочем, это же мама, ей положено волноваться.

Оказавшись на улице, я уставилась на противный дождь, что лил с неба. Ну что ж это за зима такая, то снег лежит, то дождь идет. Хоть бы в новогоднюю ночь не было ливня и слякоти, подумала я. Мне нравилось просыпаться первого числа и видеть за окном белые холмы и вслушиваться в тишину притихших после гуляний улиц. И поесть прошлогодние салатки. И мандарины. Ох, скорей бы праздник.

Почти уже спустившись в метро и изрядно промокнув в виду отсутствия у меня зонта, я вдруг поняла, что чего-то не хватает. На плече не болталась привычно сумка. Я чуть не застонала с досады. Сумку-то я оставила в музее, а в ней и проездной на метро, и ключи, и деньги, и телефон. Ну как тут было не разозлиться. Да еще и этот противный дождь. До музея назад идти метров пятьсот, которые я только пару минут назад благополучно преодолела. Немного поканючив и попеняв на свою забывчивость, я медленным шагом двинулась к лестнице. Особо не торопилась, потому что и так уже промокла до нитки, так какой смысл бежать.

Поднявшись на третий этаж, я помахала удивленному Михаилу Ивановичу.

— Сумку забыла в подсобке, — ответила я на незаданный им вопрос.

— Ааа... — протянул он и кивнул. — Аккуратней, я там уже свет везде потушил, — и дальше уставился в газету — там был занимательный кроссворд, наш сторож любил пораскинуть мозгами.

Я бодро пересекла зал с костями, даже не включая свет, нашла дверь в подсобку. Щелкнула выключателем, отыскала сумку, проверила все ли на месте. Выключила свет, закрыла дверь подсобки и тут снова услышала шаги. Совсем рядом где-то, и я готова была поклясться, что это были точь-в-точь те же самые шаги, что я слышала минувшей ночью.

— Кто здесь? — громко спросила я, особо не рассчитывая на ответ.

Шаги стихли, по спине забегали мурашки, я прижала к себе сумку и уже потянулась рукой к выключателю. Но мне не суждено было им воспользоваться, потому что в следующее мгновение мне на голову опустилось что-то тяжелое, и наступила тишина.

— Маргарита Николаевна!

Кто-то настойчиво звал Ритку. Голос был взволнованный и явно знакомый. Я пыталась сказать ему, что Ритка уехала, что ее сейчас нет, но голос продолжал звать ее и звать. Он был такой громкий, что у меня от него ужасно разболелась голова. И все тело ломило. Я ощутила легкое головокружение и тошноту. А голос все не прекращал.

— Маргарита Николаевна, вы слышите меня?

Да как она может тебя услышать, ее же здесь нет, ну что за придурок пристал тут и орет, как бешеный. Ох, почему же так болит голова. Тут я ощутила чью-то руку на своем плече. Кто-то усердно тряс меня, от чего моя бедная голова, казалось, расколется на сотню маленьких кусочков. Я не на шутку разозлилась и открыла глаза, чтобы увидеть нахала.

— Ну Слава Богу! — услышала я еще один голос, незнакомый.

И тут до меня дошло. Я обалдело посмотрела по сторонам, пока мне помогали сесть чьи-то заботливые руки. Я в зале с костями. Это раз. Почему-то сижу на полу, это два. Голова болит до ужаса. Это три. И четыре: рядом стоит озабоченный моим видом Михаил Иванович и еще какой-то мужчина. В форме. Опять полиция.

— Нас что снова ограбили? — я прислонилась к стене и попыталась перевести дух. Потом потрогала свою голову. Ого, на затылке огромная шишка, неудивительно, что так болит.

— Вы что-нибудь помните? — ко мне склонилось молодое лицо работника в форме.

Я помотала головой.

— Я вернулась забрать сумку. Из подсобки. Выключила свет. Дальше пусто, — тут я призадумалась. — Хотя нет, я снова их слышала!

— Кого их? — удивленно спросил парень.

Я подумала, что он совсем еще зеленый, чтобы работать в такой серьезной организации. Даже усов нет, наверное, не выросли.

— Шаги. — наконец ответила я ему.

Недоумение так отчетливо читалось на его лице, что я усмехнулась. Зато Михаил Иванович как-то вдруг съежился и уставился на меня немигающим взглядом своих подслеповатых глаз.

— Маргарита Николаевна, какие шаги, что вы такое говорите? Кроме нас с вами тут никого и не было.

— Кто же тогда ударил меня по голове? — спросила я его, пытаясь подняться. По стеночке с помощью молодого полицейского мне это удалось. Прислонившись головой к холодному стеллажу, я ощутила такое минутное блаженство, что даже забыла, где нахожусь.

— Не знаю, — наконец, ответил сторож.

— Вот. А я уверена, что тут был кто-то еще, кроме нас с вами. Кстати, опять что-нибудь пропало?

Парень покачал головой.

— Все на месте. Ничего не украли. Кроме вас пострадавших нет.

Лицо сторожа вытянулось до такой степени, что я едва не расхохоталась.

— Михал Иваныч, надеюсь, вы не думаете, что я все придумала? Может и по голове я себя сама треснула?

— Я ничего не думаю, Маргарита Николаевна, мое дело маленькое. Но все это очень странно, вот что я вам скажу.

— Она пришла в себя? — услышала я вдруг еще один голос. Отдаленно что-то знакомое мелькнуло, но дальше этого не пошло.

— Да, капитан. Говорит, что слышала чьи-то шаги, — отрапортовал паренек в форме, повернувшись ко мне спиной и заслоняя новоприбывшего.

— Может, это было средневековое приведение? — что за усмешки из уст человека в таком звании. Я признаться немного растерялась.

И тут капитан возник в поле моего зрения. Я узнала его почти мгновенно, хотя первая

наша встреча была при менее хорошем освещении. Передо мной стоял тот самый мужчина, что пытался познакомиться со мной на улице несколькими днями ранее. При свете дня я увидела, что он был высоким, и совсем не темноволосым, как мне показалось тогда на улице. Русский, коротко стриженный. Неплохо сложен, в целом самый обычный мужчина. Только вот глаза у него были странные. То ли серые, то ли голубые, и какие-то чересчур живые для работника органов. Кстати, он был не в форме, а в обычных джинсах, рубашке, пиджаке. На шее болтался все тот же темно-зеленый шарф. Ну никак не походил он на человека в высоком звании капитана полиции.

На меня взирал с усмешкой и периодически хмурился. Причину такого поведения я сперва не поняла. Пока не заметила в руках у него свой паспорт и чуть не выругалась.

— Скажите, пожалуйста, любезная барышня, кто же вы такая?

Я молчала, за меня ответил Михаил Иванович.

— Это Маргарита Николаевна, она из главных у нас, большое начальство.

— И что же большое начальство делает по вечерам в музее? — лилейный голос капитана злил не на шутку.

Сторож вздохнул. Он явно задавался этим вопросом не раз.

— Я забыла сумку в подсобке. Я уже говорила вашему сотруднику.

Он покивал, словно бы соглашаясь.

— И чем же вы тут занимаетесь, дорогая Маргарита...

— Николаевна, — подсказал ему сторож.

— Да конечно. Так чем же? — он вдруг посмотрел мне прямо в глаза. Не знаю, что читалось в моем взгляде, но в его непонятного цвета глазах плясали чертики, я готова была поклясться, что вижу их. Разумеется, я отнесла все это на счет больной головы.

— На время праздников я вожу здесь экскурсии, — процедила я сквозь зубы и отвела глаза.

Он тихо засмеялся.

— Откуда у вас этот пропуск, девушка? — наконец, строго спросил капитан.

— Это мой, — я уставилась в пол. Врать мне было совсем не свойственно, из-за этого я частенько страдала в своей жизни.

— А сумка тоже ваша?

— Моя.

— А паспорт в ней чей?

— Мой, разумеется, там есть фотография.

Михаил Иванович заглянул за плечо капитана.

— Действительно, в паспорте ваша фотография..., - отозвался капитан.

— Ой, — вдруг произнес сторож и почему-то перекрестился. — Как же это...

Я горько усмехнулась. Ритке теперь влетит. Да и мне достанется на орехи. Прощай жаркая страна и новогодний пляжик с морем...Эх.

— Я бы тоже хотел понять, как получилось, что паспорт у вас на имя Киры Юрьевны Брусникиной, а в пропуске написано, что вы Лапина Маргарита Николаевна?

— Она шпионка, я знаю, — вдруг запричитал сторож.

— Вы, надеюсь, шутите, — я вытаращилась на него и едва сдержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска. Какая же все-таки чушь иногда лезет другим в голову. Очуметь можно.

Михаил Иванович спрятался за спину капитана, но глаз с меня не сводил. Наконец, мне

это надоело.

— Послушайте, у меня ужасно болит голова, мне надо в больницу, на меня напали вообще-то! — я решила, что лучше потянуть время. — А вы тут со своими вопросами дурацкими.

— Установление личности не дурацкий вопрос, — вдруг строго сказал молодой напарник капитана. Сказал и как-то сам даже смешался. Побоялся собственной активности.

Я думала, что капитан станет злиться, будет меня допрашивать, но он вдруг улыбнулся.

— Хорошо. Отправляйтесь в больницу, вас отвезет наш сотрудник. Но сержант поедет с вами, для охраны. Завтра утром привезешь барышню ко мне на допрос, в отделение, — это уже он говорил на ходу, обращаясь к молодому.

Я на миг почувствовала облегчение. Меня проводили до машины, сержант сел спереди с водителем. И на полицейском уазике мы благополучно добрались до больницы. По дороге я не к месту подумала, что дома не кормленный мой бедный кот. А потом вдруг поразила новая мысль: а увижу ли я вообще еще когда-нибудь своего кота, своих родных и близких. Езда на полицейской машине уверенности в завтрашнем дне явно не прибавила.

В больнице меня обследовали, даже положили в палату. Сотрясение мозга — таков был мой неутешительный диагноз. Одно радовало, свидание в отделении переносилось на несколько дней вперед. Я совсем не жаждала объясняться с капитаном. Особенно чувствуя, что он получал прямо-таки удовольствие от того, что девушка, отвергнувшая его при встрече, теперь находилась в зависимости от него. И я пообещала себе не давать ему спуска. Пусть скалится сколько угодно, но об меня он свои зубы точно обломает.

— Кир, ты ужасы какие-то рассказываешь! — Голос Ритки в трубке звучал весьма взволнованно.

— Чистая правда, к сожалению. И то, что наш обман раскрыт, боюсь, тоже.

— Да фиг с ним, разберусь, — отозвалась подруга. — Но как же так, на тебя напали, тебя ударили, но ты еще и подозреваемая? Где логика у этих работничков!

Я была с Риткой согласна.

— Мне жаль, но теперь ты вряд ли получишь свое повышение. Борис Иванович, похоже, выиграл.

Даже в трубке мне было слышно, как подруга заскрежетала зубами. Ей эта война давалась нелегко и проиграть в самом конце было более чем обидно. Я прекрасно ее понимала. Да что поделаешь.

— Что думаешь говорить на допросе? — наконец вернулась подруга к насущному вопросу.

Я пожала плечами.

— Правду, разумеется. В конце концов, то, что у меня чужой пропуск еще не говорит о том, что я украла ценную вещь из музея. Хоть и делает меня весьма подозрительной личностью.

— Думаешь, они смогут что-то доказать? Глупости все это. Не переживай, лучше отлеживайся в больничке и ни о чем не думай.

— Легко тебе говорить, — вздохнула я. — Если бы ты видела лицо этого капитана. Да он меня уже заранее обвинил во всех грехах и просто мечтает отыграться.

— Ты что с ним знакома? — удивилась Рита.

Пришлось рассказать ей историю нашего малоприятного знакомства с капитаном полиции.

— Ну дела, — протянула подружка. И рассмеялась. — А он симпатичный, этот капитанишка?

Я едва не задохнулась от возмущения.

— Рита! Он меня в тюрьму посадить может, а ты смеешься.

— Да ладно, он же всего-навсего мужик. А ты задела его мужское самолюбие. Извинись, мило поулыбайся. Можешь даже в знак примирения пригласить его на чашку кофе — и все, ты больше не подозреваемая номер один.

Советы у Ритки всегда были в таком духе, что стоило лишь распушить перья и все мужчины у твоих ног. Я попыталась донести до нее простую истину: что привычно и реально для такой женщины, как она, абсолютный нонсенс в моем случае. Но слушать она меня, конечно же, не стала. Рита всегда была уверена, что мир склонится перед ней, стоит только захотеть. Впрочем, следовало признать, что так и было. Только у меня все совсем иначе.

— Я думаю, что этот капитан только и ждет момента, чтобы отыграться на мне. Только вот как мне объяснить тот факт, что я изображаю тебя?

— Если наверху узнают, что я уехала кадрить мужиков вместо того, чтобы работать в нашем славном музее, они меня просто разорвут на части, — произнесла Ритка. Но особой

грусти я в ее тоне не услышала.

— Но врать мы тоже не можем. Да к тому же, это и бесполезно — он держал в руках мой паспорт, а там все мои данные, — отозвалась я, поудобнее укладываясь на подушки.

— И не надо врать, — решительно сказала подруга. — Я позвоню начальству сама, и признаюсь, что наняла тебя побыть мной, потому что ты отличный работник.

— По голове тебя за эту выходку не погладят.

— Ну да ничего, прорвемся. Главное, чтобы тебя из-за нашего маленького обмана в краже такой ценности не обвинили — это очень важная мумия.

— Может, ты все же вернешься? Мне тут так тоскливо одной...

— Извини, но нет. Помнишь, я тебе про немца рассказывала? Кирюха, он просто супер. Я никогда себе не прощу, если сейчас оставлю его, понимаешь?

Я протяжно вздохнула.

— Развлекайся. Только начальство предупреди. Пока.

Я отключилась и стала пялиться в потолок. Никаких умных мыслей в голову не лезло, к тому же и голова еще болела, так что я почла за лучшее уснуть.

Выписали меня из больницы через три дня. Три вполне веселых денька явно пошли мне на пользу. Я выздоравливала, каждый день ко мне приезжала мама с домашними деликатесами. В палате со мной были отличные девчонки, время мы проводили более чем весело. Так что о своих проблемах я ненадолго смогла забыть.

В день выписки первым делом я поехала домой к родителям. Забрала кота, который на момент моего отсутствия был перевезен к ним домой. Получила ценные указания насчет того, чтобы быть пай девочкой и никуда не лезть, и отправилась на квартиру к Ритке: я решила еще немного пожить у нее.

Поднявшись на нужный этаж и достав ключи, обнаружила белый конверт, торчащий в щели между дверью в квартиру и стеной.

— Интересно, — я зашла внутрь, втащила вещи, выпустила кота из переноски, выпила воды и только тогда прошла в гостиную и уселась на диван. Открыла конверт, он был не запечатан. Там была записка, написанная чьим-то размашистым почерком. Маргариту Николаевну настоятельно просили посетить отдел полиции по указанному адресу внизу. И по возможности прихватить с собой свою подругу Брусникину. Дальше следовал номер телефона. И подпись капитан Соболев К.С.

— Неофициальный вызов в полицию, класс. Быстро этот капитан нашел Риткин адрес, — я усмехнулась. — Активный мужик, ничего не скажешь.

В тот день я никуда выходить не стала, только в магазин за продуктами — в холодильнике было пусто. Приготовив ужин, я весь вечер просидела в интернете. Область моего интереса была непосредственно связана с костями — я изучала историю того самого фараона, чьи останки были похищены. Меня весьма занимала эта непонятная ситуация с кражей, с попыткой избавиться от ненужного свидетеля — именно так я видела все недавние события. И мне было крайне интересно, какое будет продолжение.

А в отделение к Соболеву прийти мне все-таки пришлось. Через два дня после выписки позвонил незнакомый майор и очень настоятельно просил заглянуть к ним на огонек. Ну как я могла отказаться от столь заманчивого предложения. Вот и поехала. В коридоре под кабинетом с надписью капитан Соболев К.С. я просидела минут двадцать. Пялилась на обшарпанные стены, на потолок, с которого уже давно сыпалась побелка, на редких посетителей, таких же испуганных, как и я сама. Ранее в полиции мне бывать не

приходилось, а это место у нормальных граждан хороших чувств не вызывает. Я считала себя вполне нормальной, так что ощущения были соответствующие. Когда в какой-то момент по коридору с заломанными назад руками провели какого-то беднягу, от которого воняло так, будто ты находишься на помойке, я уже окончательно собралась уйти. Даже поднялась и направилась к выходу, но тут-то меня и окликнул знакомый голос:

— Кира Юрьевна!

Я обернулась и понуро побрела в кабинет вслед за капитаном. В кабинете не было ничего примечательного. Только попугай в клетке. Единственное яркое пятно в таком малопривлекательном местечке. Мне предложили стул, сам капитан уселся за стол, сплошь заваленный бумагами. И, наконец, взглянул на меня. Сегодня в свете дня его глаза казались прозрачно-голубыми, и я в который раз подивилась их странному оттенку.

— Я получила вашу записку, — порывшись в сумке я извлекла на свет конверт.

— Но пришли одна, — заметил Соболев.

— Риты нет в стране, я думаю, вам это известно.

Он кивнул.

— А как вы получили записку? В паспорте у вас другой адрес.

Я вздохнула. Везде успел сунуть свой длинный нос этот навязчивый капитанишка.

— Я живу в ее квартире, — заметив недоуменный взгляд, я добавила: — Временно.

— Живете в ее квартире, носите я так понимаю ее одежду, на работе выдаете себя за нее, у вас ее пропуск... Объяснитесь.

Меня удивил тот факт, что капитан обратил внимание на разницу в одежде. В музее я была в костюме и на шпильках, изображала Ритку, а сегодня в джинсах, свитере и сапогах на плоском ходу — короче, сегодня я была самой собой. И даже практически без косметики. И это не укрылось от пытливого взора господина Соболева. Я увидела, что он выжидающе поглядывает в мою сторону и, потушив глаза, стала рассказывать. Много времени это не заняло. Он слушал очень внимательно, не задавая ни одного вопроса и не перебивая. Иногда что-то записывал в блокнот, что заставляло меня особо нервничать. В таком месте, как полиция, тебе периодически кажется, что вот сейчас вбегут мальчишки в погонах, заломят тебе руки и уведут в наручниках в камеру. Особенно живо я представляла эту картину, когда капитан начинал чиркать в своем блокнотике. Сердце мое ухало вниз, а руки предательски потели. Я изрядно нервничала и мечтала поскорее выбраться из этого кабинета. Но Соболева мои неудобства, кажется, вовсе не волновали. Он их попросту не замечал. Слушал, поглядывал в окошко. Словом, вел себя как добродушный мент, что вселяло в меня уверенность, что ему очень хочется, чтобы я оказалась виновной в этой истории. Права Ритка, я задела его самолюбие, а мужчины этого не любят. Я решила, что непременно должна извиниться, хотя бы попробовать. Ведь раз он пытался познакомиться со мной на улице, значит, я ему приглянулась. Так может мое обаяние сыграет мне на руку. Хоть я и сомневалась в его наличии.

Я замолчала и как-то несмело улыбнулась. Соболев на это лишь сощурил глаза.

— Кира Юрьевна, в котором часу вы остались одна в музее в тот вечер, когда произошло ограбление?

Я задумчиво почесала нос.

— Около восьми. Да, последние посетители вышли около семи тридцати, я закрыла залы, потушила свет, взяла кофе и отправилась на вахту. Я читала книгу.

— А сторож пришел во сколько?

— Я увидела его только тогда, когда включился свет, я же вам говорила.

— А где же он был все это время, по-вашему?

— Откуда мне знать? — я пожала плечами. — Я ждала его к одиннадцати, но в половине произошло то, что я вам сказала, так что, наверное, он пришел раньше.

— А он говорит, что пришел в начале одиннадцатого, обошел все двери, проверил, заперты ли замки, пошел к вахте, вас там не было.

— Правильно, я слышала шум из зала с костями, — в который раз стала я объяснять. — Немного испугалась и пошла проверить, кто там ходит. Я думала, что это Михал Иваныч и есть.

— А он сказал, что не видел вас там в это время.

Я насупилась. Дело принимало серьезный оборот.

— А про то, что свет потух, он вам говорил? А про сигнализацию в музее?

Соболев кивнул, вертя в руках авторучку. Поглядывал на меня исподлобья и явно недружелюбно.

— Говорил. Свет выключился около десяти сорока пяти, а включился буквально через пару минут. Тогда и сигналка сработала.

— Да, так и было. Как раз, когда свет включился, я и увидела сторожа. Он стоял в зале с костями, а я...

— А вы угрожали ему огнетушителем, — закончил за меня Соболев.

Я вытаращила глаза в полном обалдении.

— Что я делала?? Он что спятил?

— Попрошу вас выбирать выражения, вы на допросе.

— Послушайте, я не знаю, с чего вдруг Михал Иваныч стал менять свои показания, но в тот вечер он при мне говорил сотруднику полиции, что действительно видел у меня в руках огнетушитель, только я ему не угрожала. Я взяла тяжелый предмет для самообороны. Мне было страшно, если вас это интересует.

— Не очень, — кисло усмехнулся капитан и снова стал глядеть в окно.

Я уже не на шутку беспокоилась и ерзала на неудобном деревянном стуле. Почему сторож сказал Соболеву такую чушь? С чего ему путать версии происходящего? Или он, действительно, думает, что я шпионка. Глупость какая-то.

— Итак, вы взяли огнетушитель и....

— И пошла с ним в зал с костями. Я ведь уже рассказывала.

— Здесь я решаю, что вы рассказывали, а что нет.

Я нервно сглотнула. Гнев свой я уже едва сдерживала.

— Почему вы пошли именно туда, Кира Юрьевна?

— Потому что там кто-то был.

— Вы его видели?

— Нет, но ведь...

— Вы его не видели, так почему решили, что там кто-то есть?

— Там кто-то ходил. Я уверена, что слышала его.

— А вот сторож говорит, что никого не слышал.

— Я сама лично закрыла замок в этом зале. А когда сотрудники приехали, он был открыт. У вас есть сомнения в том, был ли там кто-то третий?

— Кира Юрьевна, вопросы здесь задаю я.

Я сжала кулаки в бессильном гневе. Вот гад. Он меня специально изводит, я была в

этом просто уверена. Издевается и получает удовольствие. Да как таких вообще земля носит. Чтоб тебе пропасть, мент паршивый.

— Так вы утверждаете, что слышали чьи-то шаги в ночь похищения ценного экспоната? — услышала я снова его голос через какое-то время.

Я подняла глаза от своих крепко сжатых кулаков и посмотрела на Соболева.

— Да, и на следующий день тоже, перед тем, как меня стукнули по голове...

— К этому мы еще вернемся, — перебил меня капитан. — Вы уверены, что не видели того, кто находился в зале?

— Нет, я уже говорила вам, что...

— Да- да, конечно, — снова этот противный менторский тон. — В котором часу вы слышали шаги?

— Около половины одиннадцатого. Вы ведь уже спрашивали! Михал Иванович как раз должен был...

— И к этому мы тоже еще вернемся. Но позже.

Я в конец разозлилась. С меня было довольно. Я вскочила со стула, на котором сидела. За моей спиной скрипнула дверь, но я не обратила на это никакого внимания, полностью поглощенная злостью на капитана.

— Послушайте, я прекрасно помню, что слышала и что видела. Не нужно говорить со мной, как с полной идиоткой, — выпалила я. — А если вы просто решили отыграться на мне за то, что я отказалась идти с вами в кино, так это...

Продолжения фразы я не договорила, потому что меня перекричал Соболев:

— Тебя что стучать не научили, Лысенко?!

Я обернулась. В дверях стоял тот самый молодой парень в форме, что помогал мне подняться в музей и отвозил в больницу. И судя по выражению его лица, мою фразу о том, что я отказала его начальнику, он прекрасно слышал. Физиономия у него была красная до невозможности.

— Простите, Кирилл Сергеевич, я стучал, но вы не ответили... Тут пришла девушка насчет украденной сумки...

— Ты что не видишь, что я занят? Прими сам заявление, только составь по форме, а не как в прошлый раз. — гаркнул Соболев и дверь тут же захлопнулась. — Работнички...

Я тихонечко опустила на свой стул, стараясь не встречаться взглядом с грозным капитаном. Мне вообще хотелось подобно сержанту Лысенко спрятаться за дверью и больше никогда не видеть злого лица Кирилла Сергеевича.

— Извините, — почти шепотом сказала я, разглядывая свои руки.

Он проигнорировал мои слова. Взял со стола какую-то бумагу, размашисто поставил на ней свою подпись и протянул мне.

— Распишитесь внизу, — я послушно выполнила его приказ. — Отпускаю вас под подписку о невыезде. Пока ведется следствие, я должен знать, где вас найти.

Я согласно кивнула.

— И подруге передайте, что я настоятельно советую ей вернуться поскорее из поездки.

— Вряд ли она меня послушает... — попыталась я вставить свои пять копеек.

— Значит, придется постараться.

— Я могу идти? — я снова нерешительно поднялась со своего места.

Кирилл Сергеевич поднял на меня тяжелый взгляд своих светлых глаз.

— Свободны.

Дважды мне повторять не пришлось. Я пулей вылетела из кабинета, пробежала по коридору, едва не задев плечом проходившего мимо сотрудника. И только на улице смогла перевести дух. Села на лавочку и немножко поглядела в небо, слушая, как в бешеном ритме бьется сердце. А вы, Кирилл Сергеевич злопамятный гражданин, оказывается. И весьма самолюбивый. Я вдруг ясно осознала, что с точки зрения капитана и с точки зрения сотрудников музея, я главный подозреваемый. И никто не поверит, что я действительно слышала шаги какого-то постороннего человека. Я не удивлюсь, если они у себя там, в полиции, решат, что я сама и головой стукнулась, для убедительности. Я уже готова была ко всему.

Выход мне виделся только один. Весьма плачевный, и совсем мне не свойственный. Чтобы меня не обвинили в краже и не посадили в тюрьму, нужно самой найти этого вора. И доказательства его вины представить Соболеву. Тогда, возможно, он убедится, что я ни в чем не виновата. Но как это сделать, я понятия не имела. Оставалось надеяться, что Ритка сможет дать мне дельный совет.

— Кажется, разозлила ты нашего капитана не на шутку, подруга, — голос Риты звучал более чем озабоченно.

— Да я же не специально, — в который раз уже говорила одно и то же, но едва ли была услышана.

— Ладно, как-нибудь с капитаном этим мы поладим. Есть хорошая новость. Начальству позвонила, покаялась, оно слегка поворчало, но простило.

— Слава Богу, — я облегченно выдохнула. — Одной головной болью меньше.

— Ага. Только вот поскольку до праздников я все равно не вернусь, то тебе придется еще немного поводить экскурсии в музей. Больше-то все равно некому.

Я села на диван. Вот тебе и хорошая новость.

— Ладно. Все равно мне заняться нечем, а уехать я никуда не могу, потому как невыездная.

— Потерпи, это ненадолго. Найдут вора, и тогда заживем как прежде.

— Очень на это надеюсь. Послушай, а ты могла бы мне достать кое-какую информацию?

— Какую? — насторожилась подруга.

— Хочу побольше узнать про этого фараона, ну чьи кости стащили.

— Зачем?

— Интересно же. Столько денег за какую-то мумию.

Я думала, Ритка меня через телефонную трубку прибьет.

— Какую-то! Да ты даже не понимаешь, на сколько это ценная находка тянет. Да даже не важно, сколько это стоит, там историческая ценность, я как человек, который окончил антропологический факультет заочно и то впечатлилась, когда впервые увидела эту мумию.

— Извини, извини, я невежа. Я только знаю про мамонтов и военные перевороты. А кости — совсем не мой профиль. Но я бы с удовольствием почитала об этой находке.

— Ладно. — Ритка сменила гнев на милость. — Позвоню на кафедру, скажу, чтобы тебе выдали все материалы по этому фараону.

— Спасибо!

Так и не сказав подруге об истинных мотивах моего любопытства, я активно занялась изучением истории пропавшей мумии. На кафедре мне скинули на флешку всю информацию о находке, о раскопках, что велись в девяностые. К тому же, я перерыла интернет и пару раз посидела в университетском архиве, обложившись книгами и газетами, содержащими хоть какую-то информацию об интересующем меня предмете.

В перерывах между этими посещениями я продолжала вместо Риты водить экскурсии, но теперь уже никого не изображая. Сперва все подивились тому, что Маргарита Николаевна пришла на работу в джинсах и свитере, а потом поняли в чем дело и больше не удивлялись. Кто сообщил работникам о том, что я вовсе не Маргарита, а всего лишь ее заменяю, понятия не имею, но ощущение напряжения в общении с персоналом как-то сразу исчезло. Только Ольга продолжала как-то странно на меня пялиться, но ничего не говорила. Я решила не обращать на нее внимания, и сосредоточилась на том, чтобы всеми силами помешать капитану Соболеву посадить меня в тюрьму за кражу раритетных останков.

Через некоторое время я знала уже достаточно о пропаже, чтобы понять всю историческую ценность этой находки. Как-то один из вечеров я вновь проводила в библиотеке, читая историю пропавших костей. Информации было много, и она была столь разнообразна, что я, как человек весьма далекий от истории Древнего Египта и всего, что с ней связано, разбиралась долго. Первое, что я поняла, листая страницы, что наша мумия-это не фараон, хоть она и должна была им стать. А история получалась следующая.

Мумия была очень древняя, и принадлежала наследнику престола великого фараона Рамсеса II. (Рамсес (Рамзес) II Великий — фараон Древнего Египта, правивши приблизительно в 1279–1213 годах до н. э., из XIX династии. Сын Сети I и царицы Туйи. Один из величайших фараонов Древнего Египта. Ему преимущественно присваивался почётный титул А-нахту, то есть «Победитель»).

Хаемуас — так звали пропавшего Принца при жизни — был четвертым сыном второй официальной жены Рамсеса II, царицы Иситнофрет. Количество лет в бумагах музея было указано весьма примерное, но было ясно, что мумифицирован он был в достаточно молодом возрасте.

Хаемуас был верховным жрецом Птаха в Мемфисе. Я слабо представляла себе значение этого титула, но подозревала, что верховный жрец — очень высокое и почетное звание. В сущности, так оно и было.

В юности Хаемуас принимал участие в войнах в Сирии, как верховный жрец был засвидетельствован фигурками ушебти, изготовленными в связи с церемонией захоронения священных быков Аписов. Насколько я смогла понять из википедии, это тоже было весьма почетно в Древнем Египте.

Хаемуас был любимым сыном Рамсеса II, он обладал невероятной властью, и все прочили ему большое будущее. Однако, первая жена фараона Нефертари Меренмут и ее приспешники желали видеть следующим царем своего принца. И таковой имелся. Амирата был младше на несколько лет, слаб здоровьем и без веления своей матери и ее жрецов шагу не мог ступить. А Хаемуас был сильным, здоровым мужчиной. У него были далеко идущие планы, он мечтал о присоединении Македонии к Древнему Египту и процветанию их страны. Однако, его планам не суждено было сбыться.

Собственная жена Хаемуаса его же и подставила. Она была из круга первой царицы Рамсеса II и ненавидела мужа всей душой. С ее помощью и получилось поднять восстание против великого Фараона. На него было совершено нападение, и якобы вел всех в бой его сын Хаемуас, которого к тому времени держали взаперти. Иситнофрет и ее других детей отправили в древний храм, где бы она не мешала вершению судеб.

Однако, Рамсес II не умер от ужасных ран, полученных при восстании. У него было крепкое здоровье, а Египет всегда славился своей медициной. Спустя какое-то время, Фараон пошел на поправку. И захотел расправиться с негодяем, поднявшим бунт, самостоятельно. Он поверил в то, что любимый сын его предал и приказал найти его и похоронить заживо. Искать Хаемуаса не пришлось. Поскольку он был верховный жрец Храма, то было решено придать его благочестивому суду. Там ему и был вынесен приговор о смертельном захоронении живьем. И сколько не кричал великий Принц о том, что он невиновен, сколько не обвинял первую жену отца в заговоре, тот и слушать не стал.

История Хаемуаса заканчивалась скверно. Всех великих в те времена предавали обряду мумифицирования, а затем укладывали в саркофаг и закрывали в огромной гробнице со всеми богатствами. И хоть Рамсес II был зол на сына, все же отдать ему должны почести

было необходимо. Вот и подвергли великого Жреца Птаха ужасному обычаю — мумификации. Но только заживо.

На этом месте я передернулась и стала с ужасом читать о том, каков был этот обряд. Меня затошнило уже на первых строчках. Источник гласил, что:

«Этот обряд был тесно связан с религиозными воззрениями египтян о переходе человека после смерти в потусторонний мир и вечной жизни души. Считалось, что египетские фараоны имеют не человеческое, а божественное происхождение. Для них строились просторные украшенные гробницы, куда вместе с мумифицированным телом члена династии помещались все богатства и предметы, которые могли потребоваться человеку в потусторонней жизни: украшения, золото, предметы интерьера, колесницы.

Сам обряд проводился в несколько этапов. Сначала из тел внутренние органы удалялись через небольшие надрезы. Затем отверстия заполнялись масляной смесью. Через несколько дней масло из тела сливалось.

После удаления внутренних органов из тела, они помещались в сосуды, заполненные специальными бальзамами, где и хранились в той же гробнице рядом с мумифицированным. Древние египтяне верили в то, что после смерти дух возвращался к телу умершего. А для последующей жизни в другом мире, ему требовались все органы жизнедеятельности. Для того чтобы предотвратить быстрый распад тканей и завершить мумификацию тело подвергалось процессу сушки. Оно оставалось нетронутым 40 дней. Когда процесс удаления заканчивался в тело, для поддержания его формы, заливалась смесь соединений натрия. Его состав добывался на берегах Нила. Натрием покрывалось также все тело фараона, жреца или мумифицируемого животного. Затем над телом работали парикмахеры и косметологи. После бальзамировки наносили на тело слой влагостойкой смолы из натуральных веществ, таких как масла, пчелиный воск, смолы сосны. Затем мумию обматывали бинтами, как заключительный этап, наносили маску и помещали ее в саркофаг.

Весь процесс мумификации в Древнем Египте занимал 70 дней и занимались им только жрецы, владеющие определенными знаниями и имеющие соответствующий сан. Его проведение требовало навыков в этом виде искусств. Древние египтяне скрывали метод проведения мумификации, и никаких записей об этом не было найдено в достоверных источниках. Однако ученые выяснили, как выглядела применяемая ими технология. Они отметили, что песок сушит тело и не позволяет разлагаться тканям и тем самым способствует естественной мумификации в условиях засушливого климата Египта».

Я поежилась, смутно пытаюсь представить, что должно быть в голове у людей, которые занимались такими вещами. Посидела немного в ступоре, и вернулась к Хаемуасу.

Итак, его подвергли этому обряду, а затем, когда все было завершено, как и полагается, с почестями закрыли в гробнице. Только в конце своих дней Рамсеса II ждало ужасное откровение — ему сообщили, что он собственноручно мумифицировал живого сына, ни в чем перед ним не повинного. Думаю, что дни свои великий Фараон доживал не слишком весело. Впрочем, история гласила, что у Рамсеса II было больше сотни отпрысков, как официальных, так и бастардов. Так что, думаю, он не слишком долго горевал. Хоть и написано было, что Хаемуас навсегда остался для него самым любимым и самым влиятельным Принцем из всех детей Фараона.

В 1993 году наши археологи совместно с антропологами Англии каким-то чудом обнаружили гробницу с саркофагом Хаемуаса. Правду говорят, что в Египте все делалось на века — так и оказалось. Мумия великого Принца была в отличном состоянии. Антропологи,

когда поняли, что за находка попала им в руки, чуть от радости не лишились рассудка. Такую лихорадку не понять обычному человеку, далекому от мира научных открытий. То, что мумия действительно принадлежит сыну знаменитого фараона, стало ясно по двум причинам: во-первых — там на входе была статуя с лицом Хаемуаса. Она была наполовину повреждена, у нее не хватало части плеча и немного щеки, но было ясно, что в гробнице лежит кто-то великий. Во-вторых, уже потом антропологи установили, что мумия принадлежит наследному Принцу по тому, что обнаружили у него знаменитое генетическое отклонение, передаваемое по отцовской линии от Рамсеса II к сыновьям. У Хаемуаса, как и у его родителя, было маленькое третье ухо, почти незаметное под волосами при жизни, но прекрасно вырисовавшееся на столе в музее антропологии в Британии. К тому же, он был очень высоким для своего времени, в точности, как и Рамсес II. Вот такие небольшие, казалось бы, признаки, а какое открытие помогли сделать. Как получилось, что мумию отдали нашим ученым история умалчивала. В итоге через год, то есть в 1994, Хаемуас переехал из Британского музея в наш. Зато англичане получили прекрасную статую великого Принца, которая хранится на самом почетном месте по сей день. Кстати, в Париже тоже есть статуя, точнее скульптурная группа — мать Хаемуаса Иситнофрет со своими четырнадцатью сыновьями. Лицо четвертого сына более чем похоже на статую, которая украшает музей в Британии.

Перечитывая все эту информацию снова и снова, я с каждым разом все глубже погружалась в историю Хаемуаса. Мне было его ужасно жалко. Его ждало великое будущее, а в итоге молодым он нашел свою смерть, да еще и такую ужасную.

Если честно, то мне бы очень хотелось вернуть Принца назад в наш музей, рассказать его историю людям. Чтобы они поняли, как из-за обмана можно лишится всего. И что из-за недоверия можно потерять своих самых близких и любимых людей.

Меня так поглотила история Принца, а еще больше факт кражи такой ценности, что я не могла спокойно спать. Кто посмел посягнуть на эту ценность? Как смогли вывезти огромный саркофаг из музея и остаться незамеченными? Одни вопросы вертелись у меня в голове, но, к сожалению, совсем не было ответов. И я вновь и вновь возвращалась в библиотеку, погружаясь в записи тех годов, надеясь, что древние дадут мне некую подсказку. Бред, конечно, но меня тянуло сюда как магнитом.

Проводя очередной вечер в библиотеке, листая газеты за девяностые года, ища заметки о нашей находке, я наткнулась на интересный снимок. Группа ученых была сфотографирована на фоне пирамид, все дружно улыбались, глядя в объектив. Присмотревшись получше к каждому из восьми человек на фото, я даже открыла рот от удивления. И тут же потянулась за мобильным. Мне нужно было срочно поговорить с Риткой. Подержав трубку достаточно, чтобы услышать предложение оставить голосовое сообщение, я чертыхнулась и отключилась. Где же ты есть, подруга! Я остро нуждаюсь в разговоре по душам.

Тут зазвонил мой мобильный. В радости я нажала «ответить», даже не взглянув на дисплей.

— Где ты ходишь? — высокий голос мамы вернул меня на землю за долю секунды. — Все давно собрались!

Я вскочила, подняв пыль столбом. У меня совсем вылетело из головы. Сегодня был день рождения моего младшего брата. Дома всех ждал праздничный ужин. И хотя брату исполнялся уже двадцать один год, мама и слышать не желала о том, чтобы в этот день он

куда-то уходил. Со мной было точно также. «День рождения должен быть в кругу семьи. Ровно, как и Новый Год». Мама была непреклонна. Мы с Даней вряд ли могли ее убедить. На папу надежды не было. Он у нас старался с мамой не ссориться. «В отличие от вас, дети, я с мамой живу в одной квартире». Таков был наш отец семейства. Впрочем, мы с братом давно привыкли и особо не заморачивались. Потом Даня, конечно, устроит отдельный праздник со своими друзьями и оторвется на славу, но сегодня ужин был специально для мамули. Словом, дома я должна была быть уже давно, а я сидела в библиотеке и в ус не дула.

— Я в магазине, мам, покупаю подарок, а здесь ужасная очередь, — скороговоркой начала я, быстро натягивая пальто и шарф.

— Мы тебя ждем, Кира. Поторопись. Кстати, у нас тут гостя, — уже шепотом добавила мама. — Кажется, она ничего.

Я отключилась и вылетела на улицу. Гостя? Похоже, братец привел домой девушку на семейный ужин. Что ж, это много значило. Брат редко приводил своих пассий на знакомство с родней. Всего дважды, насколько мне известно. Если честно, мы с Даниилом были не слишком близки. Насколько это возможно, учитывая разницу в возрасте. Пусть и незначительную, но все же. Я за последние два года совсем мало общалась со своим младшим братом. Главным образом дело было в том, что Даня был близким другом Антона. Раньше, пока мы были вместе, компания наша всегда была большой и веселой. И мой младшенький всегда бывал с нами. Но после разрыва, причем не столь приятного, я оборвала любые контакты с теми людьми. Если честно, у нас с ними никогда не было ничего общего. Это были друзья Антона, я была его девушкой, так что приходилось возвращаться там, где ему интересно. Мой брат считал, что тот факт, что его друг бросил его сестру, совсем не значит, что они должны прервать свое общение. Впрочем, мне было все равно. Даня взрослый и мог дружить, с кем ему захочется. Только вот я как-то стала избегать его общества, особенно с тех пор, как выяснилось, что Антон женился и скоро станет отцом. Кстати, именно мой младший брат был шафером на его свадьбе. И именно он рассказал им о том, что в моем доме продается квартира. Пожалуй, этого я ему точно пока что еще не могла простить. А он не считал, что в чем-то не прав. Блажен, кто верует, обычно говорила мама.

Купив открытку в ближайшем киоске, я засунула в нее купюры и влетела в наш дом, практически задыхаясь от быстрой ходьбы. Думаю, деньгам братец обрадуется больше, чем чему-либо на свете. Изобретать велосипед не было времени.

В квартире меня встретила мама, быстро оглядела мои джинсы, свитер большего размера, чем ей казалось приемлемым, и нахмурила лоб.

— Могла бы хоть подкраситься. Праздник же. — укоризненно произнесла она.

В нашей большой и единственной комнате стоял накрытый стол. Пахло изумительно. Я быстро вымыла руки, пригладила свои непослушные волосы и пошла приветствовать именинника.

— С днем рождения, малыш, — с улыбкой сказала я, протягивая ему конверт и целуя в щеку.

— Ну хоть бы раз ты сказала что-нибудь другое! — рассмеялся Даня, обняв меня.

— Вырастишь, может и скажу, — как всегда ответила я.

Это уже была традиция. Наши поздравления друг другу. Почти как раньше, когда мы еще хорошо общались.

— Знакомьтесь, — он подвинулся в сторону и указал на девушку, что сидела позади него на диване. — Это Яна. А это мой старший сестер, Кира.

Я взглянула на девушку внимательнее и выжала из себя вымученную улыбку. Я готова была убить своего братца, девушек он никогда не умел выбирать. Я узнала ее за долю секунды, и, судя по ее довольному взгляду, она меня тоже.

— Мы знакомы, милый, — пропела она, улыбаясь. — Как поживаешь, Кира?

— Спасибо, все супер, — я хотела спросить, не мелковат ли для нее мой брат, но вошла мама с жареной курицей на подносе, и мы стали усаживаться за стол. Яна была на четыре года старше моего младшенького. Но относилась к нему вроде неплохо.

— Замуж не вышла? — задала очередной вопрос очаровательная девушка.

Я растянула губы в ухмылке.

— Никак не могу выбрать между Джонни Деппом и Бредом Питом.

Все дружно засмеялись, будто это была самая смешная шутка в мире. Даня пнул меня ногой под столом. Я ответила ему яростным взглядом. Девушка Яна была лучшей подругой жены Антона. И, похоже, уже заранее меня ненавидела. Впрочем, это было почти взаимно.

Весь вечер я просидела как на иголках, ковыряя в тарелке и пытаюсь поддерживать какой-то разговор. Выпила бокал шампанского за здоровье младшего, съела кусок торта. И решила, что самое время откланяться.

— Мне рано вставать на работу, — как бы извиняясь, сказала я. На самом деле экскурсий завтра не было вообще, но я просто мечтала испариться из собственного дома как можно скорее.

— Кирочка работает в музее, — тут же подхватила мама, явно обращаясь к Яне.

Та взглянула на меня так, будто хотела пожалеть.

— Мило, — протянула она и опустила глаза в свой бокал.

Конечно мило, я же не менеджер в замечательной фирме по производству детских игрушек, как некоторые, и зарплата у меня в рублях. Это стало последнее каплей. Я выдержала еще ровно десять минут и поднялась. Попрощалась со всеми едва ли не на бегу, затянула шарф сильнее и скрылась за дверью.

Только на улице смогла, наконец, вздохнуть спокойно. Постояла у подъезда. Подышала. На улице снова крупными хлопьями падал снег. И вдруг разревелась. Это было неожиданно даже для меня.

Я шла пешком несколько кварталов до Ритино дома и все плакала. Слезы катились по моим щекам, я вытирала их холодной перчаткой, а они все не прекращались. Мне было ужасно грустно и одиноко. Глядя на семейное счастье Антона, на отношения моего брата, даже на собственных родителей, я испытывала невыносимое чувство одиночества. И тоска поглощала меня с головы до ног. Возле подъезда подруги я села на лавку, тщетно пытаюсь успокоиться. Мне так противно не было уже очень давно. Чужое счастье было сложно выдержать. Особенно одинокому человеку. Я никого не любила и вроде бы ни в ком даже не нуждалась. Я вообще сомневалась, что способна испытывать нормальные человеческие чувства. Но после сегодняшнего ужина меня почему-то накрыла печаль. Зашмыгав носом, я посмотрела в черное вечернее небо. Оно было такое пустое. А в доме, напротив, в окнах горели огни. У кого-то светились уже приготовленные к Новому году гирлянды. Люди ждали праздник. Мне вдруг ужасно захотелось поговорить хоть с кем-нибудь, но я обреченно поняла, что единственная, чей голос мог бы меня взбодрить, находится далеко от меня, в другой стране. И на мои звонки отвечать не торопится. Да и что я могла сказать Ритке? Что мне одиноко и грустно? Бред. Я продолжала сидеть на лавке, ветер трепал волосы, холод пробирался сквозь пальто. Я начала замерзать, и уже собиралась подняться, как вдруг из

темноты выплыл силуэт. Наверное, поздний жилец возвращается домой, решила я, вглядываясь во мрак. Я не знала соседей Ритки в лицо. Этот точно был мне не знаком. На нем была плотная куртка, и шарф намотан на шею. Он был без шапки. Какой-то чуть ссутулившийся, очевидно от порывов пронизывающего ветра. Он уже почти прошел мимо меня в сторону дома, шагнул к домофону, как раз загорелся свет на крыльце подъезда — он реагировал на движения и включался самостоятельно — и вдруг обернулся. И посмотрел на меня с удивлением.

— Кира Юрьевна?

Тут уже, я его, разумеется, узнала и затосковала, что не ушла хотя бы минутой раньше. Мы бы благополучно разминулись. У подъезда стоял капитан Соболев собственной персоной. Я разглядела его волосы ежиком, и знакомый зеленый шарф.

— Здравствуйте, — вяло отозвалась я.

Он сделал несколько шагов в мою сторону и остановился рядом. Мне не понравилось, что он как бы нависает надо мной, и я поспешно вскочила с лавки. Если честно, мне ужасно захотелось оказаться в квартире на третьем этаже и принять горячий душ.

— Что вы здесь делаете? — спросил меня Кирилл Сергеевич, пристально вглядываясь в мое лицо.

— Сижу. — тупо ответила я.

Он взглянул на меня точно на умалишенную.

— На улице зима....

А то я сама не вижу!

— Я как раз собиралась уходить.

Я сделала шаг в сторону подъезда и вдруг обернулась.

— А вы что здесь забыли?

— Я пришел к Маргарите, вашей подруге. Она не отвечает на звонки, а мне необходимо поговорить с ней. По вашему делу.

По моему делу. Я едва устояла на ногах. То есть, я уже официально подозреваемая. Господи, ну что сегодня за день.

— Ее нет. Когда будет — понятия не имею. — ответила я и достала ключи.

— У вас есть ключ? — зачем-то спросил Соболев. В голосе подозрительность даже не скрывает.

— Я все еще живу в квартире Маргариты. — он недоумевая уставился на меня. — Временно. — я сочла нужным снова пояснить.

Он на какой-то миг замолчал. Я открыла дверь, и вошла в подъезд. Я была уже почти на верхней ступеньке, когда меня окликнул Кирилл Сергеевич.

— У вас что-то случилось, Кира Юрьевна?

Я обернулась. Захлопнулась домофонная дверь, словно отделив меня от мужчины, стоявшего на улице. Не знаю почему, но я пошла назад. Открыв дверь, едва не столкнулась с Соболевым лицом к лицу. Его глаза были невероятно голубыми в этот момент. Я заметила приличную щетину, и усталые морщины вокруг глаз. Но они совсем его не портили, машинально отметила про себя.

— Почему вы решили, что у меня что-то случилось? — спросила я.

Он неопределенно пожал плечами.

— У вас глаза красные, — я сглотнула. — И нос распух. Вы плакали?

О Боже, представляю, какая прекрасная картина сейчас видится Соболеву. Я уже

пожалела, что спросила.

— Вас это не касается, — сказала, как отрезала.

— Я следователь, а вы проходите у меня по делу, как свидетель. Меня все касается, — что ж, ему резкости тоже было не занимать. Мне от такого тона захотелось стать по стойке смирно, вытянув шею.

— Извините. Паршивый денек.

— Бывает.

И тут он мне улыбнулся. Так ободряюще, словно мне было лет пять и у меня отняли любимую игрушку. Его глаза так живо на меня поглядывали, что я невольно тоже растянула губы в улыбке.

— Почему вы до сих пор живете здесь? Домой не тянет? — спросил Соболев. Спросил обычно, нормальным тоном.

Мне даже не захотелось хамить ему в ответ. Я умудрилась как-то расслабиться и спокойно произнести:

— Решила сменить обстановку. Надоедает, знаете ли, рутина.

— Пожалуй, вы правы. Иногда, действительно, стоит что-то изменить.

Я удивилась, что он вроде бы понял. Так это было как-то по-человечески что ли. Совсем не похоже на полицейского. Впрочем, откуда мне знать, что соответствует поведению мента, а что нет — кроме Кирилла Сергеевича у меня знакомых в полиции не было. Да и его назвать знакомым язык не поворачивался. Он может посадить меня в тюрьму. И ни к чему придавать значение тому, что он тут сейчас стоит и мило так со мной общается.

— Вы извините, но мне надо домой. — наконец, решила я сказать. Присутствие Соболева явно нарушало мое и без того доведенное до отчаяния расположение духа. И пусть дома я снова останусь наедине со своими мрачными мыслями, но там я хотя бы буду чувствовать себя в безопасности.

— До свидания, Кира Юрьевна. И попросите свою неуловимую подругу связаться со мной. Иначе мне придется прислать ей повестку. Официальный вызов.

Я вздрогнула, испугавшись за Ритку.

— Обязательно передам, — я уже открыла домофон, как снова услышала его голос. Он стоял за моей спиной, придерживав железную входную дверь.

— У вас точно все хорошо?

Я обернулась. Его глаза, казалось, видят меня насквозь.

Ответить я не успела. Потому что случилось нечто странное. Я услышала какой-то свист над ухом. А капитан вдруг схватил меня за плечи и силой вжал в стену, я успела заметить только голубой блеск глаз Соболева в сантиметре от своего лица. Спиной ощутила удар о холодную стенку. Мне даже показалось, что посыпались маленькие кирпичики на подъездной кладке. А сам Соболев вдруг как-то странно дернулся. И схватился за руку. Я ошарашено вертела головой по сторонам, таращась на Кирилла Сергеевича во все глаза.

— Вы что спятили?! — наконец, воскликнула я.

Но он меня не слушал. Убрал ладонь от своей руки, и я увидела, что чуть выше локтя его куртка как-то странно потемнела.

— Черт! — выругался он, а в следующий миг капитан, оттолкнув меня, влетел в подъезд, выставив перед собой оружие. Я уставилась на пистолет в его руке как очумелая.

— Зайдите в подъезд и закройте дверь. Быстро! — скомандовал мне Соболев, взлетая по лестнице через три ступеньки.

Я сломя голову бросилась за ним, мало что понимая. Но оставаться одной мне было ужасно страшно. Кирилл Сергеевич обернулся.

— Нет, вниз, останьтесь у лифта. И если он появится, бейте со всей силы!

Я застыла. Это было похоже на какой-то дурацкий фильм. Я послушно вернулась к лифту, заставляя себя делать каждый шаг и не свалиться в обморок. Если я правильно поняла, то в нас только что стреляли, Соболев ранен и пытается догнать плохого парня. У меня задрожали руки, и зуб на зуб не попадал. Знаете, в моей жизни мне еще ни разу не говорили стать у дверей и бить бандита по голове.

Я огляделась. Почтовые ящики и грязные ступеньки. Больше ничего. Соседи за железными дверями. Но я сомневаюсь, что у них найдется что-нибудь тяжеленькое. Да и вряд ли они откроют мне дверь в столь поздний час. Я стала от лифта сбоку и попыталась вжаться в стену. Мне так страшно давно не было. С прошлой недели, когда я услышала шаги в музее.

Я не знала, сколько прошло времени. Я лишь слышала, как топает Соболев по ступенькам. Судя по звукам, он был где-то в районе крыши. В доме девять этажей, капитан преодолел их в рекордный срок. А мне, чтобы подняться на третий этаж, приходится заставлять себя усилием воли.

Наконец шаги стихли. И в подъезде стало очень тихо. А затем я услышала, как поехал лифт и затряслась в панике.

— Мамочки...

Что же делать?! Что!!

Спокойно.

Соболев сказал, если парень выйдет из лифта, бить со всей силы.

Я спряталась, насколько это было возможно, справа от лифта. И стала ждать. В руках у меня была только сумка, я сжала ремешки со всей силы. Там внутри лежала парочка книг о египетских царях, что я взяла в библиотеке. Я очень надеялась, что этого будет достаточно. Да где же Соболев! С ним мне не было бы так страшно.

И тут лифт остановился на первом этаже. Я зажмурилась и, услышав, как открылись двери, размахнулась, что было сил. И треснула выходящего из лифта сумкой по лицу. Раздался неясный стон. В ужасе от происходящего я так и не смогла открыть глаза. Но мне показалось, что он сейчас снова станет в меня стрелять, и я ударила его еще дважды, прежде чем услышала знакомое чертыханье.

— Прекратите немедленно! — зло проорал Соболев прямо мне в ухо.

Тут уж я распахнула, наконец, глаза. Несчастный Кирилл Сергеевич стоял у лифта и тер свою красную физиономию. Я увидела разбитую губу, и большую царапину над левой бровью. Из нее сочилась кровь. Я перевела взгляд на простреленную руку, и меня едва не затошнило. Кровь уже просочилась сквозь куртку и расплзлась противным темным пятном почти до локтя.

— Извините. — залепетала я, делая шаг к капитану. Я пыталась придумать, чем могла бы ему помочь, но ничего не приходило в голову. Он лишь зло отмахнулся.

— Вы страшная женщина, Кира Юрьевна, я уже начинаю вас бояться.

— Я не хотела... Вы сказали, бить со всей силы, если выйдет из лифта, вот я и...

— Ну, вы хоть глаза бы открыли что ли прежде, чем дубасить меня по башке.

— Извините еще раз, — я покраснела как помидор. — А где этот...

— Ушел. Через крышу. — процедил сквозь зубы Кирилл Сергеевич. — Ствол у мусорки

скинул. Так что одна улика у нас есть. — он указал на оружие в своей левой руке. Одновременно Соболев пытался расстегнуть куртку, и вытащить правую руку, морщась от боли.

— Вам надо в больницу. Я вызову скорую. — наконец, сообразила я. И достала мобильный.

Мне на руку легли его холодные пальцы. Я подняла растерянный взгляд.

— Не нужно. Рана не серьезная.

— Но вы же истекаете кровью! — завопила я на весь дом.

Он крепко сжал мое плечо и легонько меня встряхнул. Я почему-то тут же закрыла рот.

— Успокойтесь. — я таращилась на его окровавленную руку во все глаза. — Посмотрите на меня, Кира Юрьевна.

Это был снова его приказной тон. Сразу захотелось отдать честь. Я перевела взгляд и посмотрела Соболеву в глаза.

— Сделайте глубокий вдох.

Я вдохнула.

— Теперь медленно выдох. Вот так. Хорошо.

Я поразились тому, что этот странный мент оказывается такой крепкий орешек. У него прострелена рука, он бежал девять этажей за неизвестным парнем, я разбила ему лицо, а он еще меня же и пытается успокоить. Будто ничего и не случилось буквально десять минут назад. Словно никто не покушался на его жизнь. Но я также ощутила какую-то скрытую силу в этом человеке, в этой руке, что сжимала мое плечо. И постаралась взять себя в руки. В конце концов, я взрослый человек. Чего так пугаться вида крови. Я кивнула капитану в знак того, что все в порядке.

— Скажите, у вас в квартире есть аптечка?

Я замотала головой.

— Это Риткина квартира.

— Надо промыть рану. И перевязать.

— А пуля?

— По касательной прошла, задела только. — ответил мне Соболев. И потер подбородок. — А у вас сильный удар. Чуть челюсть мне не выбили. Хорошо, я успел увернуться.

— Там книжки тяжелые. — словно оправдываясь, сказала я.

Он вдруг расхохотался. Я, недоумевая, подняла на него глаза.

— Вы единственная женщина, которая пыталась остановить бандита книгами. И кто вообще в наше время носит книги в дамской сумке!

Мне стало смешно с самой себя. И я даже улыбнулась. Действительно, забавно.

— Послушайте, в переходе есть аптека, она до двенадцати работает, — вдруг затараторила я, саму себя не узнавая. — Я быстро сбегая, а вы пока в квартире побудьте. Хорошо?

Он лишь кивнул.

— Только для начала мне нужно еще раз осмотреть подъезд и место, где он сбросил ствол, вдруг еще найдутся вещь доки.

— Хорошо. Я оставлю вам ключи.

— Давайте.

Я сунула ему связку, показав необходимый ключ и бросилась к выходу, понимая, что

Соболев остался там совсем один и в больницу ехать отказывается скорее всего из-за меня, может просто боится оставить меня одну?

— Не забудьте бинт, Кира Юрьевна. И обезболивающее. И будьте очень осторожны. — услышала я его уже буквально на последней ступеньке. Кивнула и побежала, что было сил.

В аптеке не было не души. И на улице мне не встретился ни один прохожий. Хоть я и глядела по сторонам, и шарахалась даже от звука ветра. Все же недавнее происшествие давало о себе знать. Но мысль о том, что там, в Риткином подъезде, находится капитан с раной на руке, придавала мне сил и я шагала быстрее. Только у входа в подъезд, где я стояла буквально час назад вместе с Соболевым, я остолбенела. Смотрела на дверь в подъезд, и перед моим взором пронеслось вдруг то, что произошло. Как в дурацком фильме я увидела со стороны себя, стоящую спиной к лифту в подъезде и капитана, держащего домофонную дверь. А потом выстрел, Соболев прижимает меня к стене, и пуля попадает ему в руку.

— Он закрыл меня, — Я даже не заметила, что произнесла это вслух.

Это открытие поразило меня куда больше чем то, что в меня стрелял неизвестный. Соболев спас мне жизнь. А я его еще и по лицу сумкой отходила. Супер. Кира, ты просто молодец. Приз «идиотка года» теперь твой по праву.

Тут я перевела взгляд себе под ноги. Там что-то блестело возле моей правой ступни. Я наклонилась и подобрала непонятный предмет. Поднесла к свету. На моей ладони в черной перчатке лежала пуля. На ней была кровь. Несомненно, Соболева. Я сунула пулю в карман и заспешила в дом. В подъезде была тишина, из чего я сделала вывод, что капитан скорее всего в квартире. Открыв дверь, она была предусмотрительно не заперта, я огляделась. В прихожей горел лишь маленький ночник, Соболева нигде не было видно.

— Я в ванной, — услышала я его голос.

Быстро раздевшись и схватив пакет с лекарствами, я влетела к нему. Мужчина сидел на краю Риткиной роскошной ванны с джакузи. Голый до пояса, машинально отметила я. Его куртка валялась на полу, там же я увидела пиджак с пистолетом в коричневой кобуре и светлую рубашку со следами крови на рукаве. Меня слегка замутило от запаха, стоявшего в ванной комнате. И от вида красной жидкости, стекающей по белому бортику. Капитан включил воду, повернулся ко мне вполоборота.

— Купили?

Я кивнула.

— Все, как вы сказали. И бинты.

— Отлично, вам придется мне помочь.

Я испуганно пригладила волосы.

— Кира Юрьевна, это не страшно. Представьте, будто я коленку разбил. Вам в детстве мазали коленки зеленкой, когда вы падали?

— Вряд ли зеленка вам сейчас поможет.

— Это почти так же просто, как помазать колено зеленкой. Я буду говорить вам, что делать, а вы просто выполняйте. Хорошо?

Голос у него был очень мягкий. Успокаивающий. И я вспомнила, как промывала раны Дане, когда он разбивал колени, падая с велосипеда. И что я разговаривала с ним почти таким же спокойным и тихим голосом. Действительно, это не так уж и страшно.

Я решительно закатала рукава своего свитера повыше и шагнула к Соболеву. Я старалась не замечать того, что полуголый мужчина сидит на бортике Риткиной ванной. Старалась не

смотреть на шрамы на его теле, старалась не ощущать тепло от его сильной руки, которую я перевязывала. Иногда его пальцы касались моих, когда он пытался указать мне, что именно нужно делать и как. И под его чутким руководством уже через каких-нибудь полчаса, показавшимися мне вечностью, капитан сидел с перевязанной рукой. И с залепленной пластырем бровью и обработанной перекисью губой. Правда, он был ужасно бледен, и это меня беспокоило.

— Вам очень больно? — зачем-то спросила я.

Он усмехнулся.

— Не очень. Но будет лучше, если вы дадите мне вон ту белую таблетку. И стакан воды. Пока я ходила за водой, он зачем-то достал с пола свою рубашку и пытался ее одеть.

— Вы что делаете?

— Одеваюсь. Спасибо вам за помощь, но не могу же я вечно просидеть в вашей ванной.

— Нашли что-нибудь еще там наверху?

— Глушитель неподалеку, потому мы с вами выстрела и не услышали.

— Понятно.

— Ладно, нужно ехать в отделение, написать рапорт, попробовать составить фоторобот нападавшего.

— Никуда вы не пойдете. — я вырвала рубашку у него из рук. — Рапорт вполне подождет до утра. Пейте свое обезболивающее и идите в комнату. А я закину ваши вещи в стирку.

Он попытался протестовать, но я буквально выпихнула его в коридор. Через какое-то время нашла его сидящим на диване. Он откинулся на спинку и сидел с закрытыми глазами. Бледность никуда не делась с его лица. Мне это совсем не нравилось. Но я уже поняла, что заставить его ехать в больницу у меня шансов нет.

— Я приготовлю вам чай. С сахаром. И может вам лучше лечь?

Он открыл глаза.

— Да, я, пожалуй, на пару минут прилягу.

Мне показалось, что его трясет. Удивляясь собственной смелости, я подошла и потрогала его лоб. Он даже никак не отреагировал на это.

— Да у вас температура! — я в панике вскочила.

— Это быстро пройдет, не надо волноваться, Кира Юрьевна. — услышала я его приглушенный голос.

Я мигом влетела на кухню. Включила чайник, потом пошла в спальню и притащила Соболеву одеяло. И подушку. Он даже не пытался меня остановить, когда я укладывала его голову и накрывала одеялом.

Потом принесла ему чашку чаю.

— Надо выпить, быстрее согреетесь.

Он нехотя вылез из-под одеяла и стал пить. Пар бил ему в лицо, и оно слегка покраснелось. Я даже обрадовалась, пока снова не потрогала его лоб. Он по-прежнему был горячим. Нужен градусник, но его здесь явно не было. Я заметалась по квартире. Врач из меня никудышный, сиделка тем более. Да еще и в чужой квартире. Я не припомню случая, чтобы Ритка болела. Мне казалось, что в такой роскошной квартире человек просто не может заболеть. Я вспомнила, что среди лекарств, которые я купила в аптеке, был парацетамол. Мигом отыскав его, я заставила Соболева выпить таблетку.

— Должно сбить температуру, — зачем-то сказала я очевидную вещь.

Он кивнул и откинулся на подушку. Через минуту я услышала его тихое дыханье. Он крепко спал.

Я пошла в ванну, как раз машинка постирала, развесила вещи Соболева. Кобуру с пистолетом осторожно отнесла в коридор на тумбочку. На всякий случай заперла все замки, подергала ручку, чтобы убедиться, что к нам никто не заберется. И наконец, смогла перевести дух. Этот вечер дался мне нелегко. Я умылась, переоделась в штаны и футболку, и пошла на кухню. Стараясь не шуметь, сама выпила чаю. Спать не хотелось. Слишком возбужденный мозг отказывался утомиться. Я смотрела в окно на падающий снег. На столе передо мной лежала пуля, потемневшая от крови капитана. Я вертела ее пальцем и гадала, кому я так не угодила. А когда мысли на этот счет меня покидали, я прислушивалась к едва различимому дыханию Соболева из гостиной и на миг замирала, представив себе, что было бы, если б этот абсолютно чужой мне человек, не закрыл меня сегодня собой. И то ли от осознания того, что я все еще жива, то ли от напряжения, то ли просто от благодарности к капитану, я тихонечко заплакала. Уже дважды за этот день. Но на этот раз это были просто тихие слезы облегчения.

На рассвете я уснула, едва добравшись до кровати.

Меня разбудил шум мотора за окном. Я взглянула на часы. Девять тридцать. Вспомнила, что мне на работу сегодня не нужно и счастливо потянулась. А потом сунула ноги в тапки и пошлепала в ванную.

— Доброе утро, Кира Юрьевна.

Я застыла посреди гостиной. И недоумевающе повернулась. На меня весело поглядывал Кирилл Сергеевич. Он был в джинсах и накинутом сверху пледе, едва прикрывавшем его голую грудь в шрамах.

— Доброе, — пискнула я и бросилась в ванную со всех ног.

Я совсем забыла про капитана, что провел ночь на Риткином диване. Уставилась в зеркало на свою заспанную физиономию, а потом перевела взгляд на штаны и майку с Микки Маусом. Теперь понятно, почему Соболев надо мной посмеивался. Представляю, что он обо мне подумал.

Я наспех умылась, почистила зубы, причесалась. Никакой одежды в ванне не обнаружила. Что ж, придется ходить как есть. В конце концов, он здесь гость, а не я. Сам вон в одеяле по квартире шляется.

Я вышла из ванной. И заметила, что Соболев даже не обернулся.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я, подходя ближе.

— Спасибо, гораздо лучше, — он как-то рассеянно мне отвечал.

Недоумевая, я подошла ближе. Капитан стоял возле комода с фотографиями. Их было много, с разных приемов, курортов, в обнимку с другими людьми и одиночные. Она была повсюду, моя прекрасная подружка.

— Это Рита, — зачем-то сказала я то, что и так было понятно. И перевела взгляд на капитана.

Он пристально вглядывался в фотографии моей подруги, словно пытался запечатлеть в памяти ее образ на всю оставшуюся жизнь.

— Шикарная женщина, — пробормотал он, даже не взглянув в мою сторону.

Я почему-то испытала неприятное чувство. Конечно, Ритка была красотка, и я это прекрасно знала, но никогда и не думала ей завидовать. А вот на этот раз позавидовала. Моя подруга из тех женщин, которые даже в рваных тряпках будут выглядеть классно и сексуально. Я сама ей всегда об этом говорю, и всегда твержу, что она красавица даже без тонны косметики на лице. Но позавидовала я не этому. Меня задело то, как Соболев смотрел на ее фото. И каким тоном сказал, что она красива. Этот мужчина был мне абсолютно безразличен, но тем не менее...

— Вы завтракать будете? — я демонстративно прошла на кухню.

Загрохотала сковородкой, включила кофеварку, врубила телик погромче. Насыпала корма в миску, гадая, где спрятался мой бедный кот. Вчера его и след простыл. Наверное, испугался незнакомца и забился в угол. Размышляя таким образом, я стала жарить омлет с помидорами. Минут через пять в кухню вошел Соболев все еще в одеяле и уселся за стол.

— Очень крутая квартира.

— Я в курсе.

— И вам совсем не подходит.

Я промолчала, потому что в руках у меня была доска для хлеба, и я подавила в себе желание запустить ею в Соболева.

— Это не ваше дело.

Он немного помолчал. Наверное, пытался понять причину моего столь не дружелюбного отношения. Тут на кухне возник мой британец и стал тереться о мои ноги.

— Мяу.

— Ты где был, дорогой? — я взяла его на руки, совсем забыв, что некоторые люди терпеть не могут котов, а особенно их сюсюкающих хозяев.

Кот обнял меня лапами за шею и счастливо заурчал. Соскучился. Я прижалась щекой к его мягкой шерстке и на мгновение закрыла глаза. Коты всегда отдают много положительной энергии. По крайней мере, мой кот был именно таким. Я гладила его по спине, потом открыла глаза, вспомнив про омлет, и наткнулась на взгляд Кирилла Сергеевича. Его сегодня серые глаза светились странным огнем. Он улыбнулся. Я покраснела до самых ушей.

Поспешно опустила кота на пол и отвернулась помешать омлет. Какой позор. Представляю, что думает капитан. Девчонка в спортивных штанах и майке с Микки, живущая в роскошной квартире своей не менее роскошной подружки, обнимающая кота и называющая его «дорогой». Думаю, капитан уже точно знает, что я чокнутая. До кучи я вспомнила, как вчера он смеялся надо мной, потому что я ношу в сумке книги. Меня прямо трясло уже от злости. И жалости к самой себе. И я ужасно горевала, что совсем не похожа на Ритку. Та всегда на высоте. Я же...

— Он у вас такой смешной. Но очень ласковый.

Я обернулась. Соболев держал на руках моего кота, причем тот был совершенно спокоен.

— Ночью мы успели подружиться, — пояснил мне капитан.

Я заскрежетала зубами. Отлично, британец спал с чужим человеком. Меня проигнорировал напрочь. Ну вот, даже мой кот меня предал. Я готова была разрыдаться с досады.

— Кира Юрьевна, у вас омлет горит.

Я поспешно выключила конфорку.

Когда, наконец, мы уселись завтракать, наступило молчание. Весьма неловкое. Я пыталась как можно тише жевать и резать ножом, но все равно любой звук казался оглушительно громким. Кирилл Сергеевич ел быстро, шумно втягивал горячий кофе, и кажется, совсем не испытывал неловкости.

— Очень вкусно, спасибо.

— Пожалуйста.

Опять молчание.

— Я нашел это на подоконнике, — Соболев достал из кармана и положил передо мной на салфетку пулю, что я вчера весь вечер разглядывала. — Откуда она у вас?

— Нашла вчера возле подъезда, когда в аптеку ходила. Думаю, это его. Ну, того, кто в нас стрелял.

— Скорее всего вы правы. Пуля уже кое-что. Главное, что у нас есть другая улика. Отнесу баллистикам, пусть пробьют, что за оружие.

— Но ведь он сбежал.

— Найдем, Кира Юрьевна, обязательно найдем, — он взял со стола салфетку и,

завернув в нее пулю, положил себе в карман.

Мы еще немного помолчали.

— Мне пора на службу, — он поднялся. — Вы могли бы приехать сегодня, нужно составить протокол вчерашнего происшествия? А я попробую фоторобот оформить. Хотя, видел его только в профиль.

— Хорошо. Я приеду. Позже, — я сидела, болтала ложкой кофе, и даже не смотрела в сторону капитана. — Ваши вещи высохли. Только куртка слегка влажная, и на ней дырка.

— Зашью, не страшно.

Он прошел в ванну и через какое-то время вновь возник на Риткиной кухне, уже одетый. Даже в куртке. Я как раз мыла посуду.

— До свидания, Кира Юрьевна.

— До свидания, Кирилл Сергеевич, — ответила я.

Мы пошли к дверям. И уже, когда он стоял на лестничной клетке, я посмотрела ему в глаза.

— Спасибо вам.

— За что? Это я должен благодарить, вы и рану обработали, и спать уложили, и завтраком накормили, — он усмехнулся.

— Вы мне жизнь спасли. Я знаю, — ответила я и скрылась в квартире.

Днем мне удалось, наконец, поговорить с Маргаритой.

— Я тебе вчера четыре раза звонила, — буркнула я, пялясь в потолок.

Риткин звонок застал меня лежащей на диване в гостиной. Я просто валялась, размышляя о смысле жизни и прочем высоком. Кот в знак примирения обрелся рядом, сладко посапывая. Я все еще была на него слегка обижена, но не прогоняла. Тут-то и запиликал мобильный.

— Я видела. Но не могла подойти. — Ритка весело фыркнула. — Кирюха, какое у меня вчера было свидание, закачаешься.

— Поздравляю. — вяло отозвалась я.

Подруга на мгновение умолкла.

— Ты чего какая-то кислая?

— Загрустишь тут, — протянула я и, наконец, смогла рассказать Рите о вчерашнем вечере.

Она слушала с большим недоверием, пару раз чертыхнулась, а ближе к концу уже начала веселиться.

— Слушай, ну этот Соболев молодец. Герой.

— Ага. Кстати, ты ему приглянулась, — как бы невзначай сказала я.

Умение добивать себя своими собственными мрачными мыслями было моим главным преимуществом.

Рита рассмеялась.

— Кир, мент, конечно, судя по твоим рассказам, мужик что надо. Но не моего поля ягода. Сама знаешь.

— А вдруг бы он тебе понравился?

— Глупости, — тут она задумалась. — Но, если он надумает упечь тебя за решетку, я уж не премину воспользоваться тем, что я ему приглянулась.

Я уже представила себе эту картину. И стало как-то не по себе. Не слишком мне нравилась идея, что Рита станет соблазнять Соболева ради того, чтобы он не сажал меня в тюрьму. Пусть и благородная цель, но мне этот вариант категорически не импонировал.

— Ладно, расскажи лучше, у тебя есть соображения, кто мог желать тебе смерти?

— Да я уже голову сломала, Рита. У меня такая тихая жизнь, я почти ни с кем не общаюсь, редко где-то бываю... Зачем в меня стрелять, ума не приложу.

— Даа, задачка, — протянула подруга и мы помолчали.

Наконец, я вспомнила о важном открытии, совершенном мною вчера и заговорила:

— Слушай, а почему ты не сказала, что твой бывший участвовал в раскопках, при которых нашли мумию Принца?

— Который из бывших?

— Борис Иванович. Я нашла снимок в газете за девяносто третий год. Там группа археологов снята на фоне пирамид как раз в день открытия.

— А ведь ты права. Борис Иваныч действительно ездил с ними, как ведущий антрополог от института. Он и еще двое как раз идентифицировали находку. Как это я забыла об этом.

— Интересно, да?

— Еще бы. — Рита вдруг как-то смешалась. — Кир, ты же не думаешь, что мой бывший стащил мумию из института? А потом стукнул тебя по голове, а потом...

— Пытался убить, — закончила я за нее. — Конечно, я так не думаю. Хоть поначалу, когда нашла фото, очень сомневалась. Кто еще знает о том, какова стоимость этой находки?

— У нас не Америка, археологов и антропологов по пальцам сосчитать можно. Я знакома со многими лично. Но представить их, воруящими мумию из зала — это нелепость какая-то. Да ведь ты представь только, ее же нужно вместе с саркофагом переместить из музея в безопасный тайник. Нужны помощники. Один этот вор просто не мог быть. Физически бы он не справился.

— Думаю, ты права. Логично предположить, что их было двое. Саркофаг тяжелый?

— Сама как думаешь?

— Ладно, не злись. И все же, зачем красть останки?

Мы помолчали, потом Ритка заговорила первой:

— Фараонов никогда не хоронили одних.

— То есть?

— Самое ценное, что было, клали вместе с ними. Завершали процесс мумификации, и тогда уже закрывали саркофаг и оставляли его в гробнице.

— К чему ты ведешь? — недоумевала я.

— Да к тому, что может вора интересовали совсем не кости. Может быть, в этом саркофаге есть что-то очень ценное, хотя я об этом раньше не слышала.

— Думаешь, такое возможно? Но разве позволили бы вывезти из Египта такую находку со всеми ценностями? Ведь они принадлежат их стране. Или я чего-то не понимаю?

— Понятия не имею. Думаю, нам стоит лучше изучить этот вопрос. Тут на конференции есть очень даже умные мужчины, надо присмотреться, вдруг, кто из них может оказаться нам полезен.

Я усмехнулась.

— Ты присматривайся, но особо с этим не тяни. Соболев тебя уже дважды искал и настоятельно рекомендовал явиться по-хорошему. Иначе он пришлет тебе официальный вызов.

Ритка ойкнула.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Ладно, не парься, я приеду на следующей неделе.

— Точно? — засомневалась я.

— Точно, уже билет забронировала.

— Отлично, — тут я немного помедлила, представляя реакцию на свою следующую просьбу. — Рита, а может ты поговоришь с Борис Ивановичем насчет мумии, а? Ну если он там был, кому как не ему знать все об этом деле.

Мне показалось, что я услышала, как моя подруга заскрежетала зубами.

— Кир, ты меня без ножа режешь. Знаешь ведь, в каких мы чудесных отношениях.

— А может он поговорит со мной?

— Можешь попробовать, но я совсем не уверена в успехе. Бывший он, знаешь ли, меня терпеть не может. А, учитывая обстоятельства, при которых ты оказалась в музее, я вообще сомневаюсь, что он захочет с тобой пообщаться.

— Позвони ему и попроси об одолжении. — сказала я, представив, как Ритку сейчас

перекосило.

— Да ты с дуба рухнула что ли!

— Рита, меня уже били по голове, в меня стреляли, я подозреваемая в краже бесценного саркофага, и все это потому, что я согласилась тебе помочь. Ты крутишь там романы, а я верчусь как уж на сковородке, — моя злость хлынула на подругу потоком. — Так что давай наберись уже наглости или смелости, не знаю, чего там надо больше, и позвони своему бывшему. Я обязана разобраться в этом деле, потому что никому кроме меня это на фиг не надо. А в тюрьму я не хочу!

Долго молчала моя подруга. После чего услышала вздох и поняла, что победила.

— Характер у тебя прорезался, Кирюха. Неожиданно, — заметила Рита.

— Прости, что наорала. Просто ты не представляешь, в каком я нахожусь состоянии, — сразу начала я оправдываться, почувствовав себя виноватой.

— Ладно, ты права. Я позвоню Борис Ивановичу. Ничего не обещаю, но постараюсь.

— Спасибо! И приезжай поскорее. Я тут одна не справлюсь.

— Держись поближе к капитану Соболеву, мне так будет спокойнее. Все же он мент, как-никак.

Это идея не нашла во мне отклика. Я простилась с Ритой и стала собираться. Уже было обеденное время, нужно было ехать в отделение, писать заявление о нападении. Желания встретиться с Кириллом Сергеевичем у меня не было абсолютно никакого. Но другого выхода я не видела.

Не спеша одевшись, я вышла на улицу. Поймала себя на том, что с опаской оглядываюсь по сторонам. Разозлилась на собственную трусость. А потому пошла в магазин и купила себе газовый баллончик. Уже спокойнее будет, решила я и бодро зашагала в отделение, где служил Соболев.

Постучав в дверь, заглянула в кабинет.

— Вы к кому? — мне улыбнулся молодой парень в форме, поднявшись из-за стола.

— Мне нужен капитан Соболев. — сказала я, оглядываясь.

— Он скоро будет. На огнестрел вызвали. Можете подождать его здесь. — молодой человек указал мне на стул возле стола капитана. В прошлый раз я тоже сидела там.

Я кивнула и прошла внутрь. В прошлый раз я так нервничала, что даже ничего здесь не замечала. Зато теперь смогла, наконец, осмотреться. В просторном кабинете кроме стола Соболева, стояло еще два — за одним сидел любезный парень, другой был длиннее и стоял посреди кабинета. Мне почему-то показалось, что это место для допросов. Возле стола висела доска с какими-то фотографиями. На миг приблизившись, я разглядела на одной девушку в странной позе с вывернутыми руками. Возле ее лица было большое красное пятно.

— Самоубийство. — раздался сзади веселый голос молодого служителя закона. — Странно, что люди не летают.

Кажется, ему видеть разбитые лица было не впервой, вот и веселиться. В отличии от меня. Я ощутила легкую дурноту, когда поняла, почему у девушки такая поза и что это за красное пятно.

Я поспешно села на стул, стоявший возле стола, где работал Соболев. Минут пятнадцать пялилась в окно, иногда наблюдая, как привозят какого-нибудь задержанного со связанными руками и заводят в отделение. Но все чаще виднелись лица разных мужчин в форме, стоявших с сигаретой в руке. Наверное, там была курилка. Я машинально отметила, что женщин не попадаетея вообще.

Когда прошло полчаса моего сидения, я заскучала. А молодой паренек за соседним столом куда-то исчез. Воспользовавшись этим, я стала изучать стол куда пристальнее, чем делала до этого. Ничего необычного. Компьютер, телефон, сзади допотопный сейф. Интересно, зачем. Какие-то бумаги ворохом лежали поверх трех серых папок с надписью «личное дело».

В углу я заметила засохший кактус. А возле него фото в рамке. Любопытно. Оглянувшись на дверь и убедившись, что никто не идет по коридору, я встала и потянулась взглянуть на фотографию. На ней был запечатлен Кирилл Сергеевич в обнимку с мужчиной и женщиной. Мужчина был мне не знаком, хотя лицо очень даже добродушное, совсем не похож на мента. Впрочем, может это и не мент. Меня больше привлекла женщина. Видимо, кадр был сделан случайно, потому что она получилась как бы в три четверти, ее лицо было направлено в сторону капитана Соболева. Он же, стоявший посередине и обнимавший мужчину за шею, а женщину за талию, улыбался в камеру. Надо сказать, что женщина была симпатичная. Русые волосы до плеч, серые глаза, а во взгляде, направленном на Соболева, неподдельный интерес. Тут к гадалке ходить не нужно, чтобы понять, что она не просто подруга. Еще раз оглянувшись на дверь, я быстренько достала фото из рамки и перевернула его. На оборотной стороне было написано «Самому лучшему мужчине. С юбилеем». Я криво усмехнулась. А вы, оказывается, ловелас, господин капитан.

И тут я услышала шаги. И голоса. Поспешно пытаюсь засунуть фото в рамку, я все время поглядывала на дверь. Буквально за секунду до того, как она распахнулась, мне удалось поставить рамку на место, плюхнуться на стул, и с невозмутимым видом уставиться в окошко.

— Кира Юрьевна? — удивленный голос капитана заставил меня обернуться на вошедших. — Давно ждете?

Я покачала головой.

— Не очень. Здравствуйте, — это приветствие относилось скорее к тем двоим, что зашли в кабинет вслед за капитаном. Я моментально узнала мужчину и женщину с фотографии.

Они смеялись, когда заметили меня и сразу умолкли, недоумевая.

Соболев повернулся к ним вполоборота, кивнув в мою сторону.

— Брусникина Кира Юрьевна.

— А, мумия, — усмехнулся мужчина. Он действительно был более чем добродушный малый. Не считая пистолета на ремне брюк. Это было явно не для привлечения внимания.

Я кивнула и улыбнулась ему.

— А это команда, которая занимается вашим делом, — Соболев указал мне на мужчину. — Старший лейтенант Александр Николаевич Ковалев. А это старший лейтенант Макеева, Анастасия Григорьевна, — кивок в сторону женщины.

— Здравствуйте, — еще раз зачем-то поприветствовала я их.

Соболев предложил мне сесть, и я снова опустилась на уже порядком надоевший стул.

— Как ваша рука?

Капитан ответил, но глаз не поднял.

— Спасибо, все хорошо.

У меня сложилось впечатление, что Анастасия внимательно слушает наш разговор. Неприятное ощущение. Я повертела головой по сторонам. Увидела, что Ковалев уселся за свой стол, копаясь в ноутбуке. А женщина, подойдя к Соболеву, сказала ему что-то на ухо, он

улыбнулся. После чего она вышла из кабинета. Мы остались вдвоем.

— Напишите заявление, расскажите про вчерашнее нападение и можете быть свободны, — рядом со мной возник Ковалев и протянул мне лист бумаги и ручку.

Я вновь повернулась к Соболеву и взглянула на него.

— А разве вы не рассказали, как все было?

— Нужна ваша версия происшедшего. Вы пишете, пишете, Кира Юрьевна, все как было. — ответил мне капитан, перекладывая папки на своем столе. Взгляд его задержался на рамке, потом он быстро взглянул на меня и тут же отвел глаза. Я почувствовала, что невольно краснею. Неужели догадался, что я трогала фото? Но как?

Я стала писать, пытаясь не упустить никакой мелкой детали. Соболев перебирал бумаги на столе, что-то печатал на компьютере. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я снова услышала, как открылась дверь. Стук каблуков возвестил, что в кабинет вошла женщина, и я совсем не удивилась, подняв голову и снова увидев лейтенанта Макееву. В руках у нее была какая-то папка.

— Баллистика? — спросил Кирилл Сергеевич.

Она кивнула.

— Результаты по оружию, что ты оформлял.

— Докладывай, Настя. — велел Соболев.

Она села позади меня на стол для допросов. И стала рассказывать.

— Кое-что удалось узнать. Стреляли из ТТ, это ты и сам знаешь. Только оказалось, что ствол-то наш зарегистрирован. Петрович пытается номер пробить, найти концы, но пока глухо. Все же, надеюсь, что скоро будет результат.

Я лишь недоуменно покосилась на капитана Соболева, но, кажется, ему эта белиберда казалась вполне разумной.

— По поводу пули. Кровь на ней твоя, капитан, — продолжила тем временем Анастасия. — И отпечатки одни, но по базе не удалось пробить, чьи именно. Ранее эти пальчики нигде не засветились.

Тут мне стало не по себе. Я вспомнила, что трогала пулю руками, вертела ее ночью, сидя на кухне.

— Это могут быть мои, — виновато сказала я, подняв на Соболева глаза.

Он лишь покачал головой.

— Значит, придется отправить вас на экспертизу, Кира Юрьевна. А впредь, запомните, что улики руками не трогают.

Я хотела заявить, что впредь вообще не планирую иметь дела ни с полицией, ни с уликами, да кто ж станет меня здесь слушать. Поэтому, я лишь в очередной раз кивнула.

Какое-то время продолжала писать, пока не обратила внимание, что лейтенант Макеева держит в руках знакомую мне вещь. Это была куртка Соболева. И Анастасия Григорьевна зашивала на ней дырку от пули. Периодически они переглядывались с капитаном, она улыбалась ему, он отвечал кивком. Мне даже стало смешно. Я вспомнила, как злилась утром, думая, что капитану приглянулась моя подруга. А у него, оказывается, есть дама сердца. Очень странно при таком раскладе то, что он совершенно спокойно остался на ночь в одной со мной квартире. А может, это у него в порядке вещей. Мужчины полигамны, им всегда мало одной единственной женщины. Наверное, и Соболев точно такой же. Впрочем, об этом пускай голова болит у лейтенанта Макеевой.

Я закончила писать, и тогда капитан сказал Ковалеву, чтобы он проводил меня для

снятия отпечатков пальцев. Я послушно вышла вслед за Ковалевым. Процедура отняла минут двадцать со всеми записями и прочим. Меня наградили черными пальчиками, и благополучно отпустили. Ковалев проводил меня обратно в кабинет.

— Не волнуйтесь, до завтра отмоется, — улыбнулся он мне, когда мы оказались в коридоре.

Я снова лишь кивнула, и кисло растянула губы наподобие улыбки. Меня уже тошнило от этого заведения и его сотрудников. Безумно хотелось оказаться на улице, чтобы вдохнуть свежего зимнего воздуха.

— Отпечатки сняли, товарищ капитан, — доложил Ковалев, пропуская меня в кабинет первой.

Я увидела, что Кирилл Сергеевич по-прежнему сидит за своим столом, а рядом с ним стоит Анастасия с двумя чашками в руке. Судя по запаху, там был кофе. Одну она поставила перед Соболевым, со второй в руках села за стол Ковалева. На меня поглядывала вроде бы без особого интереса, но я все равно ощутила, что это напускное безразличие.

— Результат будет завтра, но не думаю, что в базе найдется что-то интересное на Киру Юрьевну, — усмехнулся капитан и подмигнул мне.

Я как раз снова уселась на стул возле его стола, и едва рот не открыла от изумления, а лейтенант Макеева сдвинула брови к переносице.

— Я могу идти? — тихо спросила я, поднимаясь.

Соболев кивнул.

— Если смените место жительства, не забудьте меня известить.

Я улыбнулась.

— Непременно. До свидания.

— До свидания, — отозвался Соболев, уже уставившись в свой компьютер.

Я наклонилась, чтобы забрать сумку со стула и случайно взгляд мой вновь вернулся к фотографии на столе капитана. Я лишь мельком взглянула на нее, густо покраснев. Тут и поймала взгляд Кирилла Сергеевича и поспешила ретироваться из кабинета, едва не задев столы и стулья. Только на улице смогла нормально вдохнуть полной грудью. Мне стало понятно, почему Соболев так странно мне улыбался. Фотография в рамку была вставлена верх ногами.

КИРИЛЛ

После ухода потерпевшей я чувствовал себя странно. Рука побаливала, но это обстоятельство вряд ли могло меня смутить. Не первый год в полиции, так что не привыкать.

Я сидел за столом, пытаясь писать рапорт о вчерашнем нападении, но мысли мои то и дело возвращались к Брусникиной. Смешная эта Кира Юрьевна. Зачем фото на моем столе брала? Любопытная, наверное. Я даже не заметил, как возле меня появилась Настя. Она подошла сзади, обняла за шею и поцеловала в щеку.

— Я же просил не на службе. — пришлось разнять ее объятие.

— Ковалев вышел, мы одни. — отозвалась Макеева и снова попыталась меня поцеловать.

— Настя, не сейчас.

Она нахмурилась, убрала руки и уселась на край моего стола. Я невольно уставился на ее ноги. Настя была женщиной красивой, с отличной фигурой, и умной. И смелой. Мы с ней были очень похожи.

— У тебя всегда не сейчас. Между прочим, я вчера тебя прождала до глубокой ночи. Но ты даже позвонить не удосужился. — заметила Макеева, разглядывая предметы на моем столе. Будто здесь было что-то для нее незнакомое.

— Я пошел навестить гражданку Лапину, о чем тебе хорошо известно. А там встретил Брусникину, в нее стреляли, а задели меня, пришлось погоняться за этим стрелком. Правда, впустую. А потом отсыпался.

Настя как-то странно на меня взглянула.

— А почему эта Брусникина спрашивала про твою руку?

— Потому что мне ее из-за нее прострелили, — я начал порядком злиться. — Настя, что за допрос?

— Мне кажется, что ты чего-то не договариваешь. Я опер, как-никак. В чем дело?

Я вздохнул. Мне совсем не хотелось портить отношения с любимой женщиной, но и врать был не приучен. А я заранее знал, как она отреагирует, если узнает, что ночь я провел в одной квартире с потерпевшей. А если промолчать, то она все равно рано или поздно узнает, и будет только хуже. Из двух зол я выбрал меньшее.

— Настя, когда в меня попал этот стрелок, Кира Юрьевна отвела меня к себе домой, обработала рану, перевязала и уложила спать — у меня даже была температура. Она дала мне обезболивающее и я уснул. Тебе не сказал, чтобы ты себе ерунды не додумала. И не волновалась лишний раз.

Настя вскочила с моего стола.

— Ты что провел ночь в одной квартире с этой?!

Я покачал головой. Что и следовало ожидать.

— Успокойся, прошу тебя. Это была вынужденная мера. Ей было страшно, а я был ранен. Я даже не помню, как заснул. Мой долг был остаться с потерпевшей, к тому же она неплохо обработала рану.

— И ты не сказал мне!

— Потому что знал, как ты отреагируешь. И не ошибся, — я поднялся и взял ее за руку. — Насть, ты ведешь себе глупо. Это была внештатная ситуация, мне пришлось...

Макеева выдернула свою руку.

— Ты бы мог хотя бы позвонить!

— Я не подумал. Прости.

— Ты должен был вызвать наших, и ехать в больницу. А вместо этого ты остаешься в незнакомом доме с простреленной рукой и просто ложишься спать. Я тебя не понимаю, Соболев.

Макеева резко развернулась и вылетела из кабинета. Я тяжело опустился на стул. Ну вот, а ведь хотел, как лучше.

— Ты чего Насте сказал, что она злая как мегера пронеслась по коридору? — на пороге возник Ковалев.

— Ей не понравилось, что я провел ночь на диване у потерпевшей. Хотя в меня стреляли, и я просто спал.

— Ну ты даешь, — Ковалев рассмеялся, плотно прикрыв за собой дверь. — Что-то в последнее время вы часто стали с ней ругаться. Любовь прошла?

— Извини, это личное. — я не любитель обсуждать такое на работе. — Да все у нас в порядке. Успокойся и будет как раньше.

— Тебе виднее, капитан.

Я снова принялся за рапорт. Через какое-то время мой напарник подал голос. Ковалев искал что-то в сводке ограблений за последние три года.

— Никаких зацепок с этой мумией. Ну вот вообще ничего. — произнес он крайне раздраженно.

Я оторвал голову от монитора.

— Но ведь это все не спроста. Не нравится мне, что из-за этой кражи уже дважды кто-то пытается напасть на Киру Юрьевну.

— Если бы тебя вчера рядом не оказалось неизвестно, чем бы все кончилось. Так что Брусникиной повезло.

Ковалев словно мысли мои прочел. Какое-то время мы молчали, потом он заговорил снова:

— Странная какая-то она, если честно.

— Кто? — я непонимающе взглянул на Ковалева.

— Да Брусникина эта. Такое чувство, что она собственной тени боится.

Я помедлил с ответом.

— Да не странная она, Сашка. Просто напугана очень. А помочь ей некому.

— Ты не думаешь, что она причастна к похищению этой мумии?

— Очень в этом сомневаюсь. Или я перестал разбираться в людях. Кира Юрьевна она... — я на миг задумался, пытаюсь подобрать слово. — Как потерявшийся кот, понимаешь?

Сашка рассмеялся.

— Ты только Насте этого не говори. А то она точно тебе сцену закатит. А у нас сейчас с кадрами туго.

Я в очередной раз вернулся к рапорту. Какое-то время печатал, выпил чаю, но мысленно все пытался представить, кому могла помешать Брусникина до такой степени, чтобы ее попытались убить. Или что она такого могла увидеть, чтобы стать лишней. Ответов не было

вообще никаких. И это злило невероятно. В какой-то миг я наткнулся взглядом на фотографию, что стояла на моем столе. Пришлось вытащить снимок, чтобы засунуть его назад как надо, а не вверх ногами. Еще не хватало, чтобы Настя заметила. Интересно, зачем все-таки Кира Юрьевна трогала фото?

Я перевернул снимок и на обратной стороне прочел Настину надпись, сделанную как раз в день моего тридцатилетия полтора года назад. Тогда мы только начинали с ней встречаться.

«Самому лучшему мужчине».

Что ж, пожалуй, в тот период мы действительно были друг для друга самыми. Но по прошествии столь продолжительного времени, я не был уверен, что наши отношения такие же, как и раньше. И она это чувствовала, я точно знаю. Вроде все как всегда, я люблю ее, она любит меня, но все же что-то у нас изменилось.

Решительно отмахнувшись от этих мыслей, я поднялся и пошел к криминалистам. Идя по коридору, заметил Макееву, стоявшую возле курилки. В руках недокуренная сигарета. Я покачал головой. Отучить ее от этой пагубной привычки оказалось делом непростым. Я приблизился к ней.

— Ты зачем опять куришь?

— Ты мне не нянька, капитан. А я уже взрослая, — отозвалась Настя, даже не глядя в мою сторону.

Я взял ее за руку.

— Сейчас у меня еще есть дела. Но вечером я приеду. Дождись меня, пожалуйста.

Она лишь недоверчиво взглянула на меня. Но потом, помедлив мгновение, все же кивнула.

— Хорошо. — потушила сигарету и пошла назад в отдел.

Я облегченно вздохнул и направился дальше по коридору.

— Здравствуй, Иван Петрович. — в кабинете был только знакомый криминалист в белом халате.

— Здравствуй, капитан. — он поднялся мне навстречу и пожал руку. — Пальчики твои готовы.

— Отлично. Как раз по этому поводу и зашел.

— Вот хоть бы раз без повода. — усмехнулся Иван Петрович, предлагая мне стул.

— Давай в выходной на рыбалку, а? Тишина, водочка...красота...

— Сергеич, ты в окно давно смотрел? Зима на улице, какая рыбалка.

Мы рассмеялись.

— Тогда в бар. Пивом с воблой угощу.

— О, ну так это же совсем другое дело. Договоримся.

— Идет. Так что там с пальчиками?

— Чисто. Да ты, я вижу, не удивлен вовсе?

— Нет. Так, для протокола только и отправил к тебе потерпевшую.

— Понятно. Ну, пока больше ничем. Извини, — Иван Петрович театрально развел руками.

— Ладно, Петрович. Про пиво не забудь. — я помахал ему и вышел.

Разумеется, отпечатки пальцев Брусникиной в базе не числятся. Да и странно было бы, будь иначе. Я уверен, что Кира Юрьевна просто случайный свидетель. Но кому-то она очень мешает. Знать бы еще кому.

Вернувшись в отдел, обнаружил там кроме Ковалева и Макеевой высокое начальство. Полковник Махов стоял посреди кабинета и явно был не в духе. Настя с Сашкой даже не смели сесть на свои места, а это значило, что он здесь уже какое-то время и отчитывает моих ребят. Махов повернулся на открывшуюся дверь и уставился на меня злым глазом.

— Соболев, явился, наконец, — голос был больше похож на грозный рык. Впрочем, все знали, что Махов порычит, но не укусит.

— Что-то случилось, товарищ полковник?

— Случилось, капитан, случилось. Погоны ты носишь, а раскрываемость на нуле.

— Да не может такого быть... — начала было Настя, но Махов ее перебил.

— Тебе, лейтенант, слово не давали. — и снова он повернулся в мою сторону. — Что там с делом о пропаже в музее?

— Ищем, товарищ полковник. Но пока без результатов.

— А свидетельница эта, в нее что действительно стреляли?

— Похоже, что так.

— Похоже или точно?

— Точно.

— И что ты сидишь, Соболев? — взорвался полковник. — Раскрываемости нет, в свидетелей у тебя стреляют, краденого ты не нашел! Может я тебя зря в отделе держу?

Я сглотнул.

— Никак нет, товарищ полковник. Мумию ищем, сейчас отрабатываем всех, кто занимается такими кражами за последние пять лет. Раритет в огромных размерах — не все осилит. Свидетельница в полном порядке, уже была, написала заявление о нападении, откатали ее пальчики, в базе чисто.

— А пистолет?

— Установлено только, что стреляли из ТТ, сейчас Петрович пытается пробить, есть ли у ствола история.

Тут Махов потер голову и сел на стул. Мы все трое даже не шелохнулись. Но я заметил, что Настя с Ковалевым переглядываются, пытаясь скрыть улыбки. Оно и понятно, наш добродушный полковник редко давал нам взбучку, выглядел при этом так комично, что воспринимать его всерьез было сложно. Однако, стоило, потому как внешность была весьма обманчива. Полковник Махов мог при необходимости быть очень убедительным. А некоторые его даже действительно побаивались.

— Соболев, вы работайте, работайте. Мне сегодня позвонили сверху — полковник многозначительно ткнул пальцем в потолок. — Там очень недовольны тем, что такая крупная кража до сих пор не раскрыта, что никого не взяли по горячим следам. Да еще и лишится единственного свидетеля совсем не в твоих интересах.

— Все поняли, товарищ полковник. Будем работать активнее. Прикажете выделить свидетелю охрану?

Махов покачал головой.

— Давай на свое усмотрение, капитан. — тут он, наконец, поднялся, и повернулся к ребятам. Те дружно опустили глаза в пол. — Работать.

— Есть. — так же хором отозвались Макеева и Ковалев.

Полковник, тяжело ступая, вышел из кабинета.

— Фуф. — протянул Сашка, плюхаясь на свой стул. — Ну попали мы под горячую руку.

— Да он сам попал, раз начальство позвонило. — заметила Настя. — Наверное, дело на

особый контроль поставят.

— Ладно, хватит болтать. — я прошел к своему столу. — Саш, бери Настю и дуйте по соседям в доме Лапиной, допросите людей, может кто-нибудь что вспомнит, или кто-то что-то видел.

— Так наши ведь уже опрашивали всех, пусто... — попытался возразить Ковалев.

— Но ты ведь этого еще не делал? — тот кивнул. — Вот и выполняй.

— Так точно, товарищ капитан.

— Хватит паясничать. Езжайте.

Они стали одеваться, а я уселся за свой компьютер.

— Кир, а что с охраной для Брусникиной? Распорядиться? — уже в дверях спросил меня Сашка.

Я задумался и перехватил Настин настороженный взгляд. Мне он совсем не понравился.

— Думаю, пока в этом нет необходимости.

— Ну ладно, мы тогда поехали.

— Давайте.

Наконец, я остался один в отделе. Еще раз подумал о том, стоит ли выдать охрану Брусникиной. Поразмыслив, решил, что все-таки не стану этого делать. Засветился монитор, открылось окно с историей про пропавшую мумию. Я потянулся, стряхивая усталость, и погрузился в чтение. Информации было много, а до вечера еще далеко.

Через час мне стало совершенно очевидно, что в этих дебрях я буду разбираться очень долго. Что такого ценного может быть в мумии какого-то там сына какого-то фараона мне было не понятно. И почему из-за нее такой переполох, тоже. Была идея позвонить Брусникиной и задать парочку вопросов, ей как сотруднику музея, должно быть известно больше. Да и понимает она в этом явно лучше меня. Но потом я вспомнил о Насте и ее взгляде при каждом упоминании Брусникиной, и отбросил эту мысль подальше.

Зато в голову пришел иной вариант. Был у меня знакомый, бывший кандидат наук по истории. Вот к нему мне и следовало обратиться. Он то уже точно растолкует, что к чему, и вопросов лишних можно будет избежать. Я поискал в блокноте его номер и договорился о встрече на завтра. А после с чувством выполненного долга, поехал мириться с Настей.

КИРА

Поздно вечером я валялась на диване, наслаждаясь ничегонеделанием. И потому была крайне удивлена, когда в дверь позвонили. Я лежала, закутавшись в плед и смотрела сериал, точнее делала вид, что смотрю. Мысли мои были далеки от сюжета любимого произведения. Я все чаще переводила взгляд в потолок, размышляя о Хаемуасе, и своей жизни в частности. И тут этот звонок был явно не к месту. Я игнорировала его, справедливо решив, что раз я никого не жду, то и открывать не обязана. Однако кто-то настойчиво звонил еще трижды, приведя меня в состояние, близкое к гневу.

Наконец, звонки прекратились. Только я обрадовалась, как уже в следующую минуту забарабанил мобильный.

— Кому ж так неймется! — возмутилась я, пытаясь дотянуться до телефона.

— Ты дома? — услышала я голос любимого брата.

— Приличные люди сначала здороваются. — недобро отозвалась я, нажав на ноутбуке паузу. Картинка застыла на экране, а я обратилась вслух.

— Приличные люди не держат брата на лестнице. — парировал Даниил.

— Так это ты что ли трезвонишь?

— Открывай.

Брат отключился, а я не хотя поднялась и поплелась в прихожую. При виде меня в халате Даня нахмурился, но ничего не сказал, молча прошел в квартиру, разулся, повесил куртку на вешалку и, наконец, повернулся ко мне.

— Ну привет.

— Привет. — я поцеловала его в щеку, и мы пошли в комнату.

Сунув руки в карманы, Даня осматривался, словно был здесь впервые. Ночевал сегодня я в своей квартире. Так что забралась обратно на диван, укрылась пледом, и уставилась на него выжидающе.

— Выглядишь не очень. — заметил, наконец, брат, усаживаясь рядом.

На том конце дивана спал мой кот, при появлении Дани он устало зевнул и теперь посматривал на нас с явным неудовольствием. Конечно, кому понравится, что его будят. Я вот была совсем не в восторге от внезапного вторжения.

— Ты чего пришел? Compliments говорить?

Он усмехнулся.

— Может хоть чаем напоишь?

— Тебе черный или зеленый?

— Без разницы.

— Ну тогда, чай в шкафчике, сахар на столе, вода в кране. — я широко зевнула, укладываясь поудобнее.

— Обойдусь. Ты очень гостеприимна, сестрица.

— Ага. Стараюсь.

— Оно и видно.

Мы помолчали.

— Кир, ты чего дурака валяешь? Родители волнуются.

— Тебя снарядили узнать, как я поживаю?

— Типа того. Что у тебя происходит? Я слышал про музей, мама рассказала, что тебя даже били по голове. Что за ерунда у вас там твориться?

— Самой хотелось бы знать. — развела я руками. — Да, боюсь, мне это не дано.

— Вот чего ты опять сидишь тут, как пень?

Я усмехнулась.

— Ну ты сравнил.

— Ты молодая, симпатичная, умная, веселая девушка, а ведешь образ жизни пятидесятилетней старухи. Ни друзей, ни парня, один кот и музейные экспонаты.

— Дань, ты пришел читать мне лекции? Если да, то вынуждена тебя огорчить. Ты опоздал. Не действует.

— Ладно, я не стану лезть в твою жизнь, просто хочу напомнить, что у тебя есть близкие люди, которые тебя любят. И которым не пофигу, что ты лежишь и смотришь дурацкие сериалы сутками вместо того, чтобы налаживать свою личную жизнь или сходить погулять хотя бы.

Я открыла рот и долго пристально смотрела на младшего брата. Он смог меня удивить. Оказывается, со стороны я выгляжу полной неудачницей. И ему меня очень жалко. Или это мамуля его научила, что нужно сказать? А может Яна мозги промыла? С нее станется, я бы

ничему не удивилась. Я села на диване, взяла Даню за руку и сказала абсолютно серьезно:

— Я тебя тоже очень люблю. И у меня все хорошо, правда. В музее разберутся, а сериалы-мне нравится. И с личной жизнью уже налаживаться стало. Так что не волнуйся.

— Честно?

— Абсолютно.

— Ну тогда я рад. — он почесал нос и вновь взглянул на меня. — Ты где собираешься Новый год встречать?

Я лишь пожала плечами.

— Пока не думала об этом.

— Как так? Ведь праздник.

— И что?

Даня зло фыркнул.

— И то! Короче, — он поднялся и зашагал по комнате. — Мы с Яной тебя приглашаем. Соберется вся компания, ты их знаешь, человек десять где-то. Поедем на елку в город, будет весело. Кстати, Антона не будет, так что можешь смело приходить.

Я молча наблюдала за его передвижениями по комнате, и лишь усмехалась. Похоже, он действительно переживает. Только не понимает, что наши дороги давно разошлись. Не по пути мне с его Яной и их компанией. И дело тут даже не в Антоне. Просто разные интересы. Но было приятно, что Даня меня пригласил. Я была ему благодарна.

— Я подумаю. Еще есть время. — ответила я туманно, дабы сразу не разочаровывать его отказом.

— Ну и славненько. Тогда я пошел. — Он встал рядом, посмотрел мне в глаза и чмокнул в лоб. — Пока.

— Пока.

Я проводила его до двери, и вернулась в свое теплое гнездо. Спать опять не хотелось, даже несмотря на то, что в десять утра у меня была экскурсия. Я по привычке разглядывала потолок какое-то время, потом тряхнула головой, уселась поудобнее и попыталась сосредоточиться на сюжете сериала. Мне это вполне удалось. Однако Данин приход немного волновал. Я задумалась, кто же все-таки его прислал. И пришла к выводу, что это, скорее всего, мама. Значит, стоит ждать продолжения. Даня, наверняка, доложит ей, что я сижу одна субботними вечерами, пялюсь в ноутбук и вообще далека от реальности. Представив этот тяжелый случай, с точки зрения мамы, конечно, я горько усмехнулась. Иногда так и хочется сказать: «Храни нас Бог от тех, кто нас оберегает».

Следующее утро началось весьма активно. Не успела я закончить экскурсию, как позвонила Ритка. И мне пришлось спешно лететь в Национальный институт. Ритка свое слово сдержала — Борис Иванович готов был со мной побеседовать.

— Он, конечно, может скорчить недовольную мину, но ты не обращай внимания. Раз дал согласие, значит расскажет все, что сможет. — предупредила она.

Так в сущности и оказалось. Постучав в кабинет на кафедре, я нашла бывшего мужа моей подруги за письменным столом.

— Пойдемте в лаборантскую. Там нам никто не помешает. — кисло протянул он, когда я представилась и напомнила о цели своего визита.

Следуя за Синицким Борисом Ивановичем по коридорам, я тайком его разглядывала и пыталась понять, как могла Ритка выйти замуж за этого мужика. Ранее нам встречаться не

приходилось, мы почти не общались с подругой в тот период, когда Рита сочеталась с ним браком. Однако, я тут же поняла, что их супружество — это был просто полнейший мезальянс. Он был почти вдвое ее старше, невысокий, с уже приличным брюшком, с жидкими волосенками и рыжей бородкой. В очках и костюме, который давно пора было заменить на более новый. Впрочем, выглядел Борис Иванович типичным преподавателем вуза, каким в сущности и являлся. Не знаю, может раньше он и был лучше, чем сейчас, но я слабо представляла себе причины, по которым можно связаться с таким мужиком. Тут я некстати вспомнила об Ольге, нынешней супруге Бориса Ивановича и подумала, что вот они-то точно друг другу подходят.

Пока я разглядывала своего спутника, он тоже даром времени не терял. Пялился почти без стеснения. Наконец, мы вошли в просторную комнату, уставленную стульями и столами с какими-то колбами.

— Садитесь. — предложил Борис Иванович. Сам он сел за стол и, сложив ручки домиком, воззрился на меня немигающим взглядом.

— М-да... Теперь я понимаю, почему моя жена устроила мне такой скандал, когда вы явились под видом Лапиной в музей.

— Что вы имеете в виду?

— Ольга все никак не могла взять в толк, как я мог жениться на такой как вы. Теперь я понимаю ее возмущение.

Я чуть не задохнулась от такой наглости.

— Вы совсем не похожи на Марго. — прозвучало это явно не как комплимент.

Я не стала уточнять, что именно он имеет в виду, только усмехнулась про себя. Кажется, наш Борис Иванович был поклонником Дюма и его творчества. В любом случае, будь я менее вежливой особой, обязательно заявила бы, что он уж точно не тянет на прекрасного принца. И что лучшее, что он в своей жизни имел-это Ритка. Только вот ему никогда не видать ее как своих ушей. Эта мысль как-то грела, и я смогла настроить себя на позитивный лад.

— Борис Иванович, Рита рассказала вам, по какому я поводу?

— Простите, как вы сказали вас зовут?

— Кира.

— Кира, послушайте. Вы появились в нашем музее под видом моей бывшей супруги, взбудоражили общественность, вы проходите по делу о краже, вас били по голове, не будет ли в таком случае разумным посидеть это время дома и никуда не совать свой длинный нос?

Честно говоря, я опешила. Это было уже чересчур. Он говорил с таким видом, будто он был Господь Бог, а я нашкодивший кот. Вот нахал. Примерзкий тип с жидкой бороденкой. Правильно сделала Ритка, что бросила его. Так ему и надо.

— Я считаю, что мое будущее зависит только от меня. Я хочу помочь вернуть украденную мумию в ваш музей. Это благое дело. И, кстати, я прекрасно справляюсь с обязанностями, которые доверила мне Маргарита.

— Да, я слышал, что экскурсии вы водить умеете. — усмехнулся Борис Иванович.

— Да, мне это нравится. — парировала я, призывая себя к спокойствию. — А теперь, может быть, вы все же ответите на некоторые мои вопросы, раз уже обещали Рите, что поможете?

Он задумался, пристально глядя мне в глаза.

— Ну хорошо. Будь, по-вашему. Спрашивайте. Что вас интересует?

— Экспедиция в 1993, когда вы участвовали в раскопках в Египте. — я полезла в сумку и достала оттуда копию снимка из газеты, который нашла в архиве. — Вот эта.

Борис Иванович взял в руки снимок. И улыбнулся. Такой странной, но какой-то мягкой улыбкой, словно бы эта фотография вызвала в нем некие добрые чувства и воспоминания. А, может, так оно и было.

— Давненько я не видел это фото.

Я ткнула пальцем на мужчину в левом верхнем углу.

— Это ведь вы, Борис Иванович?

— Я.

— Расскажите об этих раскопках. Пожалуйста. — я уселась поудобнее и приготовилась слушать.

Борис Иванович покрутил снимок в руке и наконец заговорил.

— В 93-ем я был всего лишь обычным преподавателем в нашем Вузе. Кафедра антропологии была новой веткой, мне доверили ее устройство. Я окончил наш институт с красным дипломом. И остался на кафедре преподавать историю. Антропология всегда была для меня наукой номер один. Но и история меня занимала. Я защищал кандидатскую по Древнему Египту. Сами понимаете, что для такого труда информацию собирают по кускам. Вот в одном из таких кусков мне и попались сведения о найденных гробницах в 50-х годах двадцатого века, но не доведенных до раскопок. Французам не дали разрешения на эти раскопки в те годы, поэтому все и осталось на стадии предположений. Я же внимательно изучил все материалы, там упоминался Рамсес II и его семейство. Это было крайне удивительно. Не стану рассказывать, как мне удалось уговорить наше начальство дать добро на это дело, да еще и материальную помощь на мое исследование. Благо, у меня был друг в Англии, тоже антрополог, я поделился с ним своими предположениями относительно того, что в том месте могут быть ответы на многие вопросы о Древнем Египте и его фараонах. Только благодаря фонду помощи Британского музея и их участию смогла вообще состояться наша экспедиция. Какое это было время... — Борис Иванович мечтательно прикрыл глаза на мгновение, словно возвращаясь в прошлое. У него на лице было такое блаженство, что я даже в какой-то степени ему позавидовала. — Знаете, мы провели там больше трех месяцев, изучая, раскапывая, сверяя с материалами французов и строя собственные догадки. Но, когда стало ясно, что за мумию мы отыскивали, начался переполох. Это было такое открытие. Векового масштаба. Потрясающее ощущение.

Я улыбнулась. Да, наверное, это действительно невероятно.

— Эта фотография сделана как раз после того, как мы раскопали вход в гробницу. Тут не видно, но прямо за моей спиной был грот, войдя в который открывался такой вид, что дух захватывало. Мы достали саркофаг, он был просто невероятно красивый, весь в драгоценностях, но, конечно, самая большая ценность, была внутри — мумия Хаемуаса.

— Скажите, очень он тяжелый этот саркофаг? — спросила я.

Борис Иванович усмехнулся.

— Вы вроде в историческом музее работаете...

— Да, но вот древние цивилизации никогда не были моей любимой темой. — честно ответила я.

— Зря. Вы многое потеряли. Это весьма занимательно.

— Охотно верю. И все же, тяжело было вытащить саркофаг из гробницы?

— Этим занимались специальные люди. Скажу только, что египтяне всегда славились

тем, что все делали на совесть, а это был очень влиятельный человек. Да, его саркофаг был тяжелым. Вряд ли одному или даже двум мужчинам удалось бы с ним справиться.

— Понятно. А что было дальше?

— После разбирательств с представителями Египта мы отвезли мумию и статую, найденную здесь же, в Британский музей. Тогда мы только могли догадываться, кто лежит в саркофаге. Требовались подтверждения. Мне и моим английским коллегам пришлось изрядно потрудиться, в итоге мы установили, что наша мумия-это четвертый сын Рамсеса II.

— А почему Хаемуаса не оставили в Британском институте?

— Вклад с нашей стороны был признан комиссией более существенным, нежели их собственный. Так что после почти года разбирательств, я вернулся домой, а следом за мной доставили и мумию. Она заняла почетное место в нашем музее на антропологическом этаже. И еще никогда в жизни нас не пытались лишить какой-либо ценности. Украденный Принц — это просто какой-то нонсенс. Я ночами не сплю, все думаю, кто мог совершить такое бесчинство. Это просто неслыханная наглость, вот что я вам скажу.

Борис Иванович замолчал. Молчала и я, да и что тут было говорить. Я узнала, что Ритин муж действительно участвовал в раскопках. Что он и был организатором всего этого великого события. Я видела, что Борис Иванович действительно переживает из-за пропажи такой ценности. Но я так же понимала, что его волнует не стоимость мумии, а то, что исчезло единственное, чем он мог гордиться в своей такой серой жизни. Это так явно читалось на его лице, что мне стало его ужасно жалко. Хаемуас был последней ниточкой, связывающей того активиста-антрополога, верящего в силу разумного, с нынешним стариком в очках и с хлипкой бородкой, сидящим напротив меня. Я поспешно поднялась.

— Что ж, спасибо вам за содержательную беседу.

— Вы уходите? — он словно выплыл из тумана.

— Да, мне уже пора. Скоро начнется экскурсия в музей.

Он вдруг улыбнулся. И стал даже вполне симпатичным. Я почему-то подумала, что в молодости он, наверное, был очень даже ничего. Да и сейчас он еще совсем не старый. Мне стало его жаль.

— Хотите оставить снимок себе? — предложила я, глядя, как его руки нерешительно теребят ксерокопию из газеты.

— Был бы вам очень признателен.

Я кивнула и пошла к выходу.

— До свидания.

— Всего вам доброго.

Выйдя на улицу, я едва не поскользнулась на первых же ступеньках. Гололед явно мечтал, чтобы госпожа Брусникина перестала водить экскурсии и загремела в травматологию. Я с этим была крайне не согласна, поэтому стала очень осторожно двигаться, направляясь к остановке. Нужно было проехать всего ничего, летом я вполне могла бы пройти это расстояние пешком. Но только не в такую погоду. Заскочив в автобус, я плюхнулась на сидение. И снова мысленно вернулась к рассказу Бориса Ивановича. Самый важный факт- саркофаг весит прилично и одному с ним не справиться. Каким же образом удалось вывезти мумию из музея, практически не издавая шума? Я ведь была там. Все было более, чем тихо. Шаги, которые я слышала, не в счет, да и если честно, я сама уже начала сомневаться, слышала ли я их в действительности.

После обеда меня ждала еще одна экскурсия, провела я ее успешно и с чистой совестью

пошла выпить чаю в подсобку. Тут меня и настиг звонок мобильного.

— Кира, что ты делаешь завтра вечером? — мама обычно мне таких вопросов не задает. И голос у нее чуть ли не лилейный.

Я насторожилась.

— Пока ничего, а в чем дело?

На миг мамуля замолчала, а потом скороговоркой произнесла:

— У моей хорошей подруги есть сын, замечательный мальчик, такой умный, образованный, симпатичный, на машине ...

— Мама!

— Дорогуша, если тебе плевать на свое будущее, то мне нет. Тебе двадцать семь, ты не молодеешь, твои подружки уже все замуж повыходили, детьми обзавелись...

— И совсем даже не все. — попыталась я возражать. — Вот Ритка, например, она...

— Уже дважды была замужем твоя Ритка! Вот я и говорю. Тебе надо пойти на свидание с Андрюшей, он замечательный мальчик.

— Мам, ты так о нем говоришь, словно он в детский сад ходит. — буркнула я, пытаюсь придумать хоть какую-то отмазку.

— Ничего не желаю слышать. — отрезала родительница. — Хотя бы ради нас с отцом, сходи разок погуляй с ним.

— Могу пригласить его на экскурсию в наш музей.

— Кира, не зли меня, пожалуйста. Я дала ему твой телефон и адрес.

— Ма, я живу у Риты пока что.

— До сих пор?! У тебя что нет собственного дома? — возмутилась снова мамочка. — А может эта твоя Рита решила сменить пол и тебя втягивает в свои развратные замыслы?

— Мама, что ты несешь! — я расхохоталась. — Ритка — лесбиянка. Ну ты как скажешь!

— А что, в наше время, да после двух неудачных браков, я уже ничему не удивлюсь. Она не может удержать мужчину возле себя, вот они ее и бросают. Значит, с ней что-то не так.

Дальше спорить было бесполезно. Я лишь покачала головой, держа трубку подальше от уха, чтобы мамины излияния не слишком били по барабанным перепонкам. Вот оно последствие Даниного визита! Ну спасибо тебе, братец! Я скрежетала зубами, но делала это напрасно. Мне стало совершенно очевидно, что отвертеться от дурацкого свидания с мальчиком Андрюшей у меня не было абсолютно никаких шансов.

— Кира, ты что меня не слышишь?

— Конечно, слышу. Ты так кричишь.

— Ну хватит. Пойдешь на свидание с Андрюшей. И оденься поприличнее, чтобы мне за тебя не было стыдно.

— Да мама.

— И прическу сделай.

— Да мама.

— Все, дорогая, целуя тебя. Будь умницей.

— Пока, мам.

Я отключилась и уронила голову на сложенные на столе руки. Очень хотелось броситься с ближайшей крыши. Но я обещала быть умницей.

КИРИЛЛ

Купив бутылку красного вина и букет цветов, я приехал к Насте. После примирения она обычно бывала очень милой, но кто ее знает. Особого восторга от того, что мы все вроде бы прояснили я не заметил. Меня не покидало ощущение, что Макеева мне не доверят. Неприятное это чувство. Я взглянул на часы. Было уже около одиннадцати, но в ее окнах горит свет. Значит, ждала меня. Это радовало.

Едва я успел нажать на звонок, как дверь распахнулась. На пороге стояла Макеева в шортах, майке и накинутой на плечи длинной кофте.

— Привет. — я протянул ей цветы.

— Спасибо. Проходи. — она взяла букет и пустила в прихожую.

Она увернулась, когда я попытался ее поцеловать.

— Понятно. — я стал разуваться.

— Ты так поздно...

— Отчет писал для Махова. И со знакомым встречался, насчет мумии этой разговаривал. Он мне много интересного порассказал, кстати. А у вас что? Нашли свидетелей?

— Глухо. Никто ничего...

Я прошел в кухню, Настя как раз ставила цветы в вазу. Горел яркий свет, я на миг зажмурился. На плите стояла сковорода с жареной картошкой. Настя включила конфорку.

— Ужинать будешь?

— Давай сначала поговорим. — я поставил на стол бутылку вина.

Макеева достала два бокала из шкафчика и штопор. Села на соседний стул, смотрела, как я открываю вино. Разлив его по бокалам, я протянул один ей. Она взяла, сделала глоток и стала вертеть бокал в руках.

— Последнее время мы мало времени проводим вместе.

— Ты заметил? Странно. — отозвалась Макеева, подняв на меня глаза.

— Насть, ну перестань злиться.

— Я перестану, когда ты перестанешь глупостями заниматься и на чужих диванах ночи проводить.

Я вздохнул.

— Ну ты опять? Я же тебе объяснил. И у меня ничего нет с этой Брусникиной. Она потерпевшая, я следователь-все. Ну переставай ревновать, тем более, что ни одного повода я тебе не давал.

Настя молчала. Потом поднялась и встала у окна со сложенными на груди руками.

— Ладно, Кирилл, я тоже не хочу ссориться. Просто прошу, на будущее, рассказывай лучше мне все сразу, чтобы вот таких ситуаций не возникало.

Я поднял руку.

— Торжественно клянусь. — я подошел к ней и поцеловал.

Настя обняла меня, и мы стояли так какое-то время. Я даже подумал, что все совсем как раньше.

— Кормить будешь?

Настя усмехнулась и стала разогревать ужин. Мир был восстановлен, с чем я себя мысленно и поздравил. Спустя какое-то время мы мирно жевали и допивали вино, когда Настя предложила:

— Давно с тобой нигде не были.

— С нашей работой я вообще удивляюсь, что у нас есть время на личную жизнь. — со

смехом заметил я.

Настя кивнула в знак согласия.

— Тут недавно бар один открылся, в центре, неплохое местечко говорят.

— Дискотека? Ты знаешь, я их терпеть не могу.

— Не дискотека, а бар. С хорошей живой музыкой, с нормальным контингентом. Может сходим, а?

— Ну ты правда этого хочешь? — я смотрел на Макееву с улыбкой.

— Правда.

— Хорошо. Давай как-нибудь сходим.

Настя порывисто меня обняла, усевшись на колени.

— Чего тянуть, прямо завтра и пойдем. — решительно заявила она.

— Может в другой день? — попробовал я отвертеться. — Завтра работы будет куча, Махов может припахать...

— Соболев, ты мне обещал.

Я вздохнул, поняв, что спорить нет смысла.

— Ну хорошо. Завтра значит завтра.

— Спасибо. — Настя меня поцеловала и, улыбаясь, потянула за руку, в другую комнату. Посмеиваясь, я последовал за ней.

КИРА

Балкон у Ритки в квартире был очень классный. Большое окно выходило на проспект, открывая вид ночного непривычно тихого города. Кресло-качалка из ротанга стояла рядом с небольшим столиком-здесь-то я устроилась с ноутбуком и одеялом, с чашкой чая в руках. Мне совсем не спалось. И я забрела на балкон, даже не подозревая, что здесь так здорово. А потом уже притащила плед, компьютер, чай, как раз и кот проснулся, пошел за мной, устроился рядом. И осталась только тишина. Я в который раз взглянула на пейзаж за стеклом. Сегодня снова пошел снег, хлопья падали на асфальт, погружая мир в белоснежную негу. Вид из окна был потрясающий. Я сидела с чашкой, дула на горячий напиток и пар бил мне в лицо. На часах 3:09. Но я совсем не чувствовала желания опустить голову на подушку. Мне казалось, что я предпочла бы общение с каким-нибудь хорошим человеком, с которым можно было бы не думать о плохом и просто смеяться, говоря «А помнишь...?»

Конечно, я уже успела полазить в интернете, снова и снова читая историю Хаемуаса и в который раз безуспешно пытаюсь понять, кто мог так нагло украсть его останки. Ответа не было, я напрасно напрягала уставшие мозги. Мысли мои плавно перетекали от истории сына фараона к своей собственной жизни. И были они какими-то совсем невеселыми.

Жизнь моя казалась мне ужасно однообразной. Я даже умудрилась подумать, что когда встречалась с Антоном, то все было у меня почти прекрасно. Конечно, это был всего лишь самообман сознания, которое уже адаптировалось к тому, что поток эндорфинов прекратился, но воспоминания об этом были еще достаточно живы, чтобы считать тот период времени удачным. Сейчас я бы сказала, что состояние влюбленности было у меня очень сильным. Но я была убеждена, что это «та, самая большая любовь», о которой слагают легенды и которой посвящают стихи и песни. Какая глупость, однако. Теперь, по прошествии времени, я поняла, что у нас с Антоном не было никакой любви. Ну вот совсем. Я сама себе все придумала, сама же в это и поверила. Будучи девушкой впечатлительной,

мне не сложно было это сделать. Когда первые порывы влюбленности прошли, когда начал выветриваться этот любовный дурман, мы оба заскучали. Только я активно пыталась найти еще какие-то точки соприкосновения между нами. Он же был честнее меня. Никогда не думала, что буду благодарна человеку за то, что в свое время он сказал тебе, что не любит. Тогда мне казалось, что жизнь просто закончилась. А когда он говорил, что когда-нибудь я буду счастлива с другим и скажу ему спасибо, мне хотелось рыдать. С тех пор, наверное, так и получается, что у меня любовь всегда эквивалент боли. Иначе и быть не может. И я так сильно боюсь этой самой боли, что бегу от каких-либо отношений сломя голову.

Если честно, я вообще слабо себе представляла, что способна еще хоть кого-то полюбить. Или даже просто вступить в отношения. Я не видела в этом никакой необходимости. Я настолько привыкла быть одна, что уже даже не знала, смогу ли когда-то жить по-другому. Я более чем комфортно чувствовала себя наедине с самой собой. Да и чужое счастье казалось мне вполне естественным, и я всегда готова была его разделить. Только раз оно меня сильно задело. Когда я узнала, что Антон женится и что у него будет ребенок. Сперва я думала, что я ревную, потому что еще не все чувства прошли. Глупость. Просто мне было обидно, что у него жизнь продолжается, что он счастлив, а у меня все словно бы на нем и закончилось. То есть, я, конечно, жива, но ведь до сих пор ни с кем не встречаюсь. Тут я подумала о том, что Рита бы на мои мысли покрутила пальцем у виска и дала бы мне пару советов, которые точно не пришлись бы по душе моему изолированному разуму. Кажется, я превратилась в социопата. Думаю, дело просто в том, что ночь, а мне не спится, и я сижу одна, пялясь в окно. К тому же Новый год на носу. Семейный праздник. Все дома с родными и близкими. А мне совсем не хочется тащиться в новогоднюю ночь к родителям. Я мечтала отправиться в жаркие дали, лежать на песочке и смотреть на море. На закаты, на рассветы, снова на закаты... Просто, наверное, в моем возрасте уже положено было иметь свою собственную семью, вот мне и не по себе. Биология берет свое. Я усмехнулась. Да при чем тут биология. Просто ужасное чувство тоски и одиночества сегодня решило найти выход. И нашло-у меня бессонница и в голове куча дурацких мыслей.

Я тряхнула взлохмаченной головой и вернулась к светящемуся монитору. Фотография статуи Хаемуаса смотрела на меня с экрана.

— Кому-то ты так понадобился, что они даже пошли на убийство. — мой голос странно звучал в ночной тишине. — Сколько же ты стоишь, дружок, вот это было бы интересно узнать.

Конечно, я подозревала, что сумма огромная. И все же, знать наверняка-это совсем другое. Шесть нулей это более, чем круто. Ужасно интересно было бы узнать, кто покупатель. Но как на него выйти, если у меня нет ни малейшей зацепки. Может у полиции есть идеи? Должны же они как-то искать похитителя. И того, кто прострелил руку Соболеву.

Капитан Соболев... Мысли мои снова поползли в другом направлении.

Каков этот мужик, однако. Признаться, честно, в тот день, когда он меня закрыл собой, я увидела его совсем в ином свете. Думаю, что чисто по-человечески он был хорошим. И отличным ментом, если, не задумываясь, бросился спасать даму, которой он, мягко скажем, не слишком симпатичен.

Хотя я вынуждена была признать, что тут тоже произошли некоторые изменения. Когда страх, что Кирилл Сергеевич считает меня подозреваемой немного улегся, я взглянула на капитана другими глазами. И нашла его вполне даже и симпатичным, и мужественным, и смелым. И у него были очень необычные и красивые глаза. Так, стоп. Я посоветовала себе не

увлекаться. И поспешила напомнить, что прекрасный служитель закона совсем не одинок. И что лейтенант Макеева очень даже симпатичная девушка. А главное, она не трясется, как я, от каждого шороха. И ее не нужно спасать. И фото с ней стоит в рамке на столе у капитана. А это о многом говорит. Соболев не свободен, а к тем мужчинам, которые заняты, у меня особое отношение-я их как бы вообще не вижу. Они воспринимаются мною лишь как друзья. И не более. Однажды я уже умудрилась вклиниться в незавершенную грустную историю и потом долго расхлебывала собственную кашу. В общем, я в который раз поздравила себя с тем, что выбрала неправильного мужика. То есть, Соболев мне совсем даже и не нравился, просто с ним было так...Я попыталась подобрать слово и растерянно умолкла. Мысленно, разумеется. Внутренние диалоги с самой собой были моим любимым занятием, хотя я и не была уверена, что врач-психиатр отнес бы меня к категории норма.

— Что бы сделала на моем месте Рита? — вслух спросила я сама у себя. Для порядка даже посмотрела в сторону спящего кота-вдруг ответит. Тот лишь повел ушами, но головы от лап не поднял. Я поняла, что ответа ждать не откуда. И призадумалась.

— Рита бы нашла себе нового мужика. — спустя пару минут продолжила я диалог с собственной головой. — Да где ж их взять-то, мужиков этих. — я вздохнула.

Может стоит познакомиться с кем-нибудь в интернете. Тут же я отсекала эту мысль, как непригодную. Подружки все замужние, Ритка за тридевять земель, компания Дани слишком близко общается с Антоном и его женой. Да и мелковаты друзья брата для меня, если честно. После долгих колебаний выход я нашла только один — надо соглашаться на предложение любимой мамули. Она уже давно пытается устроить мне парочку свиданий с сыновьями своих подружек, авось этот Андрюша и окажется стоящим. Вероятность, конечно, мала, но все же это лучше, чем сидеть и думать, почему капитан Соболев так легко остался на ночь в незнакомой квартире наедине со мной, в то время как сам состоит в отношениях с Анастасией. Потом воспаленный бессонницей мозг вдруг подкинул воспоминание о том, как Кирилл Сергеевич разгуливал по дому в одеяле, и как мне не понравилось, что он интересуется Риткой.

— Все, дорогуша, пора тебе спать. Такие мысли до добра не доведут. — я лихо скинула плед на кресло, выключила ноутбук и поднялась. Кот нехотя открыл глаза, потянулся и поплелся за мной в гостиную. Я подхватила его на руки, забираясь в кровать, и уже через пару минут мои мысли окончательно меня покинули. Я крепко спала.

КИРИЛЛ

Денек выдался не хлебный. Сидели в отделе вместе с Настей и Сашкой, зарывшись в бумажную работу. Даже полковник ни разу не зашел шею намылить. Скучотища, одним словом. Я то и дело перечитывал показания свидетелей в день кражи в музее, и на следующий день, когда Киру Юрьевну ударили по голове. Потом возвращался к рассказу моего старого друга про мумию принца Хаемуаса. Настя с Сашей периодически перебрасывались парой слов — они дружно строчили отчеты для полковника о вчерашнем опросе свидетелей.

— Ну хоть бы ограбили что ли кого, так же и зачехнуть не долго. — в какой-то момент проговорил Ковалев, вздыхая.

Я хоть и показал ему кулак, но растянул губы в улыбке. Как же его мысли были схожи сейчас с моими.

— А я вот вообще не понимаю, ну кому понадобилась эта мумия? Столько времени лежала себе, никого не трогала, так нет же, одни отрыли, другие привезли в наш институт, народу показывать. Да кому они интересны. — разразился я, в итоге, пламенной речью. Наболело.

— Кирилл, ты не прав. Мумия-это достояние нашей страны. Гордится нужно, что она именно у нас хранится. И грустить, что кто-то посмел посягнуть на святое. — дурашливо произнесла Настя, за что в нее шутливо полетел скомканный листок с моего стола.

— Кидаться предметами опасно, можно загреметь на пару суток. — добавила моя прекрасная дама уже более сурово и погрозила мне пальцем.

Мы дружно рассмеялись. Всем явно не сиделось сегодня в нашем душном пошарпанном кабинете.

Тут дверь распахнулась и вошел Иван Петрович наш криминалист.

— Здорово, как служба идет?

— Я бы сказал проходит. — заявил Ковалев, — мимо.

Мы снова засмеялись.

— Весело у вас, я погляжу. — Иван Петрович сел за стол для допросов, выложив какую-то справку.

— Что у тебя там, Петрович? — я приблизился к нему.

— Плещи, Сергеич, ствол ваш нашелся. Номерок на нем местный.

Ковалев даже вскочил со своего места.

— Вот она, настоящая работа.

— Не спеши, Саня. — осадил я его. И вновь повернулся к криминалисту. — Рассказывай, Петрович.

— Значит так, ствол древний, как мир, выдан был по всем нормам лет пятнадцать назад с небольшим. Из нашего региона, кстати. Нигде не засвечен. Думаю, что из него стреляли вообще впервые.

— Как так? — удивилась Настя, подавшись вперед вместе со стулом.

— Вот так. Был выдан некоему Синицкому Борису Ивановичу, пятидесяти трех лет

отроду, жителю нашего города, ранее не привлекавшемуся.

— Синицкий — знакомая фамилия. — Ковалев задумался. — Мне кажется, я ее где-то встречал совсем недавно.

— Спасибо тебе, Петрович. — сказал он, возвращаясь за свой компьютер. — А то мы тут совсем без настоящего дела с ума сходим.

— Ты только Махову этого не говори. — усмехнулся Петрович. — Кир, ну что там насчет пива, в силе?

— Само собой. Вон и Сашку прихватим. — мы рассмеялись.

— Так может прямо сегодня? У меня как раз время свободное есть. — Предложил Иван Петрович.

Я уже с радостью собрался кивнуть, но тут мне на плечо легла Настина ладонь, и я понял, что зря радуюсь.

— Иван Петрович, только не сегодня. Он уже мне обещал.

Криминалист кивнул, пряча улыбку.

— Понимаю. Тогда в другой раз. — он направился к двери, махнув Ковалеву на прощание.

— Обязательно. — я смотрел, как за ним закрывается дверь и лишь вздохнул. Мужской вечер приходилось отменять в угоду личной жизни. Раз обещал — нужно выполнять.

Тут к нам повернулся Сашка.

— Нашел я этого Синицкого Бориса Ивановича. Вот. Он работает на кафедре в медицинском институте.

— Есть на него что-нибудь?

— Ничего. Чист, как младенец.

— Странно. — я подошел к столу Ковалева и заглянул через его плечо в монитор. На экране был отчет о допросе всех, кто работает в институте. Информации о Синицком было немного, личные данные, прописка, годы работы и должность в институте...

— Постойте-ка...

— Что?

— Верни на предыдущую страницу.

Ковалев выполнил мою просьбу. А я победно ткнул пальцем в нужную графу.

— Был женат на Лапиной Маргарите Николаевне. — прочел Ковалев и недоумевая посмотрел мне в глаза. — И что?

— Лапина-это та, за кого себя выдавала изначально Брусникина.

— А при чем здесь Синицкий? — продолжал недоумевать Сашка.

Кажется, Настя сообразила раньше.

— Ты думаешь, что напасть хотели на Лапину, а Брусникина просто оказалась не в то время, не в том месте?

— Что-то в этом роде... Только странно, если Синицкий решил убить бывшую жену, как мог спутать ее с Брусникиной?

-Согласна, бред какой-то получается.

Мы замолчали, осмысливая открывшиеся факты. Наконец, мне это надоело.

— Так, давайте в институт. Узнайте там все про этого Синицкого. Главное, в каких отношениях он с бывшей супругой.

— А его допрашивать не будем? — удивился Ковалев.

— Давай сперва узнаем мнение о нем других людей. Никуда он не денется. Я за ним

слежку установлю. На случай, если вдруг все же надумает бежать.

Когда они уехали, я задумался. Ситуация мне виделась весьма странной. Я никак не мог понять, зачем убивать Лапину. А если предположить, что убить хотели все же не ее, а Брусникину, то как привязать сюда похищение мумии? Ведь с нее все началось. Побродив по кабинету из угла в угол, поплевав в потолок и погадав на кофейной гуще, я решил, что информацию стоит проверить из первых рук. Точнее уст. То есть, собирался позвонить Брусникиной и задать ей парочку вопросов. Я уже взялся было за телефон, когда вспомнил реакцию Анастасии на мой якобы повышенный интерес к этой гражданке. Трубка оказалась на столе и, вертя ее от нечего делать, я пытался придумать что-нибудь дельное, чтобы и информацию получить, и Настю не обидеть.

В конце концов мне это показалось совсем уж глупым. Я взрослый человек, мент со стажем, веду серьезное дело и готов идти на поводу у Настинной ревности. Я решительно набрал номер Брусникиной и стал слушать гудки. Она не торопилась отвечать, я взглянул на часы. Ух ты, девятый час. Рабочий день давно закончился, а я все еще здесь. А ведь надо еще заехать домой перед свиданием.

— Алло, — услышал я, наконец, запыхавшийся голос на другом конце. Интересно, чем таким она была занята.

— Здравствуйте, Кира Юрьевна. Капитан Соболев беспокоит.

Она с мгновение помолчала, потом ответила:

— Здравствуйте. Что-то случилось?

— Почему вы так подумали?

— Когда звонит полиция — что в этом может быть хорошего?

— Резонно. — я рассмеялся. — Кира Юрьевна, скажите, а что вы делаете сегодня вечером?

— Простите, что?

Тут до меня дошла двусмысленность моего вопроса, и я поспешил пояснить:

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов, желательно при личной встрече. Вы могли бы приехать в отделение?

— Сейчас? — мне показалось, что она испугалась.

— Если это возможно, конечно.

— Нет, — после паузы, наконец, произнесла она. — У меня заболел младший брат, нужно за ним присматривать, делать компрессы...Сами понимаете, он у меня такой... неприспособленный.

У меня возникло ощущение, что она выкручивается. Неужели так боится снова приехать к нам в отдел. Глупость какая-то.

— Я приеду завтра, хорошо?

— Конечно. До свидания, Кира Юрьевна.

— До свидания.

Я отключился и поднялся, направляясь к выходу.

Что ж, завтра так завтра.

КИРА

Я сидела в Риткиной гостиной и вертела в руках мобильный. И иногда вздыхала. Пять минут назад я закончила разговор с капитаном Соболевым, внизу меня ждал сын маминой

подруги, а я все никак не выходила. Я была хорошо одета, волосы были идеально выпрямлены, а на лице сияла косметика. Но мне совсем не хотелось идти. То есть еще десять минут назад я охотно надевала сапоги, а теперь в них же и сидела посреди гостиной.

Вздохи сожаления относились к тому факту, что мне пришлось соврать Соболеву. Ну не могла же я сказать следователю, вызывающему на беседу, что не могу прийти из-за того, что у меня назначено свидание. Вот и пришлось выкручиваться быстро и как-то нелепо. Больных младших братьев у меня, разумеется, не было. Просто Кирилл Сергеевич застал меня расплех своим звонком. Вот я и ляпнула первое, что в голову пришло.

Взглянув на дисплей, я вскочила. Уже половина девятого, наверное, этому Андрюше надоело ждать. Я выглянула в окно. Неприметный опель продолжал стоять возле подъезда. Что ж, надо идти. Кивнув своему отражению в прихожей, я взяла сумочку и вышла из квартиры.

Стоит отдать должное маме, на этот раз парень оказался вполне симпатичным. Андрюша вышел встречать меня к подъезду, усадил в машину, даже подал мне руку. Мило улыбался, был прилично одет, от него пахло туалетной водой. Я при всем желании не смогла бы найти в нем хоть что-то отрицательное. И хоть я всю дорогу пыталась поддерживать беседу, мысли мои были где-то в районе Соболевского отделения полиции.

— Куда мы едем? — наконец, спустя время пришло мне в голову спросить.

— Открылось новое местечко, друзья посоветовали, бар с живой музыкой и караоке. Говорят, там очень даже неплохо. — услышала я в ответ.

Значит, Андрюша хотел произвести хорошее впечатление. Я почему-то решила, что мы потащимся в кино. И ошиблась. Возможно, вечер действительно будет приятным. Я улыбнулась своему спутнику как можно радостнее.

Место мне понравилось. Небольшой, очень уютный зал, приглушенный полумрак, по кругу столики с подсветкой, сбоку бар, в левом углу сцена с микрофоном. И в центре всего этого танцпол для желающих подвигаться. Я такого желания точно не испытывала. Да и вообще не помню, когда я в последний раз танцевала. Мы приехали около десяти, как раз началась живая музыка. Девушка пела совсем неплохо, столик мы выбрали в центре, чтобы было все видно.

— Что будем пить? — спросил Андрюша, когда мы, наконец, уселись и появился официант с меню.

— Мм... Даже не знаю... — я открыла карту вин и растерянно ее изучала.

— Может быть, шампанского?

— Отлично.

Пока Андрюша заказывал, я вертела головой по сторонам. Да, местечко обещает быть модным. Для культурного отдыха и тех, кто не любит слишком шумные вечеринки.

— Как тебе тут? — спросил меня мой новый друг.

Я улыбнулась.

— Хорошее место. Мне нравится.

— Здесь можно еще петь в караоке после двенадцати. Ты любишь караоке?

— Если честно, то не очень. Голоса нет.

— У меня тоже. Поэтому я обычно слушаю.

Я снова улыбнулась. Беседа как-то не слишком клеилась. Надеюсь, алкоголь исправит дело. В конце концов, это мое первое свидание за очень долгое время. Тут и бармен подоспел. Откупорил бутылку, разлил шампанское в бокалы.

— Приятного вечера. — пожелал он и удалился.

Андрюша поднял свой бокал.

— Ну за знакомство?

— Ага. — мы выпили.

— У девушки красивый голос, правда? — мне показалось странным слышать такое из уст парня, но я поспешно кивнула.

Я продолжала глазеть по сторонам, когда Андрюша уже успел налить по второму бокалу и протянул один мне. Мелькнула смешная мысль, что он пытается меня напоить, но я ее проигнорировала. Мы чокнулись. Я перевела взгляд на вход, делая большой глоток шампанского. И тут же поперхнулась, и закашлялась, и поспешила спрятаться в тень. Но тщетно. В бар вошел капитан Соболев с лейтенантом Макеевой. Что они здесь забыли. Мне и в голову не приходило, что такие люди, как Соболев тусуются по модным барам. Впрочем, нужно признать, что выглядели они сегодня более чем обычно, никто бы и не догадался, что это служители закона. Анастасия была в платье, с распущенными волосами. Соболев в джинсах и рубашке навыпуск. Учитывая тот факт, что мы с Андрюшей сидели в центре, вероятность того, что они пройдут и нас не заметят, равнялась нулю. Так и было. Стоило мне повернуть голову в их сторону, как я тут же наткнулась на удивленный взгляд Соболева. А потом он усмехнулся и сказал что-то Насте на ухо. Она перевела взгляд в мою сторону и почему-то поджала губы. Понятия не имею что означал этот жест, да я особо и не задумывалась, потому что ощутила нервное покалывание в конечностях почти сразу, стоило капитану встретиться со мной глазами. Это выбило меня немного из равновесия. Я лихорадочно подбирала слова, ожидая приближения незваных гостей к нашему столику, но, к моему удивлению, они прошли мимо. Даже не поздоровавшись. Я решила, что это просто невежливо, да кому было интересно мое мнение.

— Это твои знакомые? — донесся словно из далека голос Андрюши.

Я уставилась на него туповатым взглядом. Совсем забыла, что он здесь.

— В каком-то смысле. — я подняла свой бокал. — Может выпьем?

— С радостью. — не понравилось мне, как Андрюша на меня смотрел-будто подозревал, что я тайная алкоголичка.

Мы снова чокнулись, я в очередной раз стала пить холодный напиток. Проерзав на стуле еще минут десять, услышала пиликанье мобильного. Андрей поднялся, держа в руках трубку.

— Я отойду на минутку, это по работе.

— Конечно.

Он пошел к выходу, а я постаралась расслабиться и не думать о том, что сбоку от меня сидят Соболев и Макеева. В итоге своих стараний я так заслушалась музыкой, что не заметила, как за моей спиной возник знакомый силуэт.

— Здравствуйте, Кира Юрьевна. — я повернулась и смогла совсем рядом лицезреть капитана собственной персоной. Он был один. Анастасии в зале я не наблюдала, возможно она вышла в дамскую комнату.

— Добрый вечер. — я не знала, как поднять на него глаза, поэтому рассматривала пуговицы на его рубашке. — Не знала, что вы, что такие как вы...

— Тоже любят отдыхать? — подсказал он мне.

— Именно.

— Бывает и такое.

Кирилл Сергеевич кивнул на пустой стул рядом со мной.

— А это ваш брат, надо полагать? Тот, который болен. Больно взрослый, правда... — с усмешкой заметил Соболев, имея в виду разумеется Андрюшу.

А мне хотелось сквозь землю провалиться от стыда. За последнее время он уже дважды уличал меня во лжи. Впрочем, я вообще редко вру, если на то пошло. И не стоило начинать. Не мое это. Один раз приврала и вот что из этого вышло.

— Нет, это мой друг Андрей.

Тут к нам и мой спутник вернулся.

— Кирюш, все в порядке? — наверное, ему показалось странным, что незнакомый мужчина увивается рядом с его дамой, вот он и решил намекнуть на то, что я с ним ласковым обращением.

Я кивнула, и указала на капитана. Тот с интересом разглядывал моего нового друга, и я поспешно поднялась, желая исправить ситуацию.

— Знакомьтесь, это капитан Соболев, он занимается кражей мумии в нашем музее. А это Андрей.

Мужчины кивнули друг другу, Соболев даже рук из карманов не достал, а Андрюша демонстративно сел ближе ко мне.

— И как давно вы знакомы с Кирой Юрьевной? — этот вопрос мне показался неуместным, но, кажется, Соболев так совсем не считал.

— Достаточно. А вы?

— О, мы давние знакомцы. Практически, не разлей вода, верно? — Соболев обращался ко мне, но смотрел в глаза Андрею.

Мне стало не по себе от этого взгляда. Тут рядом с нами вдруг возникла лейтенант Макеева. Обняла Соболева за талию и спросила лилейным голосом:

— Все в порядке, Кирюш?

Тот кивнул, а я едва сдержала смешок. Мне впервые пришло в голову, что у нас с капитаном оказывается одинаковые имена. Это было забавно. Я взглянула на Анастасию. Ее поведение так четко говорило о том, что она недовольна присутствием своего мужчины у нашего столика, что Соболев поспешил ее увести и простился с нами.

— Что ж, приятного вечера, Кира Юрьевна.

— Спасибо.

— Завтра жду вас у себя.

— Я приду. Обещаю.

Он ушел, а я плюхнулась на стул и залпом допила свое шампанское. Как оказалось, Соболев умел выбить почву из-под ног.

Следующие полчаса я усиленно болтала с Андрюшей, хихикала, как полная дурочка, в общем, делала вид, что абсолютно счастлива. С чего бы я стала заниматься такой ерундой? Благодаря выпитому шампанскому и лейтенанту Макеевой. Не знаю, то ли я ей так не нравилась, то ли ее злило, что Соболев один раз ночевал со мной в одной квартире, да еще и подошел поздороваться, но она определенно сегодня решила дать понять мне, да и всем вокруг, что Кирилл Сергеевич ее мужчина. Болтая с Андрюшей, я то и дело возвращалась взглядом к их столику. Они тоже пили шампанское, Настя всю прижималась к капитану, даже пару раз открыто поцеловала его в шею, что мне совсем не понравилось. Я не понимала, как такая развязная женщина может служить на серьезной службе. И как она может нравиться капитану. Пару раз я замечала и взгляд Соболева, направленный в нашу сторону. Но не могла понять, что такого в этом взгляде. Пик Настиного нахальства достиг

предела, когда она вытаскала Кирилла Сергеевича на танцпол. Там уже было несколько танцующих пар. По-прежнему в микрофон пела та же девушка, что и вначале. Мне нравились кавер-версии знаменитых песен в ее исполнении. И совсем не нравилось смотреть на то, как эта парочка крутится посреди зала под эти самые песни. Допив очередной бокал, я повернулась к своему новому другу.

— Андрей, а пригласи меня танцевать.

— С радостью. — он подал мне руку, и я поднялась.

Тут зазвучала старая песня, которая раньше мне очень нравилась. Я ощутила руку Андрюши на своей талии, и посоветовала себе расслабиться. В конце концов, мы просто отдыхаем, они просто отдыхают. Я слегка повернула голову в сторону и снова встретилась глазами с Соболевым. Мне показалось, что он как-то странно смотрит на моего спутника и я поспешила улыбнуться Андрюше. А потом снова перевела взгляд на соседнюю парочку. Соболев с такой силой сжимал в объятьях свою Анастасию, словно боялся, что она сбежит. Только вот его дама не видела, что смотрит он при этом на меня.

Я попыталась слушать музыку и сосредоточиться на Андрюше. Положила голову ему на грудь, обняла за плечи и даже прикрыла глаза, чтобы Соболев видел, что у меня все так же классно, как и у них. Музыка тем временем продолжала звучать. И знакомые слова отбивались у меня в голове, словно бы на зло. Когда девушка запела второй куплет, я уже так прижималась к Андрюше, что мне казалось это просто не приличным. Впрочем, он был совсем не против, улыбался мне периодически, гладил по спине, я отвечала тем же. И все смотрела, как Настя обнимает капитана, как снова целует в шею, шепчет что-то на ухо. А он нежно гладит ее по волосам, рукам, и продолжает смотреть в мою сторону. Мое терпение не было безграничным, а вот он явно отличался выносливостью. В конце устав от этих игр, я потянула своего друга за столик. Выждав еще минут десять, взглянула на него с улыбкой.

— Мне кажется, здесь становится как-то многолюдно. Может поедем отсюда?

— Мы можем поехать в какое-нибудь кафе, где потише? — предложил Андрюша. — Или можем поехать ко мне. Или к тебе.

Я сперва обалдела от такой наглости. Но потом скользнув взглядом по спине Соболева, вновь улыбнулась и решительно заявила:

— Мы поедем ко мне.

Я не видела злого огня во взгляде Соболева, которым он проводил меня и моего спутника к выходу. Оказавшись на улице, я вдохнула морозный воздух и плотнее укуталась в пальто. Снег валил хлопьями, трещал под ногами, и я успела озябнуть, пока шла до машины. По дороге Андрюша был особенно разговорчив или это просто я почти все время молчала, вот ему и приходилось отдуваться за двоих. Я то и дело возвращалась мысленно к Насте и Кириллу Сергеевичу, пыталась представить, что они сейчас делают. С фантазией у меня было очень даже неплохо, так что настроение и без того паршивое, я себе умудрилась испортить окончательно.

Наконец, машина остановилась у моего подъезда. Я повернулась к новому знакомому и растянула губы в улыбке.

— Андрей, я бы пригласила тебя на чашку кофе, но только не сегодня. Ужасно устала.

Он вполне понимающе кивнул.

— Может как-нибудь еще увидимся?

— Конечно. Спасибо за приятный вечер. — я поспешила выйти из машины, чтобы ему не пришла в голову дурацкая идея лезть ко мне с прощальными поцелуями. Сегодня я была

не готова к таким поворотам. Помахав рукой на прощание, я вошла в подъезд и поднялась на третий этаж.

Квартира встретила меня тишиной. Кот лениво вышел в прихожую встречать хозяйку. Сладко потянулся и уставился на меня своими карими глазами.

— Осуждаешь? Ну не могла же я приглашать в гости к Ритке всех, кого ни попадя. Да и нет у меня желания продолжать этот дурацкий спектакль и делать вид, что мне весело.

Кот внимательно слушал. Потом повел ушами и мяукнул.

— Рада, что ты со мной согласен. — я взяла его на руки, уткнулась носом в мягкую шерсть и пошла на кухню.

Поставила чайник, сделала себе чаю. Интересно, что сейчас делает Соболев?

КИРИЛЛ

После бара мы поехали к Макеевой. Она почему-то весь вечер вела себя более, чем странно. Думаю, ее бесил тот факт, что я поздоровался с Брусникиной. Настя прямо-таки ужом извивалась, демонстрируя наши отношения. Мне это было не очень лестно. Я чувствовал себя нелепо, словно на арене цирка. Как дурак. Но Насте нравилось. Она даже вытащила меня танцевать, хотя знает, что я этого не люблю.

— Соболев, ты меня слушаешь? — донесся до меня ее голос из другой комнаты. Она исчезла там минут двадцать назад и просила не входить. Вот я и сидел на кухне на диване.

— Что ты сказала? Прости, задумался.

Настя возникла в проеме, упершись руками в обе стены.

— Я сказала, что приготовила тебе сюрприз. — она покружилась вокруг своей оси, демонстрируя весьма откровенный наряд. — Помнишь, ты сказал, что тебе нравится эта идея. Я купила специально для тебя.

Я улыбнулся. Да, ей очень шло. Она была очень сексуальна в этом костюмчике.

— Классно.

Настя подошла ко мне и уселась на колени.

— Надеюсь, ты не слишком устал. — она обняла меня за шею и поцеловала.

Я отвечал на поцелуи чисто механически, а сам все пытался представить, куда могла поехать Кира Юрьевна с этим Андреем. Она сегодня была очень хорошенькая в новом платье и с другой прической, и ее друг это явно заметил. Да и сложно было не заметить. Меня злил тот факт, что она соврала мне насчет большого брата, чтобы пойти на свидание с этим. Выходило, что оно было для нее очень важно, раз она меня обманула. Вот уж был ей, наверное, сюрприз, когда она нас увидела. Мне даже стало смешно, когда я вспомнил, как она прятала глаза, стоило мне оказаться рядом с их столиком. Такая забавная девушка. Но бесконечно милая.

— Кирилл, ну, о чем можно думать в такой момент?! — возмущенный голос Насти вернул меня к реальности.

Я понял, что сделал очередную глупость за вечер. Настя всегда чувствует, когда что-то не так.

— Прости, я действительно очень устал.

— Ты не устал, Соболев, ты постоянно где-то в другом месте. О чем ты все время думаешь? Я же знаю, я чувствую, что ты сейчас не здесь!

Мне нечего было сказать. Я попытался ее обнять, но она разомкнула объятия и

поднялась.

— Если ты намерен и дальше молчать, то лучше тебе уйти. — и она указала мне на дверь.

— Насть, ну прости, правда я просто очень устаю в последнее время, дел по горло...

— Соболев, я работаю с тобой в одном отделе, можешь мне не рассказывать. Я твои сказки слушать не стану. Уходи.

— Обещаю исправиться. — я взял ее за руку. — Иди ко мне.

Наконец, она позволила увлечь себя и снова меня поцеловала. Мы оказались в ее комнате, на диване, где все мне было так хорошо знакомо. Шторы. Цветы в вазе, наше фото на тумбочке возле лампы. Как давно это было. Тут я вспомнил о другой фотографии, в своем кабинете. И мысли мои снова потекли в ином направлении. Зачем Кира брала ее в руки? И куда все же они поехали с этим Андреем? Может в другой бар? А может она пригласила его к себе. Нет, эту мысль я отмел почти сразу. Если это их первое свидание, то вряд ли она станет приглашать его в гости. Не такая она девушка. С другой стороны, откуда мне знать, может они давно знакомы. Впрочем, нет, что-то подсказывало, что это не так, и что Кире не слишком нравился человек, с которым она была в баре. Но она обманула меня ради свидания с ним. Может она далеко не так безобидна, как кажется на первый взгляд.

— Соболев, ты совсем обнаглел! — Настя вскочила с дивана, как ошпаренная.

— Что случилось?

— Ты мне лучше объясни! О чем ты все время думаешь? Или о ком?

— Настя, у тебя паранойя. Что ты несешь?

— Ты думаешь о ней, да? Я весь вечер это чувствую!

— Насть, о ком о ней? Я же здесь, с тобой...

— Это ничего не значит. — она подобрала с пола мои вещи и швырнула их мне. — Уходи, Кирилл, пока мы окончательно не разругались.

Я понял, что спорить было бесполезно. Настя действительно очень хорошо меня знала и чувствовала, когда что-то не так. Но я даже самому себе не мог бы объяснить, что происходит. Что уж говорить о ней. Я оделся и пошел в прихожую.

— Надеюсь, завтра ты успокоишься и все будет хорошо.

— Это зависит только от тебя.

Я открыл дверь и вышел из подъезда.

Постоял какое-то время, разглядывая снег под ногами. И подумал, что я полный идиот, раз испортил такой хороший вечер из-за сущей ерунды. Подумаешь, Брусникина променяла допрос в милиции на свидание в баре с мужиком, вот тоже мне удивительное событие. Да почти сто процентов человек поступило бы так же. Только эти сто процентов меня не волновали, а вот Брусникина... То есть, не волновала, а я просто беспокоился за ее безопасность. После нападения она так и ходит без охраны. А тут какие-то новые друзья. Да еще мужского пола. А она хрупкая девушка и защитить ее совсем некому. Тут я поспешил напомнить себе, что эта беззащитная девица огрела меня по голове так, что чуть очухался. Я усмехнулся. М-да, иногда она может быть непредсказуемой.

Домой совсем не хотелось. Я шел вдоль проспекта, наблюдая редких прохожих и слушая шум машин, шуршащих по снегу. Хлопья падали с неба, но холодно не было. Подумав о времени, я достал мобильный и взглянул на дисплей. Половина первого. Интересно, чем занимается сейчас Кира Юрьевна. Может стоит позвонить, спросить... О чем спросить. Соболев, ночь на дворе. Нормальные люди уже давно спят. Или не только спят. Да нет, не

могла она пригласить этого Андрея к себе.

Я решительно стал набирать номер. Но передумал. И написал смс.

— «Вы дома? У вас все в порядке?» — отправил и тут же пожалел об этом. Но едва я успел сказать себе пару ласковых, как пришел ответ от Брусникиной.

— «Дома. Все хорошо.»

Я усмехнулся. Ну вот и поговорили. Тут снова раздался сигнал об смс.

— «А вы?»

— «Гуляю» — написал я ответ.

Подождал пару минут. Ответа не было. Наконец получил очередное смс. Вместо слов два вопросительных знака. Поколебавшись с минуту, я набрал номер Брусникиной и стал ждать. Она ответила почти сразу, буквально со второго гудка.

— Кира Юрьевна, я вас не разбудил?

— Я не сплю. Что это вам вздумалось гулять по ночам? — услышал я ее удивленный голос.

— Домой не тянет. А вы почему не спите?

Она с мгновение помолчала.

— Не хочется.

Наступила тишина, я усиленно пытался найти слова для продолжения разговора и тут она спросила:

— Кирилл Сергеевич, а о чем вы хотели со мной поговорить завтра? Что-то важное?

— Думаю, да. Появились новые обстоятельства, собирался задать вам парочку вопросов.

— Ну так спрашивайте, зачем ждать утра?

Я усмехнулся. Действительно, не за чем. И, наконец, решился.

— Кира Юрьевна, если вы все равно не спите, может я приеду, и мы поговорим? Не придется завтра ехать в отдел.

Она молчала. Я понимал, как выглядит мое предложение, но очень надеялся, что она мне не откажет.

— Хорошо. Я все там же, где и раньше.

— В квартире у Маргариты?

— Да.

— Буду через полчаса.

КИРА

Он приехал не через полчаса, как обещал, а даже раньше. Я успела только привести в порядок свою прическу и переодеться во что-то более подходящее. Раздумывая над странным звонком Соболева, я стала мерять шагами Риткину квартиру. Кот недоумевая поглядывал в мою сторону, явно сомневаясь в моей адекватности. Я была с ним солидарна. Как мне пришло в голову согласиться, чтобы он приезжал. И как мог он предложить такое. Я вообще думала, что он сейчас крепко спит в объятиях Макеевой. А он бродит по улицам. Может поругался с Настей и ему не с кем поговорить?

Я остановилась в прихожей и взглянула на себя в зеркало.

— Ой, а что это мы так забегали?

Лицо бледноватое, глаза блестят, как будто я прилично выпила. Косметику я уже всю смыла. Хотела сперва заново накраситься, но решила, что в этом нет необходимости. Соболев уже видел меня спросонья и в пижаме. Чего мне опасаться.

Пока гадала, прошло минут двадцать и раздался звонок домофона. Если честно, то беря в руки трубку, я была уверена, что кто-то просто ошибся номером квартиры. Но руки почему-то задрожали, стоило мне услышать его голос. Я поспешно нажала кнопку «Открыть» и повесила трубку. Но сделала это неловко, и она повисла на шнуре. Усмехнувшись собственной панике, я приладила ее на место.

Услышав шаги возле двери, я открыла замок. На пороге стоял капитан весь в снегу. От него веяло холодом, но он широко улыбнулся.

— Еще раз здравствуйте, Кира Юрьевна.

— Здравствуйте. Проходите.

Он вошел в прихожую, и я заперла за ним дверь.

— Раздевайтесь, а я пока чайник поставлю. Вы, наверное, ужасно замерзли.

— Есть немного.

Я пошла на кухню, включила чайник, из холодильника появились бутерброды и банка оливок. Достала чашки, одну едва не уронив. И попыталась успокоиться, сделав пару глубоких вдохов. Но шорох в прихожей не давал мне полностью расслабиться. Наконец, рядом со мной возник Кирилл Сергеевич. В огромной Риткиной кухне мне все равно было тесно рядом с ним. Он казался таким большим, сильным, а я маленькой и беззащитной. В сущности, так оно и было. Соболев уселся за стол, но не нагло, а как-то сбоку, стал перебирать подставку для тарелок, что лежала на столе. На меня смотрел изредка, все больше озирался по сторонам, словно был тут впервые. Я стояла спиной к нему, ожидая, когда вскипит чайник. Никогда не думала, что это такой долгий процесс.

— Когда приезжает ваша подруга? — наконец нарушил Кирилл Сергеевич тягостное молчание.

— На следующей неделе обещала. Но она вполне может еще передумать. — тут же ответила я.

Снова наступило молчание. Как раз и чайник вскипел, за что я возблагодарила небеса, потому что могла вполне объяснимо отвернуться от ночного гостя. Я разлила воду в чашки,

одну поставила перед женщиной, с другой села сама. Потом вспомнила про бутерброды, вскочила, схватила тарелку и поставила ее перед Соболевым.

— Ешьте, пожалуйста, Кирилл Сергеевич.

— Спасибо. — он к ним даже не притронулся, все глядел себе в чашку.

— Не спасибо, а ешьте, — стала я настаивать, сама не знаю, зачем.

Он взял в руки один, но не ел, так и продолжал сидеть: в одной руке бутерброд, в другой чашка с горячим чаем. Наконец, он поднял глаза, и мы встретились взглядом. Я в который раз удивилась свойству его глаз менять свой оттенок. Сейчас они были ярко-голубые. О чем думал Соболев я понятия не имела.

— Вы говорили, что нашли что-то важное... — начала я, отводя глаза, и делая глоток чая. — Ой, сахар забыла.

Я снова вскочила.

— Вам надо сахар?

— Две ложки, если можно.

Я поставила перед ним сахарницу, дала ему ложку и снова села напротив. Наконец, Соболев прожевал один бутерброд, запил чаем и, кажется, готов был говорить.

— Я думаю, это важно. Скажите, Кира Юрьевна, вы знакомы с неким Борисом Синецким?

Я удивленно подняла брови.

— С Борисом Иванычем? Знакома.

— А откуда вы его знаете?

— Это Риткин первый бывший муж.

— Простите, первый?

— Она сейчас развелась еще с одним. А с Борисом Иванычем они давно уже в разводе.

— Ясно, — Соболев сделал большой глоток чая.

— Если честно, то с Борисом Иванычем лично я познакомилась совсем недавно. Не слышала о нем от подруги и раньше.

— Как недавно вы познакомились?

— На этой неделе. А почему вы спрашиваете? — мне стало не по себе.

— Давайте сперва я выясню все, что необходимо, а потом уже дам вам ответы на все ваши вопросы, хорошо?

Я согласно кивнула.

— Итак, вы познакомились с Синецким до того, как вас ударили по голове или после?

— После.

— При каких обстоятельствах?

— Мне нужно было кое-что у него спросить, и Рита устроила нам встречу.

— Спросили?

— Да, он был более, чем откровенен со мной. Мы беседовали совсем недолго. Я приезжала к нему на кафедру в институт.

— О чем вы говорили?

Тут я на миг замолчала, гадая, могу ли посвятить Соболева в то, что сама пытаюсь капаться в деле о пропавшей мумии.

— Кира Юрьевна, я хочу, чтобы вы мне доверяли.

— Я вам доверяю, — ответила я, наконец решившись. — Борис Иваныч рассказывал мне про раскопки и мумию.

— Вы о пропавшей мумии говорите?

— Да.

— А при чем тут Синицкий?

Я удивилась, что в полиции не знают подробностей дела, но потом сообразила, что может они просто идут иным путем. Они же не ученые.

— Я лучше вам покажу. — я пошла в комнату и принесла ноутбук. В нем сохранилась фотография статьи, которую я прочла в библиотеке.

— Вот в этой статье рассказывается о находке. В 1993 году была найдена мумия Хаемуаса в Египте, видите внизу снимок? — я указала пальцем. — Сверху третий. Это Борис Иванович.

Соболев недоверчиво уставился в монитор.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Он был одним из тех людей, благодаря которым Хаемуас вообще попал к нам в музей. Он антрополог по своей сути, хоть и преподает историю на кафедре уже больше двенадцати лет.

— Значит, он о вас узнал совсем недавно.

— Да, когда я приехала поговорить о пропаже.

— Кира Юрьевна, а зачем вам это понадобилось?

Тут уж я заерзала, но сказала правду.

— Кирилл Сергеевич, вы меня конечно, извините, но полиция совсем не расторопна в таких вопросах. А меня эта история касается лично. И я как заинтересованное лицо решила...

— Вы решили, что сможете сами найти украденную мумию?! — наверное лучше бы гром грянул, чем Соболев еще раз повторил свой вопрос таким тоном.

— Ну, в общем да.

— Вы что совсем спятили? — он даже стукнул кулаком по столу.

Чашки подпрыгнули и зазвенели в тишине.

— Вас уже били по голове, в вас стреляли, а вы затеваете собственное расследование!

— Не все так страшно. — попыталась я его успокоить. — И я купила газовый баллончик...

— Нет, вы точно чокнутая! А если бы я сегодня не приехал, а если бы вас убили где-нибудь в подворотне? Вы что совсем не понимаете, что происходит?

— Да перестаньте вы меня отчитывать, как маленькую. — разозлилась я, наконец.

— А вы ведите себя как взрослый адекватный человек, тогда я и буду относиться к вам также.

— Ладно, пусть я сглупила, затеяла опасное расследование, но ведь кто-то же должен это сделать. — зашла я с другой стороны.

Мне показалось, что Соболев сейчас от злости пятнами пойдет.

— Кира Юрьевна, в полиции не идиоты работают. Я лично занимаюсь вашей мумией, но куда больше меня заботит, что в вас стреляли. Или вы забыли?

— Нет.

— Тогда почему вы так неблагоприятно себя ведете? Ведь это может быть опасно, вы понимаете?

Я опустила голову и стала разглядывать салфетку.

— Понимаю.

— Да ни черта вы не понимаете! — снова взорвался капитан. — Если вас убьют, это будет на совести моего отдела. Погоны слетят у всех, кто к этому причастен. А с вами мы уже встретимся только на столе у патологоанатома!

Я вздрогнула. Об этом я как-то мало задумывалась.

— Так. Вижу, что мои слова вы слышали.

— Да. Простите меня. Больше без вашего ведома никуда, обещаю.

— Хорошо. А теперь рассказывайте, что еще успели узнать.

— Совсем немного. Я лишь изучила историю Хаемуаса. Это очень интересно. И Борис Иванович мне прояснил некоторые факты. В частности, что саркофаг с мумией очень тяжелый, и что в одиночку с ним справиться невозможно. Из чего делаем вывод- похитителей было как минимум двое. Но как им удалось вывезти мумию из зала, чтобы я не услышала ничего, кроме шагов, понятия не имею. Эту загадку я пока не разгадала. Вот и все, что мне известно. Думаю, историческая значимость Хаемуаса полицию вряд ли заинтересует. Хотя могу сказать, что стоимость этих костей исчисляется на рынке ценностей цифрами с шестизначными нулями.

— Серьезно?

— Абсолютно. Просто не все об этом знают. Это ведь сын одного из Фараонов. Очень богатый был человек. А в саркофаге полно драгоценностей, да он сам по себе уже драгоценность и тоже стоит денег.

— Ничего себе. Я этого не знал.

— Вот как-то так.

Я замолчала, глядя на то, как Соболев пытается переварить информацию о стоимости Хаемуаса. Людям, далеким от мира антропологии и истории, вообще сложно представить, что возможно отдавать такие деньги за столь необычные вещи.

— Итак, я вам все рассказала. Теперь ваша очередь, капитан.

— Что ж, это честно. — Кирилл Сергеевич улыбнулся. — Помните я нашел пистолет, из которого в вас стреляли?

— Конечно.

— Так вот, он зарегистрирован на Синицкого Бориса Ивановича.

— Вы шутите? — я застыла на стуле.

— Какие уж тут шутки. Оружие у него уже много лет, оно официально зарегистрировано, имеет свой номер, я вообще не понимаю, зачем понадобилось стрелять из него. Ведь идиоту понятно, что его в два счета вычислят.

Я замотала головой.

— Нет, это какая-то ошибка. Я не верю, что Борис Иванович стрелял в меня.

— Баллистика говорит об обратном.

— Это какая-то ерунда. Он познакомился со мной всего пару дней назад. Как он мог стрелять в меня, зачем?

— Давайте зайдем с другой стороны. — предложил Соболев. — Какие отношения у Синицкого с его бывшей супругой?

— С Риткой? А она здесь причем? — я широко открыла глаза, пытаюсь понять ход мыслей капитана.

— Возможно, очень даже при чем. Ответьте на мой вопрос, Кира Юрьевна.

— Хорошо. У них сложные отношения, они постоянно соревнуются. Борис Иванович не может простить Ритке того, что она без него успешная и уважаемая в институте дама, а он

как был простым преподавателем, так им и остался. Короче, они ненавидят друг друга, если быть точной. У Борис Иваныча давно новая жена, но даже она знает, что он терпеть не может Риту. Впрочем, это взаимно.

— Интересная картинка получается. — как-то странно протянул Соболев.

— Какая именно?

— Кира Юрьевна, а напомниме, зачем Рита попросила вас притворяться ею какое-то время?

— Чтобы получить место нового руководителя в институте. На него же претендует и Борис Иваныч, из-за этого-то вся путаница и произошла. Рита ненавидит экскурсии, но прекрасно разбирается в других вопросах института, а Синицкий заявил, что она не может управлять таким заведением, если ничего о нем не знает. Вот меня и попросили помочь. А поскольку Риту в музее никто никогда не видел, а на пропуске нет фотографии, то все приняли меня за нее. К тому же я была в ее одежде и все так вот неплохо начиналось.

— А еще вы живете в ее квартире, вы забыли об этом.

— Да при чем здесь Рита, вы можете толком объяснить? Я уже в конец запуталась.

— Я тоже никак не мог связать все это воедино, пока вы не показали мне статью и не рассказали о том, что Синицкий был организатором экспедиции в Египет.

— А теперь что же?

— Смотрите сами. Синицкий так ничего и не добился в жизни, судя по вашему рассказу. А Маргарита наоборот. У них вечная вражда. Добавьте сюда материальное неблагополучие Синицкого. Тут он вспоминает, что в саркофаге с мумией спрятано целое состояние....

— Пойдите, ведь он ученый, вы не понимаете...

— Возможно, раньше, ваш Борис Иваныч и был идеалистом, но время прошло, а кушать хочется всегда. Вот он и решает украсть мумию, продать ее и жить в свое удовольствие. Но как это сделать? И тут появляется эта вакансия. А на нее претендует ненавистная бывшая жена. И Синицкий решает убить двух зайцев. Подставить Риту и украсть Хаемуаса, чтобы получить деньги.

— И как же он это проделывает? — Соболев как будто сказку сочинял, но слушать было интересно.

— Предположим, он нанимает людей, чтобы те помогли ему похитить мумию. Происходит похищение в день, когда в музее только Маргарита. Так все думают. Мумия похищена, начальство никогда не доверит вашей подруге новую должность.

— Ерунда, они все равно ее ценят и готовы дать ей эту должность.

— Вот именно! Именно поэтому дальше возникает идея ликвидировать Риту окончательно.

— Убить что ли?

— Ну да.

— Вы с ума сошли!

— Да вы послушайте. Никто не знает, что Рита — это вы. Думаю, что Борис Иванович нанял кого-то, чтобы убрать Лапину. Вы получаете по голове, но остаетесь живы.

— Бред....

— А дальше уже просто. Вы ненужный свидетель не доведенного до конца преступления. Думаю, что Синицкий дал свой пистолет наемному убийце и тот стрелял в вас. Ведь вы живете в квартире вашей подруги. Но на удачу, рядом оказываюсь я, преследую

преступника, и он роняет оружие. А может выбросил его случайно. Вы остаетесь живы. И тут открывается правда. Что вы никакая не Рита, а Кира, и что оружие попало в полицию. Думаю, что, когда вы появились у Синицкого, он изрядно забеспокоился. К тому же вы пришли узнать про мумию. Кому, как не ему, знать о ее истинной ценности. Ну как вам моя картина произошедшего?

— Складно, но не правдоподобно. Я не вижу ни одной причины для того, чтобы Борис Иванович захотел избавиться от Риты. Он разумный человек, он предан своему делу, он...

— Из его пистолета мне прострелили руку, Кира Юрьевна, и одно это уже делает его подозреваемым номер один, — перебил меня Соболев.

Я замолчала, вспомнив лицо Синицкого при нашем знакомстве. Он действительно нервничал, но мало ли по каким причинам. И он ненавидит Риту, это факт. Но убить... Нет, и это мне совсем не верилось.

— А если кто-то просто решил подставить Борис Ивановича? — пришла в голову мне гениальная мысль.

— Почему вы так думаете?

— Да потому что, будь я на месте убийцы и задумай преступление, я бы непременно подумала о том, чтобы свалить вину на кого-нибудь другого.

Брови капитана поползли вверх.

— Ну что вы так смотрите. Это вполне логично. Как мог Борис Иванович дать свой пистолет, чтобы избавиться от Риты, а потом спокойно продолжать вести лекции для студентов? Да он бы рухнул в обморок при одном только моем появлении.

— А как, кстати, он вел себя при вашей с ним встрече?

— Обычно. Немного нервничал, это правда, но ведь разговор был о важном предмете, о такой находке, даже я немного волновалась.

— А что если вы выдаете настоящую панику за исторический нервоз несостоявшегося ученого?

Я призадумалась.

— Нет, я думаю все же, что вы ошиблись, и что Борис Иванович тут совершенно не при чем.

Но убедить мне не удалось ни Соболева, ни, если уж честно, даже себя. Очень уж мне не хотелось верить во все это, но ненависть к моей подруге и наличие пистолета говорили сами за себя. В душу мне закралось сомнение, а с ним, как известно, бороться сложно.

— Хорошо, если вы подозреваете Борис Ивановича, арестуйте его.

— Я установил за ним наблюдение. Маловато пока доказательств, чтобы арестовывать. Максимум что мы можем — это задержать его на сорок восемь часов до выяснения всех обстоятельств. Но как бы не спугнуть того, кто стрелял в вас на самом деле.

— То есть вы не думаете, что Синицкий сделал это сам?

— Думаю, что тот, за кем я гнался в этом подъезде, был значительно моложе, чем бывший муж вашей подруги.

— Неужели он действительно решил избавиться от нее... Это просто уму не постижимо. Он показался мне человеком весьма своеобразным, но разумным. А разумные люди не совершают таких глупых поступков.

— Кто вам это сказал? — усмехнулся Кирилл Сергеевич.

— А разве вы со мной не согласны?

— Нет. За время моей работы в органах, я видел столько рассудительных, зрелых людей,

уважаемых членов общества, которых простые эмоции заставляли идти на преступление, что теперь я просто не способен с вами согласиться.

— А как же вера?

— Что?

— Ну вы что же действительно верите, что человек уже почти на пенсии решится на такое?

— Кира Юрьевна, при чем здесь вера? Я верю фактам, а они, как известно, вещь упрямая.

— Я делаю вывод, что вы совсем не верите людям.

— А вы им чересчур доверяете. Думаю, что они не раз еще докажут вам, что делать этого не стоит.

Я посмотрела на Соболева со странной гаммой чувств. В каком-то смысле он был прав. Я слишком доверяю людям, а они пользуются моей добротой и втягивают меня во всякие дурацкие истории. И я всегда пытаюсь найти в людях хорошее, ровно до тех пор, пока они сами не покажут мне все свои плохие стороны. Интересно, какие негативные качества имеются у вас, господин капитан.

— Кстати, о доверии. Вы уверены в своей подруге?

У меня, наверное, даже лицо вытянулось от удивления.

— Что простите?

— Вы доверяете вашей Маргарите на сто процентов?

— Кирилл Сергеевич, я даже себе не доверяю на сто процентов! — возмутилась я.

— Хорошо, спрошу иначе. Вы уверены, что ваша подруга не заодно со своим бывшим супругом?

— Вы точно спятили. — я резко поднялась и стала мыть чашки, просто чтобы не видеть его лица. Шум воды меня успокаивал, а механические движения губкой придавали какой-то упорядоченности моему миру, в который ворвался Соболев со своими дурацкими подозрениями.

— Я хочу только убедиться, Кира Юрьевна, что вы осознаете всю серьезность ситуации.

— Я осознаю. И я знаю Риту. Она бы никогда не причинила мне вреда.

— Даже если бы на кону стояли большие деньги?

— Да мы с ней с детства знаем друг друга! Мы выросли в одном дворе, как вы можете хотя бы думать о том, чтобы она так со мной поступила!

— Просто очень удачно все сложилось для нее, если это только совпадение, конечно. Вы получили по голове, в вас стреляли, вас подозревали в связи с похитителем мумии... а она отдыхает где-то за границей.

— У нее конференция...

— Какая? В каком городе?

Я выключила воду и повернулась к нему лицом. Наверное, я выглядела весьма растерянной.

— Не знаю. Но она постоянно мне звонит, и по скайпу мы разговаривали. И она дала мне номера телефонов гостиницы, в которой остановилась. По ней можно установить город, если вам очень хочется.

Соболев покачал головой.

— Кира Юрьевна, эмоции всегда мешают делу. И я вынужден проверять все факты, кажущиеся мне странными. И подвергать сомнению слова каждого, кого мне приходится

допрашивать. Иначе в моем деле нельзя. Поймите меня правильно.

Я вздохнула. Он, как всегда, был прав.

— Я найду вам номера, чтобы вы могли убедиться. Ритка хорошая, поверьте мне.

— Я вам верю. Но долг обязывает.

Я пошла в гостиную и стала рыться в бумажках. Где-то здесь на стикере я записала все телефоны Риткиной гостиницы. Я огляделась. Живу в ее квартире. Иногда ношу ее вещи. Называлась ее именем. Я была в ее одежде и с ее пропуском. Меня били по голове. Я шла к ней домой. В меня стреляли. Может Соболев в чем-то прав, и избавиться хотели от Риты.. Или Ритка сама все это задумала? Я со всей силы ударила подушку, что лежала на диване. Нет! Я никогда в это не поверю. Рита моя подруга. Мы выросли вместе. Она не причинит мне зла. Просто Соболев действительно должен рассмотреть все варианты. Это его работа. Но не моя. Моя обязанность защитить Риткино доброе имя. Она хорошая подруга. Пусть иногда безбашенная, но верная. На нее можно положиться. И я никому не позволю говорить о ней плохо. И как мне только могло прийти в голову, что она способна подставить меня. Не способна и точка. На этом я свой аутотренинг закончила. Как раз и листочек с номерами нашелся.

Я вернулась на кухню к Соболеву.

— Вот, можете сами ей позвонить. — я положила стикер перед ним на стол и села напротив.

Он усмехнулся.

— Не надо на меня злиться. Это моя работа вот и все.

Я поневоле растянула губы в усмешке.

— Это я уже поняла.

Тут я заметила, что мой ноутбук снова открыт и что Соболев, кажется, что-то в нем искал, пока меня не было.

— Что вы там делали?

— У вас открыт файл про мумию.

— Да, я собрала всю информацию, которая есть об этом в музейном архиве и в интернете.

— Расскажите мне. — вдруг попросил Кирилл Сергеевич, чем окончательно сбил меня с толку.

— Зачем вам это? Вы ведь не историк...

— Ее стоимость поразила меня до глубины души.

— Видно очень глубоко, раз вы решились спросить об этом. — мы рассмеялись.

Тут взгляд мой упал на настенные часы.

— Ого, уже почти четыре утра.

Соболев очень удивился.

— Никогда бы не подумал. — он вдруг поднялся. — Вам, наверное, спать пора, а я тут со своими расспросами. Вы извините за поздний визит.

Я тоже встала и пошла проводить его в прихожую.

— Да я и сама не заметила, как время пролетело. Но утром у меня экскурсия в музей, надо поспать хотя бы пару часов.

— А я часто не сплю по ночам. Работа такая.

— Сочувствую.

— Не стоит. Я уже привык. — он закрутил шарф на шее и повернулся ко мне.

Почему-то мне снова стало тесно в большой Риткиной прихожей.

— Еще раз простите за поздний визит.

— Спасибо, что рассказали мне про Борис Иваныча.

— Кира Юрьевна, пообещайте мне, что будете осторожны. И никаких самостоятельных действий не предпримите.

Я с миг покусала губы и, наконец, кивнула.

— Обещаю.

— Вот и славно. До свидания.

Он уже был возле лифта, когда я выскочила за ним на лестничную клетку.

— Кирилл Сергеевич!

Он недоуменно обернулся.

— Да?

— Вы приходите завтра ко мне в музей. Часика в два-три. Я вам все покажу и расскажу про Хаемуаса. История лучше воспринимается в нужной обстановке.

Он улыбнулся мне и кивнул.

— Спасибо, я с удовольствием. Хотя, признаюсь честно, терпеть не могу музеи.

— Не вы первый, не вы последний.

— Надеюсь. Всего доброго. — он не стал ждать лифт, а лихо сбежал вниз по ступенькам.

Только услышав, как за ним захлопнулась подъездная дверь, я закрыла свою.

Я проснулась от того, что мне показалось будто поворачивается ключ в замке. Сегодня спала на диване в гостиной и оттуда было слышно все, что происходит в прихожей. Я резко села и разлепила глаза. И тут дверь действительно распахнулась, кто-то пытался втащить через порог что-то тяжелое. И отчаянно чертыхался. Услышав знакомый голос, я от радости едва не свалилась с дивана и бросилась в прихожую.

— Ты вернулась! — я так крепко обняла стоявшую на пороге подругу, что та едва не упала.

— Я тоже рада тебя видеть. Черт подери, колесико в аэропорту сломалось. — Ритка дернула в очередной раз свой огромный чемодан и он, наконец, перекатился через порог и был прислонен к стене.

Подруга закрыла входную дверь, перевела дух и улыбнулась, демонстрируя дорожную шубу.

— Как тебе? — она покрутилась вокруг своей оси, чтобы я могла по достоинству оценить ее обновку.

Я кивнула, потрогав шикарный черный мех.

— Очень красиво.

— Фридрих подарил, даже почти просить не пришлось. — усмехнулась Ритка, раздеваясь и вешая свое приобретение в шкаф.

— Это немец твой что ли?

— Он самый. Кстати, я думаю, что в очень скором времени получу предложение руки и сердца.

Я с сомнением взглянула на ее хитрющую физиономию.

— Ты же только что развелась. Еще даже двух месяцев не прошло.

— И что? Я влюбилась, Фридрих шикарный мужчина, что мешает мне выйти за него замуж?

— Кроме моральных соображений и того факта, что вы знакомы чуть больше двух недель — действительно ничего, — ответила я, идя за подругой в кухню.

Та лишь махнула рукой.

— Не зуди. Давай лучше кофе выпьем, а то я с дороги устала, как собака.

— Сваришь, а я пока умоюсь, идет?

— Валяй.

Когда я вернулась из ванной комнаты на всю квартиру разносился замечательный аромат свежесваренного кофе.

— Мм, какой запах... — потянув носом заметила я.

— Я кое-что вкусненькое привезла тебе.

— Вау, да ты на глазах становишься доброй феей. Раньше вернулась, привезла подарки и вкусности. Пора заводить детей.

Подруга лишь весело фыркнула.

— Какие дети, сдурела? Садись давай, и рассказывай, что тут у нас твориться. А то я себе места не находила, все думала, как ты здесь. Капитанишка этот еще хочет посадить тебя в тюрьму?

Я на миг опустила глаза, стараясь не смотреть на Ритку. Да разве что скроешь от ее прозорливого взгляда.

— Ну чего молчишь, Кир? Рассказывай.

И я начала. Говорила долго, с подробностями, иногда даже самой себе удивляясь, что все эти события происходят в моей такой спокойной жизни.

Рита слушала меня внимательно, и перебила всего пару раз. За что ей отдельное спасибо, потому как терпением моя подружка совсем не обладала. Учитывая, что новые факты касались и ее лично, Рита заерзала.

— Соболев думает, что Борис Иваныч хотел меня убить, чтобы получить должность в институте?

— Скорее, он сделал бы это из мести за все предыдущие годы, что ты ему изрядно подпортила. Но и по этой причине тоже.

— Так почему же они его не арестуют? Если он опасен для меня и для тебя, пусть полиция сделает хоть что-то полезное в этой жизни.

— Успокойся. Кирилл Сергеевич сказал, что пока нету веских улик для его ареста. И максимум, что он может-это арест на сорок восемь часов. А для того, чтобы посадить в тюрьму твоего бывшего нужны доказательства более серьезные. А у нас все только косвенное.

Ритка воззрилась на меня с открытым ртом.

— Ты так выражаешься, что мне даже не по себе. Кирилл Сергеевич то, Кирилл Сергеевич это... Тебе что нравится этот мужик?

— Что ты такое говоришь! — я даже встала из-за стола и стала нарезать круги по кухне. К сожалению, она была недостаточно велика для того, чтобы я избежала Ритинога взгляда в упор.

— Ну понятно. Нравится. — кивнула она сама себе, наблюдая за моими передвижениями.

— Ты глупости говоришь. К тому же, у него есть девушка, Анастасия. Лейтенант полиции, на минуточку.

— И что с того? Девушка не стена — подвинется.

— Рита! — я в шоке уставилась на улыбающуюся физиономию своей подруги. Наглости ей всегда было не занимать.

— Не надо так смотреть. Я вполне серьезно. Если хочешь, мы его уведём у этой Насти в два счета.

Я вздохнула и снова села за стол. Покусала губы, снова вздохнула.

— Не нужно. Я себе давно слово дала, больше никогда не встречать между влюбленными. Ничем хорошим для меня это никогда еще не заканчивалось.

— Если ты так решила, дело твое. Хоть мне и кажется, что тут не совсем все потеряно. Судя по твоему рассказу, конечно. Интересно было бы взглянуть на этого капитана. Не припоминаю в недалеком прошлом, случая, чтобы тебе действительно кто-то нравился.

— Закрыли тему. Соболев ведет расследование, я хочу ему помочь, все. Максимум, что у нас может быть-это дружба.

Сказала, как отрезала. Но именно такое решение я приняла сегодня ночью, когда капитан ушел.

— Как скажешь. Но взглянуть на него мне все равно любопытно.

— Я тебе, кстати, советую это сделать, как можно раньше. Кирилл Сергеевич очень

жаждет задать тебе парочку вопросов.

— Думаешь, мне придется поехать в участок? — Ритка даже скривилась от такой перспективы.

— Думаю, да. Вряд ли допрос можно перенести в кафе. К тому же, Настя ему этого не позволит. — я усмехнулась, глядя как огорчилась моя подруга.

— Терпеть не могу такие места. Там ужасно воняет. И люди такие...неприятные. — протянула Ритка, делая глоток кофе.

— Придется потерпеть. И, кстати, пахнет там вполне нормально. Ну, кроме коридора, конечно.

— Ладно. Поедешь со мной?

— Куда? В участок?

— Да.

— Зачем?

— Я одна не хочу туда ехать.

— Возьми своего немца.

Предложение было встречено весьма красноречиво-Ритка закатила глаза.

— Еще чего. Киричка, ну пожалуйста, ну поехали вместе.

— Рита, спешу тебе напомнить, что я за кое-кого вожу экскурсии в музей и сегодня мне нужно быть на рабочем месте.

Ритка фыркнула.

— Тоже мне отговорку нашла.

— Тем не менее, я должна быть в музее. К тому же... — тут я замолчала на мгновение, но, поймав Риткин недоумевающий взгляд, продолжила: — К тому же, Кирилл Сергеевич должен сегодня прийти на экскурсию.

Рита заулыбалась во весь рот.

— Ну-ну, на экскурсию она его пригласила. Очуметь. Страсти среди медицинских экспонатов — это что-то новенькое.

— Он интересуется историей Хаемуаса. Я обещала все рассказать и показать. Это его работа, он должен быть в курсе.

— Кир, повторяй себе это почаще. Как мантру. Вдруг сработает.

— Ты невыносима. — вынесла я вердикт и стала собирать со стола посуду, чтобы хоть как-то отвлечься.

— Ладно, давай позвоним твоему Соболеву...

— Никакой он не мой!

— Хорошо, позвоним не твоему Соболеву и спросим, когда мне прийти. Может он занят и все такое.

— Давай. Но говорить будешь сама.

— Набирай номер. — кивнула подруга, протягивая мне мой мобильный.

Я нажала на вызов и вернула его ей. Соболев ответил только на четвертый гудок.

— Капитан Соболев? — произнесла Ритка уверенным голосом. — Лапина Маргарита беспокоит.

Я даже подивилась, что с ментом можно разговаривать в таком тоне. У меня бы так никогда не получилось. Я при Кирилле Сергеевиче мямлила и терялась. Ну, на то Ритка и была самой успешной моей подругой- умела с каждым говорить так, чтобы заставить себя слушать. Я с восхищением наблюдала за тем, как она договаривается с капитаном о встрече.

— Ну вот. Он ждет меня в два часа.

Я вскинула голову.

— В два? Отлично. — протянула я, а сама едва не заревела, даже не понимаю от чего. Соболев обещал прийти на экскурсию, у меня как раз в два часа было свободное время. Но стоило появиться Рите и все, про меня он уже забыл. Впрочем, этого и следовало ожидать.

— Ну что, составишь мне компанию? — снова стала упрашивать подруга.

— Если заедешь за мной в музей, и, если я просто буду ждать тебя внизу.

— Обещаю! — Ритка чмокнула меня в щеку и потащила в комнату. — А теперь пошли смотреть покупки. Ты обалдеешь, когда увидишь, сколько всего я накупила.

Я не сомневалась, что так оно и есть и с удовольствием пошла вслед за ней в гостиную.

Время пролетело незаметно. Из-за Риткиных нарядов я едва не опоздала на первую экскурсию. Благо, никто не заметил. На этот раз была группка восьмиклассников, которые с интересом разглядывали органы и кости, даже внимательно меня слушали. Словом, приятно было мне находиться в их компании и отвечать на разные вопросы. Я осталась собой вполне довольна.

В половине второго у меня зазвонил мобильный. В полной уверенности, что это приехала Рита, я взяла трубку, как всегда не глядя.

— Ты уже подъехала? — спросила я, поднимаясь со стула в зале с костями.

— Кира Юрьевна, добрый день. Это капитан Соболев.

Я с размаху села назад на стул, едва не промахнувшись.

— Здравствуйте.

— Звоню сказать, что не смогу сегодня прийти к вам на экскурсию, у меня появились неотложные дела. Ваша подруга, наконец, приехала, и я должен задать ей вопросы, пока она еще куда-нибудь не исчезла.

Я рассмеялась.

— Хорошо. Значит в другой раз.

— Да. Обязательно. До свидания.

Я простилась с Кириллом Сергеевичем. И пошла собираться на встречу с подружкой. Мое настроение определенно улучшилось.

Рита ждала меня в машине на стоянке музея. Плюхнувшись на сидение, я отметила, что в отличие от меня, она не в очень хорошем расположении духа.

— Нервничаю. — ответила она на мой незаданный вопрос.

— Все будет хорошо. Может, тебе еще и понравится.

— Иногда ты так шутишь, что хочется тебя придушить.

Я улыбнулась и поспешно умолкла. И стала смотреть в окно. Рита долго молчать не могла, так что в скором времени я снова слышала ее голос.

— К Фридриху приезжает друг из Москвы. Буквально на пару дней. Какой-то классный богатый мужик. Думаю, что нам стоит сходить всем вместе куда-нибудь.

— Сходите, конечно.

— Дурында, нам с тобой сходить с ними. Познакомишься с приличным человеком, выйдешь в общество.

— Я даже не знаю... Рит, если он богатый, как ты говоришь, я буду очень нервничать. Да мне, если честно, и одеть нечего на такой вечер.

— Платье я тебе одолжу. Ты, главное, соглашайся. Отвлечешься. Нам надо развеять грустные мысли. А то как-то не по себе, как подумаю, что одну из нас кто-то хочет убить. И

сразу такое желание жить появляется. Просто невероятное что-то.

Я улыбнулась. Рита редко выражала эмоции столь открыто. Значит, ей действительно не по себе от всей этой ситуации.

— Ну хорошо. Обещаю сходить с тобой на двойное свидание.

— Отлично.

Мы как раз подъехали к зданию полиции. Пожелав подруге удачи и снабдив ее нужными указаниями, как найти кабинет Соболева, я осталась в одиночестве. Мысли мои блуждали вокруг двойного нападения на мою особу и настроение постепенно стало портиться. Кто-то упорно хотел избавиться либо от меня, как я думаю, либо от Ритки, как думает полиция. Где же этот гад обретается? И чем мы так ему не угодили? А если это и правда Борис Иванович? Я попыталась себе мысленно представить, как этот милый дядечка с бородкой идет за мной по темному коридору зала с костями в подсобку и бьет по голове. Кстати, чем он там меня треснул так и не установили. Ну да ладно. В музее это сделать проще. В смысле, напасть. Но идея, что Борис Иванович подждал меня в подъезде и стрелял казалась мне безумной. Скорее всего прав Соболев, и у нападавшего на меня был напарник. И если это действительно бывший Риткин муж решил ее убрать, то к кому он мог бы обратиться за помощью? Вспомнив, как Соболев бежал по ступенькам вверх за стрелком, я пришла к выводу, что тот должен быть как минимум в хорошей физической форме и явно моложе Бориса Ивановича. В разы, это факт. Не сможет пенсионного возраста человек с такой скоростью передвигаться по лестнице вверх. Да еще и по крыше уйти от преследования. Тут я задумалась. А действительно ли он ушел по крыше? Я понятия не имела, как выглядит крыша в доме у Ритки, но вот с крыши в моем подъезде дорога была только одна-вниз головой в полете. Там не было никаких дополнительных лестниц, интересно, у Риты в доме что-то иначе? Мне пришла в голову безумная мысль проверить это. Но одна я туда идти боялась. У меня был ужасный страх высоты. Впрочем, еще темноты и вообще я дама весьма боязливая. Но тут речь шла о наших с Риткой жизнях. Значит, стоило потерпеть. Надо просто привлечь к этому более смелого персонажа. Таким персонажем как раз и была Рита, но как она отреагирует на перспективу лазить по крышам, я догадывалась.

Рита отсутствовала уже почти час, и я заскучала. Откинулась на спинку кресла в машине и попыталась заснуть. Какое там. Стоило закрыть глаза, как затрещал мобильный. Звонила любимая мамуля и я поспешила ответить.

— Здравствуй, дорогая.

— Привет, мам.

— Я разговаривала вчера с Наташей, она рассказала мне о вашем свидании с Андрюшей.

— Да? — отозвалась я вяло, снова погружаясь в свои мысли.

— Кажется, ты ему понравилась.

— Класс.

— А он тебе?

— Нормальный парень.

— Что значит нормальный? — начала возмущаться мама. — Да он просто отличный вариант для тебя. Не женат, детей нет, занимается бизнесом, есть свое жилье и машина. И явно тебе симпатизирует.

— Мама, ты бежишь впереди паровоза. У нас было всего одно свидание. И, кстати, он больше не звонил. Это о чем говорит?

— О том, что у меня дочь дурочка!

— Мама!

— Так и есть, и нечего тут обижаться. Ты почему сама ему не позвонишь?

— Ну это как-то... — начала я мямлить, и мамуля тут же взяла ситуацию в свои руки.

— Вот. Ты и сама не знаешь, чего тебе надо.

— Я не хочу навязываться. Если я ему понравилась, он сам позвонит. К тому же, еще прошло очень мало времени с нашего свидания.

— Вот именно. Время! У тебя его совсем нет.

— Ты о чем?

— О том, что тебе давно пора выйти замуж и рожать детей.

— Мамааааа! — заныла я, закрыв глаза и стараясь сдержать свой гнев. Это не мать, это какое-то торнадо. Не остановишь.

— Да-да, именно так. И если ты сама не хочешь взять свою судьбу в руки, мне придется это сделать за тебя.

— Что ты хочешь сказать? — я насторожилась.

— Устроим ужин, пригласим Наташу и ее сына к нам домой. Данилу с Яночкой позовем....

Я как представила себе этот чудесный ужин в родительском доме, так у меня сразу заболели все зубы. Лучше пусть в меня еще раз стреляют, чем сидеть в подобном обществе и строить хорошую мину. Я такого точно не выдержу и взорвусь. Наговорю кучу гадостей матери, Дане и его прекрасной половине, да и Андрюше заодно достанется. И что это за имя такое-Андрюша. Как будто ему пять лет. Но я вынуждена была признать, оно уже так плотно к нему прилепилось, что даже про себя я называла его Андрюшей. Я стала быстро искать выход из ситуации, чтобы не дать мамуле устроить этот ужасный пир на весь мир.

— Ма, я не хотела тебе говорить. Пока еще рано, конечно, но у меня есть мужчина поинтересней твоего Андрюши.

— Вариант получше? — сомнение в мамином голосе явно бесило. Она вообще считала, что самостоятельно завести отношения я не в состоянии. Ужасно хотелось ее в этом переубедить, пусть я и знала, что все ее подозрения на мой счет небезосновательны.

— Ну что за привычка называть мужчин вариантами? Я же не сапоги себе покупаю. — разозлилась я. Это действительно очень раздражало.

— Не придирайся к словам. Лучше рассказывай про другого мужчину.

— С ним меня познакомила Ритка. Она приехала с новым женихом, он немец и очень успешный бизнесмен....

— Папа против фашистов в нашем доме, ты прекрасно об этом знаешь!

— Дай договорить, мама! — я схватилась за голову. Как же трудно быть дочерью матери с таким характером.

— Хорошо, я молчу.

— Так вот, к этому жениху приехал друг из Москвы, тоже бизнесмен. Вот с ним я и познакомилась.

— Вы встречаетесь?

— Пока нет, но такую возможность я не исключаю. — я охотно сочиняла, спустив свою фантазию с поводка. — Он симпатичный, богатый, не женат. Короче, куда лучше, чем твой Андрюша.

Мама с мгновение помолчала.

— Ладно. Надеюсь, что он существует, и ты мне не врешь.

— Ну сколько можно, мам!

— Я тебя знаю. Ты вполне способна выдумать мужчину, лишь бы в реальности не ходить на свидания.

— Ага, фэнтэзи вообще мой любимый жанр!

— Прекрати строить из себя самую умную. В общем так, ты встречайся, конечно, с этим приедем, но ужин с Андрюшей и Яночкой я все равно устрою. К тому же скоро рождество.

— Католическое, вообще-то! — напомнила я, но вряд ли была услышана.

— Не имеет значения.

Действительно, какая разница, что мы православные.

— Решено, двадцать пятого устраиваем званый ужин. Ты можешь привести своего нового друга.

— А как же Андрюша?

Мамуля рассмеялась.

— Ничего, пускай немножко поревнует.

Я кивнула, поняв, какую кашу заварил.

— Ладно, мам, мне идти надо. Пока.

— Пока.

Я отключила телефон и вздохнула. Иногда мне казалось, что моя мама просто обязана была быть родительницей Ритки-так они были похожи. Особенно в том, что касалось моих взаимоотношений с мужчинами. Каждая из них всегда знала, как будет лучше для меня. Только обе все время забывали, что у меня могут быть свои желания. И если Рита еще иногда могла придержать коней, услышав от меня разумные доводы, то с мамулей спорить было просто бесполезно. Она мать и ей виднее. Все. На этом разговор обычно и заканчивался. Или еще лучше-будут свои дети, поймешь какого это. В этом месте я обычно сразу затыкалась и вынуждена была со всем согласиться.

Тут мои невеселые мысли были нарушены возвратившейся подругой. Она с шумом уселась на сиденье, пошарила в бардачке, достала оттуда пачку сигарет. Затянувшись и пустив пару клубов дыма, наконец выдохнула и повернулась ко мне.

— Ты же бросила, — заметила я, кивнув на сигарету в ее руке.

— Мне это просто необходимо. Они там в отделе все как набросились на бедную несчастную девушку...

— Это ты-то бедная и несчастная? — я рассмеялась.

— Конечно же, я! — возмутилась Ритка. — Между прочим, этот черт Соболев считает, что это я с бывшим решила тебя подставить и бабла заработать. И убить тебя мы вместе придумали, как тебе идея?

Я вздохнула.

— Он знает, что это не так. Но вынужден проверить все версии. Это его работа.

— Именно так он мне и сказал, когда я начала возмущаться и послала его с такими идеями к чертовой бабушке.

— Ты послала Кирилла Сергеевича? — я даже рот открыла. Лихо.

— Ну а что мне оставалось, я была очень зла. Случайно вырвалось.

— Вот это да. Ты супер, Ритка, жаль меня там не было.

— Дурочка. Он меня за оскорбление сотрудника при исполнении мог на пятнадцать суток посадить.

— Это он тебе так сказал?

— Лейтенант Макеева. Не женщина, а цепной пес какой-то. Так на меня смотрела, что я почти начала ерзать. Где ты нашла эту компашку? Они там все чокнутые.

— Они меня сами нашли. — я улыбнулась, положив руку Ритке на плечо. — Ну а чем все закончилось?

— Подпиской о невыезде и советами больше никогда не хамить полицейскому.

— Значит, все весьма неплохо.

— Мне кажется, они там совсем ничего не делают. Никого не ищут, им пофигу, что в тебя стреляли, пофигу, что важные останки пропали из музея. Они там штанишки протирают и в ус не дуют. Нам нужно делать что-то самим, иначе дождемся, что вместо свадьбы у меня будут похороны. А я их терпеть не могу.

— Ты утрируешь. Поехали лучше домой. Я проголодалась.

— Я тоже. Этот разговор отнял последние силы.

— У меня тоже был весьма неприятный. С маман.

— Что она хотела?

— Как всегда. Чтобы я вышла замуж и родила ей внуков. Как будто Данила этим заняться не способен.

— Он встречается с Яной, это правда?

— Более чем. Она такая же мерзкая, как и была раньше.

Ритка пару раз пересекалась с моей бывшей компанией и была в курсе того, кто есть там, кто и в каких я с ними отношениях.

— Дурак твой братец. Извини, конечно, но это так.

— Ничего. Хотя, ты знаешь, мне показалось, что он ей действительно нравится. Хоть она и неприятная особа. Кстати, чтобы отмазаться от очередного своднического ужина, мне пришлось кое-что выдумать. И тебе придётся мне помочь. Иначе я попаду в рождественский ад за одним столом с родителями, маминой подругой, мальчиком Андрюшей и Даней с его милой Яночкой.

Я коротко пересказала Ритке свой разговор с родительницей. Она только посмеялась.

— Теперь тебе точно не отвертеться от свидания с другом Фридриха.

— Да я теперь уже просто мечтаю об этом чертовом свидании, иначе на ужин в свой дом мне придется идти с женщиной по вызову. А у меня нет денег, чтобы заплатить за такой эскорт.

— Спокойно. До Рождества еще есть время, успеешь познакомиться с другом Фридриха. Главное, чтобы ты смогла произвести на него впечатление. А для этого мне придется над тобой немножко поработать. Или ты как всегда будешь против?

— О нет, — я замахала руками. — В этот раз сделай что угодно, только спаси меня от этого позорного ужина.

— Супер. Ладно поехали.

Мы тронулись, наконец. По снегу ехать было не очень просто, дороги были расчищены не до конца, поэтому Ритка периодически злилась и ругалась. Я молчала и смотрела в окошко.

— Знаешь, я думаю, мне нужно вернуться в свою квартиру.

— Уверена?

— Да. Загостились я у тебя. К тому же, ты привезла жениха. Не хочу вам мешать.

— Он живет в гостинице, и ты нисколько бы нам не помешала. Впрочем, как знаешь. Могу помочь перевезти вещи, мне сегодня все равно никуда не нужно.

— Спасибо. Это было бы очень кстати. И еще, у меня тут созрела одна идея. Нужна твоя помощь. Только не говори сразу нет.

— Начало многообещающее. Рассказывай.

То ли Ритка стала более зрелой и ответственной, то ли общение с капитаном Соболевым так на нее подействовало, но мне удалось ее уговорить осуществить мою идею. Она, конечно, покричала, что я чокнутая на всю голову. И обещала сдать меня в психушку при первой же возможности, но в итоге согласилась. Чему я была очень рада, потому что безумно боялась идти одна.

На следующий день я приехала к Рите около девяти вечера. Экскурсия была у меня с утра, потом еще одна в обед, так что после ужина я с чистой совестью могла заняться собственными проблемами. Подруга встретила меня на пороге в черном спортивном костюме и с хвостом на голове. Я удивленно ее оглядела.

— Ты что заболела? — входя в прихожую, спросила я.

— Глупости. Я подумала, что яркая одежда привлечет внимание. А оно нам ни к чему.

— Резонно. Я вот еще перчатки надела и черную шапку прихватила. На всякий случай.

Рита рассмеялась.

— Такое ощущение, словно мы собрались ограбить банк. А нам всего-то и нужно, что влезть на крышу.

— Нам нужно найти выход, которым воспользовался стрелявший. И попытаться повторить его подвиг. Хоть у меня коленки подкашиваются при одной мысли о крыше.

— Я с тобой, так что не дрейфь. Может выпьем для храбрости? У меня виски есть, я привезла из поездки.

Я подумала и кивнула. Немного расслабиться точно не помешает.

Мы устроились на кухне. Подруга поставила стаканы, достала бутылку виски, нарезала яблоки и лимон на тарелку. Наконец, села напротив.

— За что будем пить?

— За то, чтобы нас никто не поймал за этим занятием, — я подняла свой стакан.

— Нет, давай лучше за благоприятный исход нашего мероприятия. И чтобы ты не свалилась с крыши, — произнесла подруга, но, заметив, как я побелела, быстро добавила: — Шучу.

Мы выпили и закусили. Потом Ритка разлила по второй. На этот раз пили в полнейшей тишине.

— Думаю, достаточно. Светлая голова нам не помешает. — наконец сказала Рита.

Я кивнула, нервно теребя салфетку.

— Я боюсь.

— Я тоже. Ну так ведь ты сама хотела туда пойти.

— Знаю. И все равно как-то не по себе.

— Хочешь-можем не идти.

Я мотнула головой.

— Нет. Раз решили, то пойдем. Ты узнала, закрывается вход на крышу?

— Соседка говорит, что там никогда ничего не закрывали. К тому же, если наш стрелок действительно как-то использовал выход через крышу, значит он точно открыт. Вряд ли у него был с собой ключ.

— Думаю, ты права.

— Идем?

— Идем. — я кивнула, нервно сглотнув.

Ритка весело мне подмигнула и пошла в прихожую. Я поплелась за ней. Когда мы уже стояли в дверях, она протянула мне какой-то предмет.

— Фонарики нам купила. Чтобы было не так страшно.

— А мне и в голову не пришло...

— На то я и иду с тобой, — мы заперли квартиру и вышли на лестничную площадку.

— На лифте поедем или пешком? — спросила подруга.

— Пешком, и лучше бы с первого этажа. Хочу проделать тот же путь, каким сбежал наш стрелок.

— Логично. Только вот девять этажей пешком-это капец что такое.

— Не ной. Лучше давай спустимся на лифте.

Оказавшись на первом этаже, мы внимательно огляделись в поисках случайных соседей.

А Рита зачем-то смотрела вверх сквозь перила.

— Прикинь, там на половине этажей вообще нет света.

— Темнота? — проскулила я обреченно.

— Ну да, этажа эдак с шестого там везде темно. А может с пятого, мне отсюда не очень хорошо видно.

Я прижалась к стене.

— Мне страшно, Рит.

— Так что не идем?

Я задумалась. И вспомнила, что нам рассказывали о тьме в институте.

— Ведь темноты на самом деле не существует, да?

Рита кивнула.

— Правильно, молодец, что помнишь. Темнота — это просто отсутствие света. К тому же страх-это только эмоция. И ты вполне способна его контролировать.

Я сделала пару глубоких вдохов, резко выдохнула и решительно подошла к ступенькам.

— Пошли.

Мы стали подниматься. Вроде бы лестница, ничего особенного, но мы старались двигаться быстро и бесшумно, мне казалось именно так и должен передвигаться преступник. Ритка шла за мной ровно до пятого этажа. А потом показался шестой этаж без света, и мы поменялись местами. К тому же, подруга включила свой фонарик, что меня крайне вдохновило.

— Ты просто гений.

— Я об этом знаю. — пропыхтела подружка, активно шагая. — Никогда не думала, что здесь так много ступенек. Я уже задыхаюсь.

— Я тоже. Может передохнем?

— Не, давай уже на девятом сделаем перерыв.

— Хорошо.

И мы продолжили наш путь в полной тишине. В какой-то момент рядом с нами открылась дверь, мы как раз стояли в пролете между седьмым и восьмым этажами. Ритка вжалась от страха в стену, а я в Ритку, наступив ей на ногу. Но она даже слова мне не сказала. Так мы стояли и слушали, как, очевидно, некий сосед вышел на лестничную клетку покурить. Мы торчали там минут десять и боялись быть замеченными. Сама не знаю, почему нам казалось, что все решат, будто мы затеваем что-то нехорошее, раз шляемся вечерами по подъезду. Наконец, сосед исчез, оставив после себя только шум закрывшейся двери и неприятный запах сигаретного дыма.

— Блин, я себя чувствую полной идиоткой. — прошипела Ритка, отряхиваясь- мы были вжаты в стенку, а на Ритке черный костюм. — И я извожилась в побелке!

— Дома все отстирается. Главное, что нас никто не видел. Пошли, осталось совсем

чуть-чуть.

Включив фонарик, я теперь шла впереди. Сама не знаю почему, но страх немного отступил. Наконец, мы остановились на девятом этаже возле лестницы, ведущей на крышу.

— Ступай осторожно, тут везде много всяких шукувин, о которые можно пораниться. — предупредила я подругу, делая шаг на железную ступеньку.

Ритка следовала за мной.

— Эта дверь? — спросила подруга, вцепившись мне в плечо.

— Постарайся не шуметь. — ответила я и подняла голову вверх.

Над нами действительно была маленькая дверца на крышу-очевидно, лестница продолжалась за ней. И замка на двери правда не оказалось. Недолго думая, Рита попыталась ее открыть. Дверь была достаточно тяжелая и мне пришлось присоединиться. Наконец, слегка попрыгав от натуги, мы смогли ее немного приподнять. Встав на самую верхнюю ступеньку, Рита что было сил толкнула дверь наверх. Та с грохотом шлепнулась на крышу, с другой стороны.

— Это называется не шуметь? — зашикала я на подружку, да что толку.

Рита включила свой фонарь. Яркий луч ударил мне в лицо с такой силой, что пришлось зажмуриться.

— Эй! Ты чего!

Рита с извиняющимся видом опустила фонарь пониже.

— Лестница ведет наверх. — сказала я вполне очевидную вещь. Просто чтобы потянуть время-желания лезть туда я не испытывала.

Подруга покачала головой и попросила меня отодвинуться в сторонку. Я пропустила ее вперед, и она решительно полезла на крышу. Через мгновение я уже видела только ее ноги в черных кроссовках и в который раз за вечер подивилась ее подготовленности. Кивнув не понятно кому, я стала пробираться вверх по ступеням вслед за Риткой. Наконец, выбравшись на крышу, где меня сразу же обдало порывом морозного воздуха, я смогла перевести дух. Рита стояла рядом с фонариком в руках и осматривалась.

— Лазить зимой по крышам-дурацкое занятие. — резюмировала я, направляя свой фонарь по сторонам.

Крыша была большая, но на ней ровным счетом не было ничего интересного. Кроме огромных снежных сугробов и пронизывающего ветра. Только черное небо нависало над нашими головами.

— Кир, смотри. Тут еще одна лестница. — услышала я голос подруги и подошла к ней поближе.

Она стояла достаточно близко к краю крыши, что меня просто ввело в ступор. Я маленько запаниковала и страх высоты обрушился на меня целиком. Я сглотнула.

— Здесь очень высоко.

— И очень холодно. У меня уже зуб на зуб не попадает.

— Надо было взять пальто.

— Ты бы мне еще шубу предложила новую надеть, чтобы по крыше таскаться. Как скажешь тоже. — возмутилась подружка, но, заметив, что я в ужасе смотрю на край крыши, взяла меня за руку. — Не бойся, я с тобой. Не так уж и высоко. Всего лишь каких-то девять этажей.

— Рита! — воскликнула я, вцепившись в ее ладонь что было сил.

— Ладно, ладно. Молчу. Иди сюда.

Мы подошли еще ближе к краю, обогнув крышу почти наполовину. Если я верно сориентировалась, то мы были где-то сбоку от входа. Если представить наш дом, то я бы сказала, что мы находились ровно посередине.

— Это пожарная лестница, вот как он ушел. — сказала я, немного подумав и посветив еще раз фонариком.

Ритка заглянула за край крыши, где был виден спуск по пожарной лестнице почти до самого низа.

— Удобно. И главное, ему почти не пришлось напрягаться.

— Все так просто. На первый взгляд. Поднялся на девятый, вылез на крышу, обошел ее и спустился по другой стороне. Но, чтобы это проделать, надо быть чуточку ловким и чуточку зрячим, ведь было гораздо более позднее время, чем сейчас. Если бы у нас не было фонариков, мы бы искали эту лестницу очень долго.

— Добавь к этому тот факт, что в темноте можно запросто свернуть себе шею либо просто свалиться вниз.

— Значит, он прекрасно ориентировался, либо у него тоже был фонарик.

— В телефоне есть фонарь. — напомнила Ритка.

Я задумалась. Какой бы простой не казалась эта задачка, очевидный факт вырисовывался только один.

— Это точно не Борис Иванович. — сказала я. — Ему просто-напросто силенок бы не хватило, чтобы все это проделать. Мы пока поднялись, я уже устала. Так за нами никто не гнался, а тут представь: преследование, крыша, ступеньки, темнота, да еще и зима в придачу. Нет, это точно был кто-то молодой и в хорошей спортивной форме.

Рита кивнула.

— Абсолютно согласна. Считаю, этот факт мы установили.

— Точно.

— Давай выбираться отсюда?

Это предложение было встречено мной с большой радостью. Мы вполне благополучно спустились вниз, освещая себе путь фонариками, закрыли за собой дверцу на крышу и потянулись к лифту почти одновременно. Желания идти пешком ни одна из нас не испытывала. В квартиру вошли тоже в полной тишине. А я в который раз подивилась, как оказывается легко можно ночами бродить по крышам в доме полным людей-никто и не заметит.

Снова оказавшись в Риткиной гостиной, я схватила с дивана плед и укуталась в него. Только теперь я отчетливо поняла, как замерзла пока мы бродили по крыше. Подружка переодевала испачканный костюмчик, а я прямо в пледе попелась ставить чайник — горячий чай был нам просто необходим. Однако Рита, появившись в скором времени на кухне, решила, что одним чаем нам не обойтись. Снова на столе возникла початая перед подвигом бутылка виски.

— Мне необходимо снять стресс. — пояснила она. — Не каждый день я по крышам лазаю.

— Ты же вроде не боишься. — удивилась я.

— Я просто знала, что если еще и я начну бояться, то ты просто впадешь в панику. А кому-то из нас необходимо было сохранять благоразумие и холодную голову.

— Про холодную голову это в самый раз. Я ужасно вымерзла на этой крыше.

Рита налила нам виски, мы выпили. Тут и чайник поспел. Дуя на горячий напиток и

чувствуя, как по венам весело побежала кровь, я улыбнулась.

— У нас прямо целое приключение сегодня было. Будет что вспомнить в старости.

— Ага, если доживем. С таким образом жизни и постоянным страхом за свою шкуру на пенсию вообще не выходят и внукам сказки не рассказывают. — хмуро заметила Ритка.

Выпив по третьему стакану, мы заметно повеселели. И наш поход уже не казался нам чем-то безумным. Наоборот. Мы ужасно гордились тем, что совершили такой сумасбродный поступок.

— Мы были с тобой как ниндзя.

— Как кто? — засмеялась Рита, недоумевая.

— Ниндзя-такие японские шпионы. Они всегда были неуловимы и прятались в темноте. — с улыбкой отозвалась я. — Кстати, у них тоже были черные костюмы, как у тебя.

— Ниндзя носили «Адидас»?

— Нет, ниндзя не носили «Адидас». Тогда еще вообще не было никаких брендов.

— Ну и зря, — Ритка ткнула в меня указательным пальцем. — Значит твои ниндзя совсем не разбираются в моде.

Мы дружно чокнулись стаканами и расхохотались. Напряжение вечера нашло выход и нам это было просто необходимо. Мы просидели так еще почти час, активно повышая уровень алкоголя в своем организме. Веселье было в самом разгаре, когда мы услышали, как трезвонит телефон.

— Это твой? — спросила я, оглядываясь.

Рита мотнула головой, указав на молчаливо лежащий на столе мобильник.

— Твой, наверное, в сумке звонит.

— А, точно. — поднявшись и слегка покачиваясь, я пошла в прихожую.

Пока я рылась в поисках телефона, звонить перестали.

— Ну вот, — я взяла, наконец, в руки трубку и вернулась на кухню.

— Кто звонил?

Я помахала телефоном, остановившись возле плиты и упираясь рукой в стол.

— А я не знаю, я не успела ответить, — тут снова ожил мой мобильный. — О!

— Кому-то ты очень понадобилась.

— Ты не очень четко выговариваешь это слово. — я хихикнула. — А это значит, что ты на-пи-лась!

Рита только снова рассмеялась.

— На звонок ответь, ты что не слышишь?

— Ой, точно.

— Кажется, кто-то еще больше напился, чем я. — заметила Ритка и снова засмеялась.

Я повертела телефон в руках и нажала кнопку «ответить».

— Служба психологической помощи слушает. — серьезным голосом произнесла я и постаралась не засмеяться. Потому что Ритка тут же покатила со смеху. Я приложила палец к губам.

— Кира Юрьевна? — голос капитана Соболева прозвучал с большим сомнением.

Я вздрогнула, неловко повернулась и ударила лбом о вытяжку над плитой.

— Ауууу... — пискнула я, потирая ушибленное место.

Рита уже вовсю держалась за живот. Я вытаращила на нее глаза, прикрыв трубку рукой.

— Это Соболев!

Капитан в трубке помолчал немного, потом уточнил еще раз:

— Кира Юрьевна, это вы?

— Да, да это я. Извините, спутала вас с другим человеком, — я попыталась упереться в стену, потому что начала съезжать вдоль стола. Наконец, обретя равновесие, умудрилась сосредоточиться на разговоре.

— У вас странный голос, — заметил Кирилл Сергеевич.

Ритка строила мне рожи, я пыталась не смеяться и одновременно держалась за стол. Ноги внезапно ощутили ужасную слабость-видимо, Рита была права, я изрядно выпила. Учитывая, что делаю я это крайне редко, удивляться, что меня так развезло, не пришлось.

— Вам показалось. Это просто связь плохая.

— У вас все хорошо, Кира Юрьевна?

— У меня все отлично, спасибо, Кирилл Сергеевич, — я не была уверена, что достаточно четко выговорила его имя, потому что Рита сделала большие глаза и силилась, чтобы не смеяться в голос. Подозреваю, звучало это не слишком хорошо.

— Простите, что спрашиваю, но вы что выпили?

— Да неет, ну что вы, — я махнула рукой, словно бы Соболев был передо мной и мне нужно было его убедить. Только вот я забыла, что он меня не видит.

— А мне сдается, что да. Вы где находитесь?

Я возмущенно фыркнула.

— А с чего вы взяли, что можете задавать мне такие вопросы? Мы не у вас в кабинете.

Соболев с мгновение помолчал, затем продолжил:

— Я хотел поговорить с вами насчет мумии, и спросить, не совершаете ли вы глупых поступков в мое отсутствие.

— Нет, не совершаю. Хотя, сегодня я была на крыше. Это было так ...так... — я пыталась подобрать слово, но не могла. И перевела взгляд на Ритку.

— Суперистически! — прокричала пьяная подружка и мы захохотали вдвоем уже в голос, особо не боясь, что подумает о нас капитан.

— Вот, именно так все и было! Вы слышали?

— Слышал, Кира Юрьевна, кто там с вами?

— Это Ритка. Передает вам привет.

— Ага, и ей тоже привет. Кира Юрьевна, я так и не понял, на какой крыше вы были? Вы же пьяные обе, я так полагаю.

— А что это вы нотации читаете? Вы нам между прочим никто!

Ритка стукнула по столу в знак согласия с моим мнением.

Я услышала смешок в трубке.

— Кира Юрьевна, скажите, вы дома у Маргариты?

— Так точно, товарищ капитан. — я рассмеялась. — А вы что хотите приехать в гости?

Рита закатила глаза и покрутила пальцем у виска.

— Что вы пьете, Кира Юрьевна?

— Рит, что мы пьем? — спросила я свистящим шепотом, прикрыв динамик.

— Виски. — подружка подняла вверх почти пустую бутылку.

Я вернулась к Соболеву.

— Докладываю, мы пьем виски, товарищ капитан.

— Понятно. — снова в трубке смешок. — Ждите, я скоро приеду. — только и услышала я в итоге. А потом пошли гудки.

Я в недоумении уставилась на телефон, медленно сползая по стеночке-разговор с

Соболевым отнял последние силы.

— Что он сказал? — спросила Ритка.

Я закрыла рот рукой и в ужасе взглянула на свою пьяную подругу.

— Что скоро приедет.

— Зачем ты его пригласила? — Ритка взглянула на часы. — Двенадцать ночи.

— Я его не приглашала!

— А, по-моему, пригласила. Интересно, чего ему надо в такой час?

— Рита, он догадался, что мы пьяные. Если он увидит меня таком виде, я сторю со стыда.

— Успокойся. Может он еще и не приедет. Блин, нафига он нам вообще тут нужен.

Мы огляделись. Кроме следов попойки все выглядело более чем прилично. Кроме нас самих, конечно. Я взглянула на Ритку. Она была в домашнем халате, с растрепанным хвостом, но в принципе выглядела неплохо. На мой пьяный взгляд, конечно же. А вот я.

— Нужно умыться. И накраситься.

— Спятила? Ты даже кисточкой по ресницам не попадешь. Лучше просто сходи умой лицо, приведи волосы в порядок, а я дам тебе какую-нибудь одежду посимпатичней. Нельзя встречать мужика, который тебе нравится, в таких шмотках.

— И совсем он мне не нравится. — замотала я головой.

Ритка помогла мне встать с пола и отвела в ванну.

— Конечно нет, ты просто так о нем постоянно говоришь и боишься с ним встречаться.

Я не нашлась, что ответить. И пошла следом за подругой. В ванне умыла лицо, взглянула на себя в зеркало и решительно засунула голову под холодную воду. Пока я приводила себя в чувство и мыла волосы, Ритка успела принести мне из шкафа свои джинсы и майку с весьма откровенным вырезом на груди.

— Я такое не ношу. — замотала я головой. — Соболев еще подумает, что я пытаюсь его соблазнить.

— Ой, знаю я твой стиль. — отмахнулась подруга. — Это вполне нормальная одежда, нечего тут выпендриваться. Одевайся лучше и марш сушиться. А я пока тебе кофе сварю.

— А сама?

— А сама я бы еще выпила. — усмехнулась Рита и закрыла за собой дверь ванны, удалившись на кухню.

Мне только и оставалось, что вздохнуть и выполнять указания. Если бы не приезд капитана, я бы тоже еще выпила, подумала я с тоской. Ну вот, даже напиток не могу по-человечески. Вечно что-то мешает. Или кто-то.

Этот кто-то приехал почти через час. Честно, мы с подружкой уже решили, что это все нам приснилось и успели выпить еще по стакану виски, тем самым опустошив бутылку. Но тут раздался звонок в дверь, и мы даже подпрыгнули.

— Кирилл! — я вскочила со стула.

Ритка в который раз рассмеялась.

— Кирилл. — передразнила она меня. — С каких это пор он стал у нас уже просто Кириллом?

— Лучше заткнись, я и так нервничаю. Я просто оговорилась. Пошли открывать дверь.

Мы поплелись в прихожую. Натянув на лицо улыбку, Ритка распахнула дверь. На пороге стоял Соболев с пакетом в руках. Волосы припорошены снегом. При виде нас он тоже улыбнулся.

— Добрый вечер, дамы.

— Добрый. — подруга сделала приглашающий жест. — Проходите.

Капитан вошел в квартиру, снял куртку, повесил ее на крючок. Я со странным чувством наблюдала за тем, каким привычным выглядят его жесты-он неплохо ориентировался в квартире у моей подруги, и она тоже это заметила. Многозначительно мне улыбнулась, пока Соболев не видел, и взяла у него протянутый пакет.

— Что здесь?

— Я подумал, что у вас, видимо, праздник. И кое — что купил. К столу.

— Очень мило с вашей стороны. — ответила Ритка и пошла на кухню раскладывать покупки.

Мы с Соболевым остались вдвоем. Снова мне показалось, что в прихожей у моей подруги ужасно тесно. Или это капитан так на меня действовал. Я старательно избегала его взгляда. А он смотрел, переминался с ноги на ногу и усмехался.

— Как ваши дела, Кира Юрьевна? — наконец произнес Кирилл Сергеевич.

— Спасибо, хорошо. — я шумно вдохнула. — А ваши?

— Отлично.

Я не знала, что еще спросить и пошла на кухню к Рите. Соболев последовал за мной.

— Кирилл Сергеевич привез виски. И разной еды. — сказала подруга, указывая на выставленные на столе покупки.

— У вас праздник или вы с горя пьете? — усевшись за стол, спросил капитан.

Я натянуто улыбнулась.

— Празднуем Риткино возвращение.

Соболев понимающе кивнул. Мы с Ритой стали накрывать на стол, периодически сталкиваясь в небольшой кухне. Неловкость так и витала в атмосфере этого помещения. Наконец, когда я едва не разбила тарелку, Ритка разозлилась.

— Сядь и не путайся под ногами. — шикнула на меня подруга, и мне не оставалось ничего иного, кроме как выполнить ее указ.

— Что-то случилось, Кирилл Сергеевич? — спросила я прямо, потому что меня уже бесила эта недосказанность.

Он лишь покачал головой.

— Ничего. Просто подумал, что вам нужна компания на вашем празднике жизни. Ошибся?

За меня ответила Ритка, ставя перед Соболевым тарелку и стакан.

— Абсолютно верно вы подумали, Кирилл Сергеевич. Тем более с вами нам всегда приятно встретится.

Я удивленно уставилась на подругу, которая не далее, как вчера еще поносила Соболева последними словами и не называла его иначе как «этот капитанишка». А тут нате вам, сама любезность. Чудеса, да и только.

— Ну так это взаимно. — отозвался тот.

Наконец, мы все сидели за столом, капитан разлил виски, мы подняли бокалы.

— За встречу? — предложил Кирилл Сергеевич.

— И за прекрасный вечер. — закончила за него Ритка.

Я промолчала, мы чокнулись и молча выпили. Стали неспешно закусывать, Рита завела какую-то тему, рассказывая про обычаи немцев за столом и свою конференцию. Постепенно рассказ дошел до Фридриха, и она стала описывать нам все его плюсы и минусы. Соболев ее

охотно слушал. Повествование переминалось выпивкой, и в скором времени мы с подружкой были изрядно пьяны. Впрочем, капитан не отставал. Он хохотал над Риткиным рассказом про ее нового ухажера, кстати, рассказ был сдобрен весьма пикантными подробностями-стеснительностью моя подружка особо не страдала. Я почти не говорила, больше пила и слушала. Ну и смеялась, конечно, вместе с ними. Периодически мы сталкивались взглядом с капитаном, и тогда мне казалось, что его сегодня прямо-таки синие глаза мне улыбаются. Однажды он мне даже подмигнул, от чего я едва не закашлялась-в этот момент как раз делала очередной глоток. Словом, хоть выпито было немало, и обстановка была замечательная, я все равно ерзала. И гадала о истинной причине ночного визита Кирилла Сергеевича. Наконец, ближе к двум часам, Соболев задал нам вопрос, который мигом меня отрезвил.

— Кира Юрьевна, по телефону вы сказали, что сегодня лазили на крышу. Что вы имели в виду?

Ритка улыбнулась во весь рот.

— Ой, да это просто Кирюха решила в сыщиков поиграть. В этих, как их... — она повернулась ко мне. — Как ты говорила называются те шпионы в черных костюмах?

Я сглотнула.

— Ниндзя, Рит, они называются ниндзя.

— Точно! Вот, ими мы сегодня и были. Представляете, сами залезли на крышу и нас никто не заметил. Даже пришлось прятаться от соседей. — на этом месте Ритка покатила со смеху, и поведала, как мы торчали на грязной лестнице в подъезде.

Соболев, однако шутку не оценил. Лицо его вдруг стало серьезным, он подозрительно на меня поглядывал.

— Объясните подробнее, пожалуйста. На какой крыше вы были? Какие ниндзя?

Я зло пнула Ритку ногой под столом, едва не задев Соболевское колено. Подруга подняла на меня глаза, заметила мой гневный взгляд и прикусила язык. Да только было поздно. Я знала, что если Соболев что-то заподозрил, то все, можно смело признаваться во всех грехах-все равно расколет. На то и мент, в конце концов.

— Мы провели эксперимент. И теперь точно знаем, что Борис Иваныч не покушался на мою жизнь. Пусть пистолет и принадлежит ему, но стрелял не он. Да он просто физически не способен на такой подвиг. — произнесла я, пытаясь смотреть Соболеву в глаза. Это было довольно сложно. На его лице ясно читалось мнение о нашей затее.

— И кто же тогда на вас покушался, как думаете?

— Не знаю. Думаю, это был кто-то из окружения Борис Иваныча, кто-то молодой и е прекрасной физической форме. Он пробежал девять пролетов, выбрался на крышу, а вниз спустился по пожарной лестнице — такое проделать не каждому под силу. Ну и думаю, что он знаком с Синицким, потому что знал, что у того есть пистолет. И просто его подставил.

Рита кивнула, как бы подтверждая мои слова.

— Именно так, товарищ капитан. Так что мы сегодня сделали за вас вашу работу. Вы должны быть нам благодарны.

Она рассмеялась, но Соболев не разделял ее веселости. Он серьезно посмотрел на меня и покачал головой.

— Вы же мне обещали. Никуда не лезть без моего ведома. Зимой, на крыше, в темноте....

— У нас был фонарь, — попыталась я оправдаться, но, поняв, как нелепо это звучит,

замолчала и стала смотреть на свои руки.

Соболев при желании умел сделать так, чтобы я чувствовала себя виноватой.

— Если вам так не терпелось забраться на крышу, почему вы не позвонили мне?

— А вы бы меня поддержали? — я с сомнением взглянула на нашего позднего гостя.

— Нет, конечно. Но я обязательно попытался бы вас отговорить. Если бы пришлось, то приковал бы наручниками к батарее, чтобы только вы никуда не совали свой любопытный нос.

Это было достаточно грубо. Я даже обиделась.

— Я что о каждом своем шаге должна вам докладывать?

— Пока я веду это дело, ваша безопасность касается меня напрямую. Неужели так сложно это понять? — Соболев порядком злился, я это ощущала и по отрывистым ответам, и по его нежеланию смотреть на нас с подругой.

Впрочем, на Ритку он особо и не злился. Весь его гнев по какой-то удивительной причине был направлен в мою сторону. Чем я заслужила такую привилегию, понятия не имею. Приятного было мало, а обидного выше крыши.

— Кирилл Сергеевич, я взрослый человек, и за свои поступки отвечаю сама. Спасибо вам за беспокойство, но оно уже просто переходит все границы. Есть вещи, которые вас не касаются.

— Обычно я сам решаю, что меня касается, а что нет. — оборвал меня Соболев. — Взрослый человек, а ведете себя, как неразумный подросток.

Мы сверлили друг друга взглядом, я вся просто кипела от его наглости, подозреваю, что он тоже был очень зол на меня за упрямство. В полнейшей тишине, он налил себе виски, выпил залпом и стал усердно жевать, чем довел меня едва ли не до состояния тихого бешенства.

Тут, наконец, Ритка заметила, что атмосфера за столом накалилась до предела и поспешила исправить положение.

— Слушайте, а я рассказывала вам, как мы с Фридрихом ездили кататься на лыжах? Это очень смешная история...

— Уверена, что так и есть. — перебила я и резко встала со стула. — Извините, но уже поздно. Мне пора домой.

Не оглядываясь, я пошла в прихожую. Ритка выскочила за мной. Капитан так и остался сидеть на месте.

— Куда ты собралась? — зашикала мне в ухо подруга, когда я уже натягивала пальто.

— Рита, он считает, что может контролировать каждый мой шаг. Он что пуп земли? Почему я должна отчитываться перед каким-то мерзким капитанишкой! Я его даже не знаю, в конце концов!

— Кирюша, ну не говори глупостей. — зашла подруга с другой стороны. — Ты просто много выпила, вот тебе и кажется, что он тебя обидел. А он всего-навсего проявляет заботу.

— Вот и пускай заботится о ком-нибудь другом. А я справлюсь сама. У него есть Настя, пусть о ней и волнуется. Кстати, спроси, что она думает по поводу его ночных визитов к подозреваемым! — Это я уже сказала довольно громко, чтобы Соболев мог меня услышать.

Мне очень хотелось ему нагрубить, что я и сделала. Надеюсь, у меня получилось его задеть. А, впрочем, это уже было не важно, потому что я успела одеться и выскочить на лестничную площадку. Рита вышла за мной, схватила за руку, но я только отмахнулась.

— Куда ты идешь?

— Домой, разумеется! Не волнуйся, все в полном порядке, просто я не хочу находиться с ним в одном помещении. Извини. — ответила я, поцеловала Риту в щеку и быстро стала спускаться по ступенькам.

Улица встретила меня порывом такого морозного ветра, что в первые секунды мне даже стало трудно дышать. Но спустя пару минут дыхание восстановилось, и я смогла оглядеться. Снегу за ночь намело по колено, я с трудом протиснулась от подъезда до дороги. Темнота была хоть глаз выколи, и звенящая тишина кругом. Она просто оглушала, и с мгновение я стояла столбом, наслаждаясь ею. После шума квартиры она казалась чем-то нереально прекрасным. Нервы мои были взвинчены, голова гудела, к тому же выяснилось, что я забыла шарф и перчатки. Долго так стоять я не смогла бы при всем своем желании, ведь декабрь в этом году был очень холодным. Вжав голову в плечи и подняв ворот пальто повыше, я сунула руки в карманы и медленно пошла по ночной улице. На стоянке возле подъезда как всегда горел фонарь, рисуя на искрящемся снегу причудливые узоры. Мне совсем не кстати вспомнилось, что именно здесь я впервые увидела Соболева. Чертыхнувшись при воспоминании, я зашагала быстрее.

Зима довольно скоро остудила мой пыл, и теперь, отчаянно замерзая, я силилась понять, что такое на меня нашло. Обычно я весьма сдержанно себя веду. Наверное, все-таки алкоголь сделал свое дело. И вот результат. Я нахамила капитану. Впрочем, нужно признать, он в долгу не остался. Так со мной уже давно никто не разговаривал. Отчитывать меня могла только мамуля, но я старалась избегать ее нотаций. А тут Соболев со своими советами. Мне давно не пять лет, чтобы опекать меня со всех сторон. В конце концов, я действительно способна сама о себе позаботиться.

Убеждая себе в таком духе, я сначала не обратила внимания на некий шум сзади. Но, подходя к арке, мне отчетливо удалось разобрать приближающиеся шаги. Кто-то быстро шел вслед за мной по дороге. Сердце мое в испуге сделало стремительный скачок. Я обернулась.

— Хорошо, что вы не успели далеко уйти, — передо мной стоял запыхавшийся капитан Соболев. Куртка нараспашку, шарф намотан кое-как, выражения его лица я не разобрала-было слишком темно.

Если честно, я была обескуражена. Даже и не думала, что ему придет в голову пойти за мной. Но тут же признала, что мне это нравится, пусть и неприятный разговор в квартире Ритки еще имел свой осадок. Но показать ему этого я просто не могла. Поэтому молча стояла и рассматривала снег у себя под ногами.

— Что вам нужно?

Кирилл Сергеевич немного помолчал, очевидно подбирая нужные слова, и, в конце концов, произнес:

— Думаю, мы оба вели себя глупо. Мне не стоило говорить вам то, что я сказал. Простите меня.

Он извинялся, но совсем не выглядел жалким. Он вел себя более чем достойно. Как нормальный взрослый мужчина. Он просто констатировал факт, признал свою вину и пришел сказать об этом. Даже самой себе я никогда бы не призналась, насколько по душе мне пришелся этот поступок.

— Я тоже наговорила вам... всего. — мне с трудом удалось подыскать слова. Я изрядно нервничала и пыталась сообразить, стоит ли мне сказать, что нелестное замечание о лейтенанте Макеевой я ляпнула сгоряча. Но я сомневалась, а вдруг он его не слышал, тогда я поставлю себя в дурацкое положение. А оно и так было не самым лучшим в данный момент.

И я решила сделать вид, будто ничего и не было. Так будет лучше.

— Извините. — наконец, выдавила я, подняв глаза от земли.

Он смотрел на меня и улыбался. А я, кажется, впервые заметила, какая чудесная у него улыбка. И едва сумела подавить в себе желание застегнуть Соболеву куртку и замотать покрепче шарф. Вместо этого я махнула рукой и сказала:

— Мы оба погорячились, так что давайте забудем об этом и дело с концом.

— Согласен.

Он, наконец, вспомнил, что на улице зима и поежился. И стал застегиваться. Я наблюдала за его движениями, ощущая невыносимое желание коснуться его руки. Это было ужасное чувство, я пыталась избавиться от него, разглядывая небо. Больше всего в жизни я боялась влюбиться не в того человека. Это было бы равносильно концу света. Моего так точно. Потому что я не была готова к такому чувству. И прекрасно это осознавала. И человек этот явно не для меня. Да только сердцу не прикажешь. Я мотнула головой, как бы споря с самой собой. А я прикажу. У меня получится. Не нужен мне никакой мужчина и никакие чувства. Мне и одной хорошо. Тем более, что этот мужчина занят. И мне это доподлинно известно.

— Вы домой, Кира Юрьевна? — вопрос Соболева вывел меня из ступора.

— Что вы сказали?

— Говорю, вы домой направляетесь?

Я неопределенно мотнула головой.

— Так шла просто... Решила немного прогуляться.

— Ну да, ночь, зима, холодный ветер — самое время для прогулок. — со смехом заметил капитан.

Я тоже улыбнулась.

— Помнится вы сами совсем недавно говорили, что часто не спите по ночам. Вот и я решила пройтись. Людей нет — красота.

— Тут вы правы, днем такого не увидишь.

Он огляделся по сторонам, заметил вдалеке кружок света и снова повернулся ко мне, указав в том направлении.

— Забавно, именно там мы с вами впервые и встретились. Помните?

«Странно, что вы об этом помните» — едва не ляпнула я, кивая.

Мы молчали. Холод уже пробирал до костей, я усиленно прятала голову в воротник, но это не спасало. Соболев тоже ежился, но никто из нас не решался сказать, что давно пора разойтись по домам. Впрочем, меня дома все равно никто не ждал. Разве что мой кот. А вот интересно, ждал ли кто-нибудь Кирилла Сергеевича. Этот вопрос я не задала бы даже под дулом пистолета.

— Кира Юрьевна, раз уж вы решили не спать сегодня, да и меня мучает бессонница, может выпьем кофе?

— Сейчас? — я вытаращилась на Соболева.

— Тут недалеко есть круглосуточное кафе, я там раньше частенько засиживался допоздна.

— Почему же?

— Работа такая, бывает насмотришься всякого, а потом мучаешься без сна.

— Вы вроде давно в полиции... — заметила я, с сомнением поглядывая в его сторону.

— К тому же я мужчина. — продолжил за меня капитан, посмеиваясь. — Все равно,

иной раз бывает весьма паршиво от нашего мира. А ночью он выглядит иначе.

— Тут вы правы. — согласилась я.

— Ну так как, идем греться в кафе?

— В тепло? — Я подула на свои замерзающие руки. — Скорее показывайте дорогу.

Через каких-то минут двадцать мы уже сидели в ночной кафешке. Мы были здесь совершенно одни. Только официантка иногда сновала по залу. Место было очень уютное, я это сразу оценила. Небольшое помещение, столики в центре. Света совсем мало, только кое-где горели маленькие лампочки от новогодней гирлянды. Мы выбрали высокую стойку, что тянулась вдоль огромного окна, выходящего на проспект. Было приятно видеть, как тихой ночью город без людей. Редко мимо окна проезжали машины. Мы с капитаном провожали их взглядом. На столе у нас горела небольшая белая свечка, я водила ладонью над огнем, чтобы быстрее согреться и старалась не обжечься. Соболев наблюдал за мной, но предпочитал молчаливую улыбку каким бы то ни было словам. Если честно, то я в них и не нуждалась. Было очень комфортно сидеть в тепле, рядом с ним и смотреть на огонь. Молчание нарушил Кирилл Сергеевич, когда нам принесли по чашке дымящегося кофе. Он сделал большой глоток и ошпарил язык. Скривился от боли. И чертыхнулся. А я улыбнулась.

— Ну что же вы. Осторожней надо.

Иногда мужчины ведут себя совсем как дети.

— Впредь постараюсь. — отозвался капитан. И стал дуть на свой кофе.

Я положила ложку сахару себе в чашку и тоже подула на горячий напиток.

— Очень уютно здесь. Даже не знала об этом кафе.

Он кивнул.

— Да. Главное людей совсем нет.

Из этой фразы я сделала вывод, что Соболев не любитель шумных мест и вечеринок. Однако, тут же на ум пришла наша встреча в караоке-баре, где он прекрасно проводил время со своей девушкой, нисколько не беспокоясь о количестве народа вокруг. И я задумалась: где же настоящий Кирилл Сергеевич? Ответ пока не нашелся.

Я молча пила свой кофе, чувствуя, как тепло разливается по телу, как приятно покалывают коленки, как отогреваются руки. Спать не хотелось ни капельки. Давно мне не было так хорошо и спокойно. Словно все события остались за дверями этого тихого местечка. Я перевела взгляд на Соболева, держащего в руках чашку, и наткнулась на блеск синих глаз. Он вдруг улыбнулся и, поставив чашку на блюдце, спросил:

— Кира Юрьевна, могу я задать вам вопрос?

— Задавайте.

— Глупо, конечно...

— Что вы хотите знать? — я снова улыбнулась.

Он немного подумал, провел рукой по волосам и, наконец, произнес:

— Что вы делали тогда под фонарем? Ну помните, ночью, когда мы первый раз встретились. Вы стояли там достаточно долго, я видел, просто стояли и смотрели на небо. Странное было зрелище, скажу я вам.

Я даже вздрогнула.

— Вы наблюдали за мной?

Капитан немного смешался, но потом кивнул.

— Не каждый день мне приходится сталкиваться с молодыми особами, которые разгуливают по ночам и пялятся на фонарный столб. Извините, конечно.

— Мне тоже. — я рассмеялась, чтобы как-то разбавить неловкость, возникшую от этого замечания.

В словах Соболева я в который раз увидела себя со стороны. Когда на тебя смотрят другими глазами это всегда как-то отрезвляет, и ты начинаешь задумываться. По крайней мере я мысленно представила картину, которую видел капитан в тот день и поняла всю нелепость своего торчания под тем фонарем. Но как могла я сказать Кириллу Сергеевичу, что у меня на душе кошки скребли, вот я и вышла в поисках хоть какого-то развлечения. Он и так считает меня странной, сам постоянно об этом говорит. А тут точно решит, что я спятила.

— Вы молчите. Я вторгся туда, куда не следовало?

Ну вот умеет же этот человек задать вопрос по существу. Как будто видит все, что меня волнует. Словно все мои чувства у меня на лице написаны. Впрочем, возможно так оно и есть.

— Понимаете, иногда просто необходимо побыть наедине со своими мыслями. Ну, чтобы понять, что тебе действительно надо и чего ты ждешь от этой жизни.

— Разобраться в себе вы хотите сказать?

Я кивнула.

— Именно.

— А плакали почему?

— Когда?

— В тот день, когда мне руку прострелили.

Тут уж я вздохнула и опустила глаза в чашку. Сделала глоток, размышляя над тем, могу ли посвятить этого человека в дебри своей непонятной души. Я давно ни с кем не разговаривала вот так просто. Да и не привыкла я делиться такими вещами. И совсем не важно, что передо мной сидит капитан милиции, который ведет мое дело. Он и так ведь думает, что я не от мира сего, так что вряд ли мои откровения сильно его поразят. Скорее он окончательно сможет убедиться в том, что я чокнутая. Ну так это ему и так известно.

Я допила кофе, заказала еще чашку и посмотрела в окно. Проводила взглядом проезжавшую мимо машину. Заметила, как на улице снова хлопья падают на асфальт.

— Снег пошел. — произнесла я словно бы самой себе.

Земля опять погружалась в белоснежную негу. Свечка мирно подрагивала на столе. Мир словно бы вымер. И в этой ночной тишине я, наконец, повернулась лицом к Соболеву. А он вдруг сделал то, чего я никак не ожидала — положил ладонь на мою руку и осторожно погладил, словно обещал, что мне нечего бояться, что рядом с ним я могу говорить, о чем угодно. И я начала рассказывать. Про родителей, с которыми добрые, но какие-то отстраненные отношения, про Даню, который плюнул на мои чувства или просто не думает, что они есть. Про Антона. Когда речь зашла о бывшем парне, Соболев будто невзначай свою ладонь убрал, я же подняла на него взгляд и увидела в этих глазах словно бы потухший блеск. Говорила я весьма эмоционально, а он все слушал и слушал, молча. Я же почувствовала себя вдруг легко, словно переложила груз со своей души на его плечи, а он вроде бы был и не против. Около двух часов ночи я поняла, что устала, а от кофе болит голова. Или это виски выветрился, и я поняла — пора баиньки.

— Я вас провожу, — сказал Кирилл Сергеевич, помогая мне одеться.

Согласно кивнула, повернувшись к капитану, наблюдала, как он застегивает свою куртку и берет в руки шарф. Сама не знаю, как так вышло, но я вдруг выхватила у него

теплую зеленую ткань и стала заботливо оборачивать вокруг его шеи.

— Спасибо, — сказал Кирилл Сергеевич, неожиданно перехватив мою ладонь. А потом осторожно приблизился, погладил меня по щеке и поцеловал. Я и не заметила, как обвила руками его спину, прижимаясь сильнее, будто боялась, что он меня отпустит. Только капитан и не думал этого делать. Наши губы то и дело встречались, нежность, с которой Соболев меня целовал, вызывала электрический разряд во всем теле, пробуждала давно забытые чувства. Когда я уже совсем потеряла голову, Кирилл меня отпустил, но совсем ненадолго. Пригладил мои волосы, чмокнул в нос и обнял за талию.

— Пойдем, тебе пора спать.

— В музее представлены более 400 экспонатов, которые в последние годы найдены археологами и антропологами на территории нашей республики. Самый уникальный экспонат — это череп человека, жившего в бронзовом веке.

На основе изучения антропологических находок сотрудники института смогли дать описание физического типа древнего человека, который проживал на нашей территории.

Я стояла в зале с редкими находками, ведя экскурсию для одиннадцатого класса. Их было пятнадцать человек, вопросов задавали много, так что я изрядно вымоталась. Но зал с костями был уже пройден, зал с анатомическими экспонатами тоже остался позади, хоть и произвел сильное впечатление. Я рассказывала про самую главную находку нашего музея, когда заметила среди высоких голов знакомую физиономию. Кирилл Сергеевич, наконец, пришел ко мне на экскурсию, как мы и договаривались. Он помахал мне рукой в знак приветствия. Я лишь слегка улыбнулась, хоть внутри все так и подпрыгнуло, однако продолжила, обращаясь к группе подростков:

— Физический тип современного человека мало чем отличается от древнего, только скелет у древнего человека был более массивным. При этом ученые установили, что на протяжении веков у человека шел процесс утончения костей скелета, уменьшение мышечной массы и увеличение жировой. В результате исследования костей древних людей установлено, что они болели практически теми же заболеваниями, что и современное население — туберкулезом, анемией, венерическими заболеваниями, кариесом, воспалительными заболеваниями. В заключение скажу, что, в отличие от соседних стран, на территории нашей страны сохранилось не очень много останков древних людей. Это объясняется тем, что мы позже остальных славянских народов полностью отказались от языческого обряда сожжения трупов после смерти — только в 11-м веке.

Мы прошли в соседний зал и спустя минут пятнадцать я, наконец, освободилась, предоставив детишкам самим разглядывать ценные экспонаты и побродить по музею в свое удовольствие.

— Занятная у вас работа, Кира Юрьевна. Вы очень интересно рассказываете. — ко мне приблизился Соболев с улыбкой от уха до уха.

— Вы все-таки пришли. Это радует.

— Я же обещал.

Я тоже улыбнулась. С момента нашего посещения ночного кафе прошло несколько дней. Мы не обсуждали наш поцелуй в кафе, я так и не перешла на ты, что побудило Соболева так же вернуться к первому варианту нашего общения. В тот вечер он действительно проводил меня до дома, и когда я все же задала один единственный вопрос — зачем — он лишь улыбнулся почти по-отцовски и ответил:

— Вам это было нужно.

Услышать такое от мужчины, который тебе нравится, было не очень приятно. Получалось, что он сделал это словно по принуждению, а такой расклад мне совсем не подходил. Так что я поблагодарила капитана за все виды помощи, оказанные мне за эти сутки и поспешила скрыться в своей квартире, чтобы не сгореть со стыда. И до этого утра мы не виделись.

Соболев был занят работой, я экскурсиями и нам совсем не удавалось пообщаться. А новостей хватало. Теперь я чувствовала себя в обществе капитана вполне спокойно, если убрать моменты, связанные с поцелуем. Между нами установилось некое доверие и почти приятельские отношения. Во избежание дурацких ситуаций, мы договорились вести наше расследование вместе. И теперь Кирилл Сергеевич рассказывал мне обо всем, что ему удавалось узнать по своим каналам, а я снабжала его информацией об атмосфере в институте и музее.

— Я посмотрела в журнале — Ольга сегодня здесь. Можем ее навестить. — заговорила я шепотом, отведя капитана в сторонку.

Он лишь кивнул.

— Было бы неплохо. Кстати, — он огляделся, проверяя, не подслушивает ли нас кто, — есть у меня знакомый антиквар, я думаю, нам стоит к нему наведаться. Если кто-то хотя бы попытается сбыть саркофаг или ценные останки-мы будем знать об этом уже сегодня.

Я кивнула, соглашаясь.

— У меня как раз эта экскурсия последняя. Найдем Ольгу, а потом к вашему антиквару. Только вот я сомневаюсь, захочет ли Ольга говорить при мне...

— Вы то ей что сделали?

— Водила за нос, притворяясь Риткой- думаете мало? Учитывая, что Риту она терпеть не может уже очень давно.

Соболев почесал затылок.

— Попробуем все же ее разговорить. Мне интересно, какое вы произведёте на нее впечатление.

— Неизгладимое. Даже не сомневайтесь.

Я скрылась в подсобке, причесалась, переобулась и вернулась к Соболеву.

— Ольга должна быть на шестом этаже. Идемте?

— Идем.

Мы двинулись к лифту. Кстати, их в музее было два-один пассажирский, другой грузовой. В грузовом ездить я немного опасалась-за свое недолгое пребывание в музее я умудрилась однажды там застрять. И теперь старалась избегать поездок на нем. Но, как назло, пришел именно грузовой лифт, Соболев вошел в кабину, мне не оставалось ничего, кроме как последовать за ним и надеяться, что мы благополучно доедем. Соболев изучал кнопки с таким видом, словно видел их впервые.

— Сколько этажей в вашем музее?

— Считая цокольный-семь. Огромное здание, огромные ценности.

— А на цокольном какой зал?

Я задумалась.

— Я спускалась всего один раз, но, по-моему, там нет зала. Кажется, Рита говорила, что там складские помещения и зал реставраций.

— Как интересно. — протянул Соболев.

Не очень понимая, что именно его привлекло, я с чувством облегчения вышла из лифта — мы были на месте. Кабинет Ольги находился в конце коридора. Мы неспешно двинулись по длинному красному ковру, устланному вдоль всего этажа. Кабинеты располагались по обе стороны от нас. Тут повсюду было высокое начальство. А у меня сложилось впечатление, что я в дорогой гостинице.

Остановившись перед кабинетом с надписью Синицкая О.В., я указала капитану на

дверь и предложила первому войти в кабинет. Он покачал головой, постучал и вошел внутрь. Я протиснулась за ним. При виде нас жена Бориса Ивановича подняла голову от компьютера.

— Вам кого?

— Здравствуйте, Ольга Владимировна. — Соболев достал удостоверение из кармана и показал его удивленной женщине. — Капитан Соболев. Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Тут Ольга заметила меня и нахмурилась. Проследив за ее взглядом, Кирилл Сергеевич сказал:

— Кира Юрьевна любезно проводила меня в ваш кабинет. Иначе сам бы я точно потерялся. Надеюсь, вы не будете против, если она поприсутствует при нашем разговоре?

Это было сказано таким тоном, что у Ольги просто не было других вариантов, и она согласно кивнула. Не станет же она отказывать полицейскому в таком звании. Ольга предложила нам присесть, сама осталась за столом. Мы с Соболевым заняли два стула по другую сторону и как по команде растянули губы в улыбке. Ольга даже дернулась. И вообще мне показалось, что она изрядно нервничает. Хотя причин для беспокойства я не видела. Но она почему-то избегала встречаться со мной взглядом. И явно ерзала на своем стуле. Мне было интересно, заметил ли Соболев ее беспокойство, но он, словно бы нарочно, старался этого не видеть. А может так оно и было. Наконец, Кирилл Сергеевич заговорил.

— Ольга Владимировна, скажите, как давно вы работаете в музее?

— Почти восемь лет. А что? — Соболев не спешил ответить на вопрос женщины, и она стала нервничать еще больше.

Я с удивлением наблюдала как разные оттенки сменяются на ее лице. Зачем так волноваться, мне было невдомек.

— А с Маргаритой Лапиной вы когда познакомились впервые?

Ольга метнула в мою сторону гневный взгляд.

— Когда эта пришла и сказала, что она и есть Маргарита. Раньше я о ней только слышала.

— И что же вы о ней слышали?

— Много хорошего. — кривая ухмылка озарила лицо Ольги. — Вам, наверняка, известно, что Лапина раньше была замужем за моим мужем. Сами подумайте, какие чувства я могу питать к такой женщине. Она мне никогда не нравилась.

— Почему же? Подумаешь, бывшая жена. Сколько таких же в нашем городе...

— Эта Маргарита самая настоящая стерва.

Я сжала руки в кулаки, пытаюсь сдержать свой гнев. Да как она смеет. Вот наглая бабенка.

— Можно с этого места поподробнее? — попросил Соболев с милой улыбкой.

— Вы не против, если я закурю? — спросила Ольга.

— Пожалуйста.

Она достала из стола сигареты и зажигалку. Потом приподнялась, открыла окно. Морозный воздух ворвался в кабинет, Ольга пустила пару клубов дыма и, наконец, заговорила.

— С тех пор как мы поженились, эта Маргарита всегда строила ему козни. Потому что он не захотел жить с идиоткой, которая ничего не смыслит ни в истории, ни в искусстве. Просто красивая морда-вот и все, чем может гордиться эта ваша Лапина. За какие заслуги ее

терпит начальство-сами догадайтесь. Вот поэтому она и получает все высокие посты, ей достаются важные командировки. А мой Борис Иванович сидит на кафедре уже больше десяти лет, а он ведь ученый. И все из-за этой стервы. — тут Ольга заметила хмурый взгляд с моей стороны. — Она, конечно, может кое-что и умеет, но большинство приписанных ей заслуг она добыла совсем не научным путем.

— Вы хотите сказать, что Маргарита состоит с кем-то из начальства в любовной связи? — я в первый момент даже не узнала свой голос. Меня так взбесила эта женщина со своей клеветой на Ритку, что я не сдержалась.

Соболев удивленно на меня взглянул.

— Задайте этот вопрос своей подруге. — ответила Ольга, выбросив окурок в окно и закрывая его.

— Ну, а сами вы как думаете, Ольга Владимировна? — настаивал Соболев.

Ольга снова села за стол и усмехнулась. Весьма неприятно, должна сказать.

— Я уверена, что в наше время таких высот в столь короткий промежуток можно добиться только одним путем. Через постель.

— Да как вы смеете! — я вскочила, не в силах больше сдерживаться. — Рита порядочный человек!

Ольга рассмеялась. Соболев резко поднялся.

— Спасибо вам, Ольга Владимировна, за содержательную беседу. Всего доброго.

— И вам. И передайте своей подруге, чтобы близко к моему мужу не подходила.

— Да сдался ей ваш старый хрыч! — прокричала я уже с порога- Соболев схватил меня за локоть и силой вывел из кабинета.

Только в лифте, куда меня весьма нелюбезно впихнул капитан, я смогла, наконец, отдышаться и немного прийти в себя.

— Пустите. — я дернула локтем. — Вот уж дрянь! Как она могла только сказать такое о Ритке. — возмущалась я, когда лифт остановился на третьем этаже, мы вышли и направлялись в подсобку.

— Зачем вы стали ее провоцировать? Разве мы за этим туда пришли? — накинулся на меня капитан.

Я вытаращила на него глаза.

— Я что должна была сидеть и слушать, как она поливает грязью мою подругу?

— Вы там были не для этого. Если бы я знал, что вы не способны держать себя в руках, никогда бы не взял вас с собой.

Я остолбенела.

— Вы что серьезно?

— Более чем. — Соболев провел рукой по волосам, вздохнув. — Кира Юрьевна, допрос должен проходить в спокойной атмосфере, иначе это балаган какой-то получается. А мы с вами расследуем серьезное дело. Тут эмоции ни к чему. В ваших же интересах мне помогать, а не устраивать истерики на пустом месте.

Я вошла в подсобку, и села на маленький диван. Соболев остался стоять у окна.

— Простите меня. Из-за моей глупости, мы так ничего и не узнали у Ольги. — я смотрела на спину Соболева. Он глядел в окно, я видела лишь его сжатые в замок руки.

Наконец, он повернулся ко мне. И улыбнулся.

— Ну, кое-что мы все-таки узнали.

— Что же?

— Что Ольга ненавидит вашу Ритку, возможно, даже больше, чем ее бывший муж. А это уже называется мотив.

— Думаете, Ольга причастна ко всему, что у нас тут твориться? — я с сомнением покусала губы. — Не кажется ли вам, что Ольга мелковата для такого серьезного преступления?

Соболев задумался.

— В том-то и дело, что кажется. И именно по тому, что все не сходится, я и злюсь. Ощущение, что мы с вами бродим в темном лесу, в поисках дорожки. А ее как будто никогда там и не было.

— Сложная метафора. Но общей смысл мне понятен.

Мы помолчали. В моей голове роилась куча мыслей, я не была способна остановиться на чем-то одном, о чем размышлял Соболев мне было не известно.

— Кстати, вы заметили, как она нервничала в нашем присутствии? — спросила я.

Соболев кивнул.

— Это мне тоже кажется немного странным. Чего так переживать? Подумаешь, допрос. Я же ее не в отделение пригласил. Просто побеседовали. Нет, что-то здесь не чисто. Знать бы что.

Снова наступило молчание.

Спустя какое-то время, Кирилл Сергеевич вновь обратился ко мне:

— Если вы здесь закончили, то можем ехать.

— Куда?

— К антиквару, вы что забыли?

Я открыла рот от удивления.

— Вы все еще хотите, чтобы я поехала с вами? После того, как я испортила вам разговор с Ольгой? Вы уверены?

Капитан улыбнулся.

— Вы теперь вроде как мой напарник. Будем считать, что первый блин комом. Но впредь очень надеюсь на ваше благоразумие.

Я торжественно подняла руку.

— Обещаю.

Когда спустя сорок минут мы подъехали к антикварному салону, было уже достаточно темно. Зимой всегда темнеет рано, но сегодня прямо какая-то чернота окутала улицу. Старенький джип Соболева погряз в снегу, пришлось изрядно расчистить его, прежде чем войти в лавку, иначе назад бы мы точно не уехали.

Наконец, оказались внутри салона. Там было очень много всяких незнакомых мне вещей. Драгоценности были выставлены на прилавках, оружие и именные сабли висели на стенах. Старинные камни в высоких стеллажах до самого потолка. Свет в салоне был приглушенный, а на входе зазвенел колокольчик, стоило нам войти. За большой стойкой никого не было, но на звон колокольчика вдруг появился невысокий мужчина с длинной белой бородой и в очках. Ну прямо Мерлин из мультика про волшебника, подумала я. Откуда он взялся я так и не поняла. Никаких дверей за его спиной не отыскалось. Он просто в одно мгновение возник — и все тут. Я уставилась на Соболева в недоумении.

— Не пытайтесь разгадать эту тайну, Кира Юрьевна. Я сам уж сколько раз сюда приезжаю, все удивляюсь, откуда он появляется. — шепотом сказал мне капитан.

Я кивнула и пошла вслед за своим напарником.

— Кирилл Сергеевич, дорогой. — буквально пропел старик за прилавком, раскинув руки в приветственном жесте.

— Здравствуйте, Альберт Эммануилович. — они обнялись и расцеловались.

Я наблюдала с большим интересом. Занятно, сколько еще у Соболева таких необычных знакомых.

Тем временем Альберт Эммануилович заметил меня.

— Вы привели даму. Очень рад за вас. — странный антиквар взял мою руку и поцеловал, приведя меня в состояние некоего недоумения. Я даже не помню, целовали ли мне когда-нибудь раньше руки. — Как вас зовут, милая барышня?

Милая барышня от изумления даже забыла собственное имя. Только хлопала глазами.

— Это Кира Юрьевна. — ответил за меня Соболев, со смехом поглядывая в мою сторону. Видимо, выглядела я весьма растерянной.

— Замечательное имя. — снова заговорил странный старик. — И девушка очаровательная. Ваша невеста, Кирилл Сергеевич?

Я смешалась, покраснела под взглядом антиквара и вытащила свою руку, наконец, из его цепких пальцев. Соболев тоже немного растерялся. Но лишь на мгновение.

— Это моя напарница, мы расследуем дело о краже. И нам нужна ваша консультация. Если, конечно, это возможно.

Старик улыбнулся, качая головой.

— Для вас, дорогой мой, все, что пожелаете.

Он уселся на стул, что стоял возле стойки, предложил мне занять соседний, только Соболев остался стоять.

— Что именно вас интересует?

— Альберт Эммануилович, мне нужно знать, не слышали ли вы о продаже саркофага или мумии Хаемуаса? Я знаю, вы в курсе всего, что происходит на рынке сбыта драгоценных вещей.

Антиквар согласно закивал, с интересом поглядывая на Соболева.

— Вы говорите о той мумии, что исчезла из Национального музея истории не так давно? — уточнил старик.

Я по-новому взглянула на странного человека. Похоже, Соболев прав-если кто-то и сможет нам помочь, то это он. Если, конечно, будет что рассказать. В чем я сильно сомневалась.

— Да, принц Хаемуас исчез. Точнее его мумия. Вот я и хотел бы узнать, ходят ли какие-нибудь слухи об этом среди ваших коллег? Сами понимаете такая находка и вдруг пропала.

Альберт Эммануилович согласно закивал.

— Вы верно подметили, Кирилл Сергеевич. Такая находка. Я скажу вам то, что мне известно. Никто не пытается продать останки мумии, да и странно это было бы, если честно.

— Почему? Может быть драгоценности с саркофага где-то всплывали? — не сдавался Соболев.

Альберт Эммануилович лишь усмехнулся.

— Сразу видно, дорогой мой, что вы совсем не разбираетесь в искусстве.

— Что вы хотите сказать?

Старик хитро прищурился.

— Есть вещи, ценность которых не измеряется в евро или каратах. Их ценность в ни с чем не сравнимом прикосновении к истории.

Я в очередной раз уважительно посмотрела на старого антиквара. Он был абсолютно прав. Соболеву это было бы сложно понять, но действительно, ценность Хаемуаса для истории была безграничной. И деньги тут были совершенно ни при чем.

— Это все лирика. Кто-то осмелился нарушить видение прекрасного, и решил заработать денег. Немалые, кстати, бабки дают за такую ценную мумию. — сказал Кирилл Сергеевич, облокотившись о стеклянную стойку.

Я покачала головой, а Альберт Эммануилович откровенно рассмеялся.

— Мальчик мой, вы совершеннейший профан в этом, вот вам и кажется, что все так просто. Украл-продал-заработал денег.

— А разве это не так? — начал злиться Соболев, задетый тем, что его назвали профаном.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы капитан не заметил.

— Это как украсть «Тайную вечерю». — сказала я, обращаясь скорее к старому антиквару, чем к своему напарнику.

— О, я вижу девушка разбирается. — оценил мою реплику Альберт Эммануилович.

Я кивнула ему. Соболев переводил взгляд с одного на другого, и явно тяготился тем, что его как бы не пускали в наш кружок по интересам.

Наконец, антиквар решил сжалиться над своим давним другом и объяснил:

— Вещь уникальная, но кому ее предложишь? Сразу станет понятно, что она краденая.

— Ааа... — протянул Соболев, кажется начиная понимать, что мы хотели сказать. — Альберт Эммануилович, а вы уверены в этом? Я вам, конечно, доверяю, но, сами понимаете, моя работа вернуть мумию в музей.

— Конечно, я понимаю. И я абсолютно уверен в том, что говорю. Не стоит искать такую драгоценность на черном рынке. Ее там нет. Лучше подумайте, кому выгодно было бы ее исчезновение.

Простившись с необычным антикваром, мы с Соболевым покинули салон. На улице уже возле машины капитан остановился.

— Вы согласны с ним, да?

Я тоже остановилась и взглянула на мужчину.

— Скорее всего он прав. Маленький процент вероятности того, что кто-то все же похитил Хаемуаса с целью обогатиться, конечно существует. Но я сильно в этом сомневаюсь.

— Это очень плохо.

— Почему?

— Потому что возвращает нас к начальной точке. Знаете, обычно говорят «ищи, кому выгодно». В данном случае, видимо, речь идет не о деньгах.

— Может нам и стоит искать, кому выгодно, но не с точки зрения именно денег. — предложила я, размышляя. — Возможно, тут что-то еще, о чем нам пока не известно.

Соболев немного подумал, видимо, ничего не решил и направился к машине. Оказавшись в тепле салона, я спросила:

— Какие планы на завтра?

— Пока не знаю. Думаю, надо лучше присмотреться к Синицкому.

— Так за ним же ведут наблюдение ваши сотрудники или нет?

— Ведут. Но пока безрезультатно. Ладно, на сегодня хватит с нас, как думаете?

— Полностью поддерживаю.

— Давайте по домам. Утро вечера...

Я кивнула, и мы тронулись. В полнейшей тишине размышлять было очень удобно, но мой мозг уже просто сбивался от количества мыслей. Я даже ощущала небольшую головную боль в висках. Я перевела взгляд на своего спутника. Он тоже выглядел уставшим. Да, он абсолютно прав, нам просто необходим отдых.

Тут у меня зазвонил мобильный. Взглянув на дисплей я с удивлением ляпнула:

— Андрюша? — мне показалось, что тихо, но Соболев услышал и повернулся в мою сторону.

— Это кто такой?

— Друг, помните, я вас знакомила в баре. — пролепетала я, отвечая на звонок. — Алло.

— Здравствуй, Кира.

— Здравствуй.

— Как поживаешь?

— Спасибо, все хорошо. А ты?

— У меня тоже все благополучно. Кир, я подумал, мы с тобой так хорошо провели тогда вечер, может встретимся еще раз?

Я задумалась, гадая, слышит ли капитан наш разговор. Его вроде бы совсем не волновало, с кем я говорю по телефону, он смотрел прямо на дорогу. О чем думал он в тот момент, было мне неизвестно. Мне показалось, что ему абсолютно наплевать, кто мне звонит и зачем.

— Да, мне тоже понравилось наше свидание. — сказала я довольно громко, чтобы Соболев слышал. — С удовольствием его повторю.

Мы договорились о следующей встрече, и я закончила разговор. Соболев не произнес ни слова. Молча довез меня до дома, высадил у подъезда и, кивнув на прощание, развернулся и уехал. Недоумевая, я отправилась спать.

КИРИЛЛ

Я долго сидел в машине возле дома Макеевой. Было еще совсем не поздно повернуть назад и уехать. Но я убеждал себя, что нужно подняться наверх. В последнее время мы часто ругались с Настей, она ревновала меня буквально к каждому столбу. Такое не всякий вынесет. Особенно ее злило, что я общаюсь с Кирой Юрьевной. Она названивала мне по стс раз на дню, если мы не сидели вместе в отделе. И всегда хотела знать, где я нахожусь и с кем. Я пытался с этим бороться, объяснял Насте, что нет у меня с Брусникиной никаких отношений, но тщетно. Она не хотела верить, чем приводила себя и меня в состояние постоянного ожидания новой ссоры. И это было просто невыносимо. Сегодня мы договорились, что я приеду к ней после встречи с антикваром. Я вынужден был скрывать свои посещения музея, свои переговоры по телефону с Кирой Юрьевной, про вечер в квартире Лапиной я вообще старался не думать. Как и про поцелуй, который позволил себе под действием алкоголя и глаз Брусникиной.

В тот день мы ужасно повздорили с Макеевой, я ушел от нее прямо среди ночи. И подумал тогда о Брусникиной. Оказалось, она еще более странная, чем я ожидал. И слава богу, что я вовремя выяснил, на какие подвиги она способна ради себя и своей Ритки. Теперь она была у меня под присмотром и не станет делать глупости. Я очень на это рассчитывал. Впрочем, пока что мы вполне мирно играли в напарников. Я старался относиться к ней, как

к младшей сестре, которую нужно опекать. В каком-то смысле так оно и было. Кира Юрьевна казалась мне эдаким тепличным растением, которое требовало особого ухода. Некой трепетной заботы что ли. Впрочем, я и сам с трудом мог бы описать свое отношение к ней. В идеале, чтобы я вообще о ней не думал. Ни в каком смысле. Мне тогда было бы куда проще жить.

Я вспомнил ее сегодняшний разговор по телефону. Она согласилась пойти на встречу с этим Андреем. Снова. Значит, он ей нравился. К тому же, я напомнил себе о том, что мне было известно. Кира Юрьевна, очевидно, до сих пор была влюблена в своего Антона, хоть и не отдавала себе в этом отчета. По крайней мере ее рассказ об этом, когда мы сидели в кафе, был весьма эмоциональным. Столь же эмоциональным, как и ее ответ на мой поцелуй. Черт, сотри эти мысли, Кирилл!

Тут у меня зазвонил мобильный. Я взглянул на дисплей и вздохнул. Настя.

— Привет, а ты где? — спросила она, едва я успел поздороваться.

— Вот подъехал к твоему дому.

— Поднимайся, я тебя жду.

— Уже иду.

Я вышел из машины. Да, мне определенно стоит наладить отношения с Настей и постараться относиться к Кире Юрьевне более отстраненно. Так всем будет лучше. Я вошел в подъезд.

Макеева ждала меня с накрытым на столе ужином. Вполне мирно встретила, поцеловала, помогла раздеться, усадила за стол. Достала бутылку виски из шкафа.

— Выпьешь или тебе еще за руль?

Вопрос с подвохом. Означал, останешься ли ты на ночь или поедешь к себе. И вот так всегда. Нет бы просто спросить, прямо, безо всяких уловок. Но нет, Настя так, видимо, не умела. Я протянул ей свой стакан.

— Пожалуй выпью. День был хлопотный.

— Расскажи.

— Был в музее, говорил с женой Синицкого Ольгой. Весьма странная особа.

— Был в музее? — повторила Макеева. Я прямо кожей ощутил, как она напряглась при этих словах.

— Ну да. Она же там работает. — я постарался ответить, как можно спокойнее.

— С кем еще беседовал?

— Насть, если тебя интересует видел ли я Брусникину, так и скажи.

— Да мне все равно. Я так спросила, разговор поддержать. — хмыкнула она, разливая виски в стаканы. Один протянула мне.

— Отлично. — я сделал большой глоток. — Был у Альберта Эммануиловича, ты помнишь, антиквар, он нам помог в деле Косого пару лет назад.

— Помню, конечно. Занятный старичок.

— Точно. Ну так вот, он утверждает, что вряд ли похититель мумии украл ее с целью наживы. Продать ее практически невозможно. А геморроя с ней не оберешься. Так что совсем не понятно, куда двигаться дальше. В общем, я зашел в тупик. А ты чем порадуешь?

Настя только развела руками.

— У нас тоже глухо. Мы с Сашкой полдня проторчали возле дома этого Синицкого, ничего особенного не заметили. Опросили его соседей, все говорят, что он отличный мужик, уважаемый и так далее. И жена его прекрасная женщина. Так что глухо, как в танке.

— Завтра сам буду за ним следить. Если ничего интересного не замечу, снимаем наблюдение. Надоело. Столько времени на него потратили.

— Пожалуй. Кстати, мы просмотрели всех молодых воришек, что есть у нас в базе, никто из них не подходит под описание человека, прострелившего тебе руку. И явно не один из этих ребят не способен спуститься с крыши девятиэтажного дома. Тут нужна особая подготовка, ты так не думаешь?

— Альпинист что ли ты хочешь сказать?

Настя кивнула.

— Как вариант. Это было бы логично, ты не находишь?

— Думаю, ты права. Но не можем же мы объехать все альпинистские клубы в городе с фотороботом человека в профиль, при чем весьма сомнительным.

— Не можем.

Мы помолчали.

— Что еще новенького в музее?

— Да ничего. Экскурсии оказывается бывают весьма занятные.

Настя многозначительно взглянула на меня сквозь стакан.

— Раньше ты терпеть не мог музеи. — заметила она.

— Я и сейчас их не очень люблю. — подавив в себе желание сказать что-нибудь грубое, ответил я. — Дело не в музеях, а в гиде, который ведет экскурсию.

— Значит, Брусникина покорила тебя своим талантом рассказчика? Ну-ну.

Я залпом выпил свое виски и поставил стакан на стол. Макеева явно была настроена на очередную ссору. Меня это уже в конец достало.

— Настя, при чем тут Брусникина? Я тебе уже сто раз говорил, что у меня с ней ничего нет, и не было.

— А не будет — не сказал. Неужели это только вопрос времени?

Я взорвался. Вскочил со стула, сунул руки в карманы, сделал несколько стремительных шагов по комнате, призывая себя к спокойствию.

— Тебе не надоело выдумывать несуществующие романы? Ты меня уже скоро станешь к Сашке ревновать. Или, вон, к Махову. В конце концов, это просто нелепо. Ты сама разве не видишь?

— Я вижу, Соболев, что ты от меня постоянно что-то скрываешь. Ты стал меня избегать, мы вдвоем не были уже так давно, что я и не вспомню дату. И после этого ты говоришь, что я выдумываю?

— Ты сама виновата. Ты контролируешь каждый мой шаг. Мы сидим с тобой в отделе по восемнадцать часов в сутки, а тебе все кажется, что стоит мне уйти, как я тут же помчусь налево. Разве я давал тебе повод? Мне кажется, нам пора разобраться в этой ситуации.

— Да, давай разберемся. Сколько мы так с тобой уже? Почти два года? Раньше все было замечательно. До появления этой Брусникиной.

— Ты права, все действительно стало иначе. Только Брусникина здесь ни при чем.

Тут Настя тоже вскочила.

— Так что же изменилось, Кирилл? Я люблю тебя по-прежнему, я всегда рядом с тобой.

Я посмотрел в ее умоляющие глаза. Никогда не думал, что этот взгляд когда-то сможет меня раздражать.

— Ты сама сказала: что-то изменилось.

Настя схватила меня за полы пиджака и нервно спросила:

— Ты меня любишь?

— Насть...

— Просто ответь на вопрос!

— Ты давишь на меня, Настя. — я расцепил ее пальцы и отошел к столу. Налил себе виски, снова залпом осушил стакан. Макеева стояла посреди комнаты с опущенными руками. Мне было ее так жалко, что я просто не находил никаких слов.

— Я давлю. — наконец, произнесла она. И расхохоталась. Она смеялась так громко, что я уже подумал, что у нее началась истерика. Но вдруг она замолчала и вновь посмотрела на меня: — А как мне не давить, если ты так поступаешь?

— Я не знаю, что тебе сказать.

— А ты уже все сказал. Просто признайся, и мы, наконец, поставим все точки над і.

— Да в чем я должен признаться? — устало спросил я.

Этот разговор меня просто добил.

— Ты боишься, Соболев. Ты всегда боишься перемен. Потому и ведешь себя, как полный придурок.

Я поднялся.

— Думаю, мне лучше уйти. Иначе ты сейчас наговоришь такого, о чем потом будешь жалеть.

Я подошел к Насте и обнял ее. Она вцепилась в меня так крепко, словно боялась, что я сбегу.

— Останься. Я так люблю тебя, я так скучаю.

Я расцепил ее объятие, затем наклонился и поцеловал в висок.

— Завтра поговорим.

Она не пошла провожать меня до двери, как делала раньше. И я подумал о том, что Настя в чем-то права: все и правда изменилось. И теперь уже ничего не будет, как раньше. Хорошо это или плохо, я пока и сам не знал. Я действительно не любил перемены. Она и тут оказалась права. Я усмехнулся, подивившись тому, насколько хорошо знает меня эта женщина. Но, видимо, одного этого знания было недостаточно.

Оказавшись в машине, я услышал, как разрывается мобильник в моем кармане. Но не успел ответить. Достав телефон, обнаружил три пропущенных от Брусникиной. Надо же, мы так ругались, что я не услышал звонка. Сейчас был не самый подходящий момент для разговора с этой женщиной, но я все же набрал номер. Думаю, она не стала бы звонить так поздно по пустякам.

Трубку Кира Юрьевна взяла практически сразу.

— Ну наконец-то! — это было первое, что я услышал. — Я вам уже три раза звонила!

Голос взволнованный. Я насторожился.

— Что-то случилось?

— Мне только что звонили.

— Кто?

— Не знаю. Он не представился. У него такой голос...просто жуть. Я до сих пор трясусь от страха.

— Кира Юрьевна, успокойтесь. И расскажите все по порядку.

Она громко вздохнула, очевидно пытаясь справиться с эмоциями. Наконец, ей это удалось, и она продолжила уже более спокойным тоном.

— Он позвонил полчаса назад.

— Номер высветился?

— Не определен.

— Ясно. Продолжайте.

— Он позвонил, я взяла трубку, а он и говорит: «Не будешь лезть не в свое дело — останешься жить.» И сразу пошли гудки. Ну я испугалась и вам позвонила. Все.

Я присвистнул.

— Забегали. Очень интересно.

— Да что вам интересно? Мне угрожали, я боюсь, черт возьми. — воскликнула Брусникина. Я услышал едва ли не всхлип.

— Кира Юрьевна, не надо бояться. Сомневаюсь, что кто-то взаправду собрался вас убить. Один раз уже пытались-не вышло.

— А если попытаются еще раз?

— Нет смысла впадать в истерику. Просто, видимо, кому-то не понравился наш интерес. А это значит, что мы затронули кого-то, кто имеет прямое отношение к нашей мумии. И это просто отлично. Раз пугают вас, значит напуганы сами. Значит нужно ждать развития событий.

Я услышал, как в трубке Брусникина чертыхнулась. И улыбнулся.

— Ну хотите, я пришлю вам полицейский наряд, они будут ходить за вами день и ночь.

— Хочу! — воскликнула Кира Юрьевна скорее просто из вредности. — Ладно, простите меня, не нужно никакой наряд. Я просто перенервничала.

— Ну попросите Риту к вам приехать.

— У нее свидание с немцем.

Я усмехнулся.

— Тогда отправляйтесь-ка спать. Закройтесь на все замки, никому не открывайте и трубки с незнакомых номеров не поднимайте. Я позвоню вам завтра.

— Хорошо. Извините, что так поздно вас побеспокоила. Просто я не знала, к кому еще обратиться.

— Вы правильно поступили, не волнуйтесь. Отправляйтесь спать.

— До свидания.

Простившись с ней, я побарабанил пальцами по рулю. Несмотря на то, что я так легко успокаивал Брусникину, самому мне было совсем не смешно. Кого же мы задели, что он пошёл на такие грубые меры. Звонки по телефону, угрозы — боевик какой-то. Ладно, завтра будет видно, что к чему. Я завел мотор и отправился домой.

КИРА

Утром меня разбудил телефонный звонок. Учитывая, что я полночи тряслась от страха, до трех часов сидела с включенным светом, ждала рассвета и практически не спала, оторваться от подушки мне было крайне сложно. Я лежала на животе, раскинув руки в позе морской звезды и пыталась пальцами добраться до трубки на комод. Это удалось не сразу. В итоге, проигнорировав один звонок, ответила только на второй. А поскольку я лежала лицом в подушку, то и голос у меня был весьма хриплый, так что неудивительно, что узнали меня не сразу.

— Кира, что с тобой? — обеспокоенный голос моей матери заставил сжать зубы. Ну какого черта звонить в такую рань.

— Я сплю, мам.

— Уже девять утра. Почему ты не на работе?

— Мне к обеду только. Ты чего звонишь? — я перевернулась на бок, положила трубку себе на щеку и попыталась вернуться в сонное царство.

— Звоню напомнить тебе, что в этот четверг мы устраиваем рождественский ужин.

— Католический праздник в разгар православного поста-гениальная мысль, — прохрипела я в трубку. Было так хорошо лежать с закрытыми глазами и ни о чем не думать.

— Кира, ты совсем спятила? Мы договаривались об этом ужине заранее. Я уже и Наташу с Андрюшей пригласила. И Даня Яночку позвал.

Меня затошнило уже от одного упоминания этих имен. Что уж говорить о перспективе встретиться с ними лицом к лицу.

— Ма, все будет хорошо. Я помню про ужин, не волнуйся. А теперь можно я еще капельку посплю?

Мама выругалась в трубку и отключилась. Наступила блаженная тишина. Я впадала уже в сонный транс, когда снова зазвенел мобильник. Я так вздрогнула от неожиданности, что телефон свалился с моей щеки на пол.

— Ну что еще! — я стала шарить рукой под кроватью, наконец, достала его и ответила:

— Ма, я все помню, дай же мне поспать.

В трубке кто-то рассмеялся.

— Простите, что разбудил, Кира Юрьевна.

— Кирилл Сергеевич! — я резко села на кровати и разлепила сонные глаза. — И вовсе я не сплю.

— Я думаю, вам стоит подъехать ко мне.

— А вы где?

— У дома Синицкого. Он как-то чересчур нервничает. Мне кажется, что сегодня произойдет что-то важное.

— И вы хотите, чтобы я присутствовала? — спросила я с сомнением, ища тапки под кроватью.

— Да. Приезжайте, я вам адрес смс вышлю.

— Хорошо. Я буду, — тут взгляд мой упал на часы. Я чуть не застонала с досады. — В

десять, если не возражаете.

— Я вас жду.

Закончив разговор, я поплелась в ванную. Ну кто придумал вставать в такую рань. Широко зевнув, я спешно стала приводить себя в порядок.

В десять минут одиннадцатого я была возле дома Бориса Ивановича. Он жил в обычном спальном районе, в центре. В серо-зеленом панельном доме с восемнадцатью подъездами. И его был как раз самый последний. Зло чертыхаясь, я почти пятнадцать минут шла по заледенелому тротуару к заветной цели, то бишь нужному мне подъезду. Неловко лавируя, словно училась кататься на коньках, я чертыхалась, жалея, что надела сапоги на каблуке. И распинала на чем свет стоит мастеров, в чей гениальный ум пришла идея построить дом такой длины. Вдоль подъездов тянулась бесконечная вереница машин, очевидно принадлежащих жильцам. Я упорно пыталась отыскать взглядом авто Кирилла Сергеевича, но тщетно. Только остановившись, наконец, перед подъездом с номером восемнадцать на боку, я услышала, как мне приветственно посигналили. И обернулась. Соболев припарковался на выезде в арке, чтобы особо не светится, но самому наблюдать за всем, что происходит во дворе. Заметив его джип, я подошла и постучала. Он открыл мне дверь, я протиснулась в салон. Сделать это было довольно сложно-в руках у меня было два больших стакана с кофе и пакет с круасанами.

— Доброе утро, — улыбнулся Кирилл Сергеевич при виде меня.

— Я принесла завтрак, — один стакан протянула капитану. — Почти не спала сегодня и поесть не успела.

Соболев рассмеялся, достал из пакета круасан, стал жевать, запивая кофе.

— Вкусно. Я тоже еще не завтракал.

Только сделав глоток горячего черного кофе я, наконец, смогла задавать вопросы.

— Почему вы решили, что должно что-то произойти? Из-за вчерашнего звонка?

Тот кивнул.

— Вчера Синицкий вел себя абсолютно нормально. А сегодня за утро уже трижды выбегал из дома и возвращался назад. Его жена ушла к восьми на работу, а он даже и не торопится. Хотя я проверил-у него сегодня лекции. А он тут сидит и явно нервничает.

Я задумалась, едва не ошпарив язык.

— Интересненько. Будем ждать, когда он появится снова?

— Точно.

— А что потом?

— Там видно будет. Конечно, может я и ошибаюсь, и мы глупо проторчим здесь полдня...

— Мне к четырем на экскурсию, — напомнила я скорее себе, чем ему. — Последняя в этом году.

Соболев взглянул на меня в упор своими светлыми глазами.

— Выходит, закончилась ваша работа в музее?

— Да, теперь экскурсии будут уже только после праздников. В новом году. К тому же, я ведь только заменяла Риту.

— Понятно.

Мы помолчали.

— Думаете он попытается продать останки Хаемуаса? — с сомнением произнесла я.

Соболев покачал головой.

— После разговора с антикваром, мне пришла в голову совсем другая мысль.

— Какая же?

— Что, если он не собирался продавать кости?

— То есть как?

— Да очень просто. Страховка останков отличный вариант прибыли для Бориса Иваныча в том случае, если ему не удастся продать мумию.

— Об этом я как-то не думала. А ведь вы, возможно, правы. Такую ценную вещь просто обязаны были застраховать.

— Вот. Что, если Синицкий просто перепрятал Хаемуаса в надежное место и ждет, когда получит приличную пенсию. Вы знаете, что он собрался увольняться?

— Борис Иваныч? — Я удивленно покачала головой. — Ни в музее, ни в институте об этом не говорят ни слова.

— Я узнал совсем недавно. А теперь подумайте: он всю жизнь работал в этом институте. Он отдал ему столько лет, а что получил взамен? Его звездный час был давным-давно, и выше этого события ему прыгнуть так и не удалось. И вот он решает поквитаться со всеми обидчиками. С бывшей женой, и с руководством музея, которое его не оценило по заслугам. И крадет мумию, зная, каких больших денег стоит эта находка. Все в панике.

— Но как он получит страховку? Ведь если она застрахована, то скорее всего через музей, как и все остальные ценности. Не сходитесь тогда, — внесла я в складный рассказ Соболева резонанс.

Он мотнул головой.

— Это предстоит, конечно, выяснить. Но сам план мне кажется не таким уж и невыполнимым. Как думаете?

Я задумалась. Под мирное жевание Кирилла Сергеевича мне в голову пришла идея. Я полезла в сумку и достала мобильный. Соболев поглядывал на меня с недоумением, но вопросов не задавал. С минуту я сидела молча, потом набрала номер. Подружка ответила со второго гудка.

— Ритка, привет.

— Привет. Как дела?

— Нормально. Слушай, дело есть к тебе. Ты можешь как-нибудь осторожно узнать у руководства музея, была ли застрахована наша мумия?

— Зачем тебе это?

— Есть одна мысль, хочу ее проверить.

— Тебе срочно надо?

— Как можно быстрее, если получится.

— Ну хорошо. Я поспрашиваю, — пообещала Ритка.

— Большое тебе человеческое спасибо.

— Пока не за что, — отозвалась подруга и отключилась.

Я победно взглянула Соболеву в глаза.

— Узнает. Обещала.

— Отлично. Думаю, учитывая связи Маргариты, она получит эту информацию гораздо быстрее, нежели я буду посылать своих людей.

Последующие три часа прошли в томительном ожидании. Соболев сказал, что очень скоро события начнут развиваться, но пока было глухо. Я даже успела заснуть, пока капитан внимательно следил за подъездом Синицкого. Ему, видимо, было не привыкать сидеть

часами в засаде. Мне же это испытание давалось с большим трудом. Сперва мы пытались общаться на какие-то отвлеченные темы, но мысли все время возвращались к мумии, стрелку и Борису Иванычу, так что особо поболтать не удалось. И в итоге я почла за лучшее поспать. Как раз и время быстрее пролетит. Если бы. Спать на жестком сидении было крайне неудобно. Я все время вертелась, укладываясь то так, то эдак. В итоге скрутилась калачиком, голову положила на свой локоть и так задремала. Мне снилось море, такое синее-синее, шум прибоя приятно убаюкивал. Солнце светило, чайки пели, а я все качалась на волнах, как в колыбеличке. Пока одна волна не подкинула меня с такой силой, что я проснулась и распахнула глаза. И поняла, что никакая это не волна, а всего-навсего машина движется, и мы наехали на лежачего полицейского. Причем, Соболев весьма недобродушно проехался колесами по своему дорожному коллеге.

— Почему вы меня не разбудили? — Накинулась я на капитана.

Он и бровью не повел.

— Пока ничего особенного не происходит. Синицкий вышел из дома с портфелем в руках. Сел в машину и движется как раз перед нами.

— Он же препод, может в портфеле лекции, — предположила я, смотрясь в зеркало и приглаживая волосы после столь короткого и беспокойного сна.

— Может и лекции, да вот только едем мы в противоположном от института направлении, — капитан указал мне на старенькую хонду, движущуюся в соседнем ряду. Между нами было около пяти машин, и я понятия не имела, как Соболев умудряется не терять из виду нужное нам авто в таком потоке. Дорога была с четырьмя полосами, время обеденное, пробки, так что следить за машиной Синицкого было весьма непросто. Но, разумеется, капитан справлялся с этим заданием блестяще.

Я уже настроилась на очередное долгое ожидание, как вдруг машина бывшего Ритинового мужа свернула к высокому торговому центру. И остановилась на стоянке. Синицкий выбрался на улицу, огляделся по сторонам.

— Может он на обед заехал? — предположила я, наблюдая, как он двинулся в правую сторону от торгового центра.

— Нет, тут все интереснее, — с улыбкой протянул капитан, барабаня пальцами по рулю.

Я взглянула на него с недоумением.

— Что там находится вы, конечно же, знаете?

— Альфа-Банк, — ответил Соболев, чем привел меня в замешательство. — Определенно, намечается что-то интересное.

— Да может он просто зарплату с карточки снимает, — не сдавалась я.

— В банке? На другом конце города? — Соболев хмыкнул. — Кира Юрьевна, ну вы меня умиляете. Нет. Тут дело куда серьезнее. Давайте немного подождем и все само прояснится.

Я согласилась. Синицкий пробыл в банке где-то минут двадцать, назад вышел еще более нервный, чем, когда входил. Он поминутно оглядывался, и крепко прижимал к груди свой черный портфель.

— Что же он так волнуется... — протянула я, внимательно наблюдая за перемещениями мужчины по стоянке.

— Скоро узнаем, — ответил Соболев, заводя мотор.

Синицкий сел в свою хонду, и мы дружным картежом снова выехали на дорогу.

— Торопится, — заметил капитан мимоходом, прибавляя скорость.

— И едем мы опять не в институт, — констатировала я с прискорбием.

Выходило, что Борис Иванович, действительно, замешан в каких-то нехороших делах. Оставалось выяснить в каких, и имеют ли эти дела отношение к нападению на меня и краже мумии из музея.

Тем временем Соболев кому-то звонил. Я слушала в пол-уха. Оказалось, в отдел, лейтенанту Ковалеву.

— Саня, он был в Альфа-Банке на Маяковского примерно полчаса. Вышел весьма нервный. Узнай, что он там делал. И поскорее, если можно.

— Полиция может отслеживать банковские операции? — Удивилась я.

Соболев кивнул.

— Если очень надо, мы все можем.

Ответ был более, чем исчерпывающий. Я не стала задавать капитану очередные глупые вопросы. И сосредоточилась на машине впереди нас. Очень надеюсь, что из-за своего нервоза Синицкий не заметил, что за ним следят. Наконец, мы снова остановились. На этот раз у маленького кафе на окраине квартала. «Манеж» гласила вывеска. Наш нервный приятель припарковался рядом со входом. Мы встали чуть поодаль. С портфелем в руках Синицкий проследовал в кафешку, попеременно оглядываясь. Мне показалось, что он нервничает еще больше, чем прежде.

— Вам нужно пойти туда, — вдруг резко бросил Соболев, и полез в бардачок.

— Да вы что? А если он меня узнает?

— Постарайтесь быть незаметной. Да, и вот еще, наденьте это, — капитан извлек из бардачка пакет.

На свет божий появился белый парик с длинными локонами и черные очки. Я устала на Кирилла Сергеевича во все глаза.

— Вы возите с собой парик? Чего еще я о вас не знаю?

Соболев улыбнулся.

— Это была моя самая страшная тайна. Больше нету. Надевайте, идите в кафе и постарайтесь посмотреть, что там будет происходить.

Я вздохнула.

— А вы не думаете, что я буду выглядеть странно?

— Почему?

— Женщина в пуховике и солнечных очках не вызывает у вас подозрений?

— Никаких. Идите же, мы теряем время.

Я со вздохом натянула парик и очки. Посмотрелась в зеркало.

— Тихий ужас.

— Зато вас совершенно невозможно узнать, — сказал Соболев, хлопнул меня по плечу и буквально вытолкнул из своего джипа. — Я на вас надеюсь. Удачи.

— Спасибо, — буркнула я, направляясь ко входу в «Манеж».

Ноги утопали в сугробах, голова чесалась с непривычки, очки спадали на нос-корочке, чувствовала я себя лучше всех. На входе в кафе на миг замерла и с грустью обернулась на машину капитана. Он показал мне большой палец, поднятый вверх, и я попыталась воспрять духом.

В маленьком помещении было достаточно многолюдно. Обеденное время, сообразила я. Повесив пальто на вешалку у входа, я тряхнула локонами и направилась к барной стойке.

Бармен даже не выказал никакого удивления при виде женщины зимой в очках в помещении. Думаю, что в наше время он уже просто привык ко всему. Из чего я сделала вывод, что подозрений действительно не вызываю. Поздравив себя с первой победой, я заняла место с краю, заказала чашку капучино и осторожно огляделась. Риткин бывший обнаружился за столиком в самом темном углу кафе. Он сидел один, боком ко мне и время от времени оглядывался, прижимая к груди свой портфель. Перед ним стоял стакан с соком, к которому мужчина даже не притронулся. Он явно кого-то ждал.

Я успела выпить свой кофе, а Борис Иванович по-прежнему сидел один. Изрядно подустав пялиться на напитки в баре, я старательно изучала количество кирпичиков на стене возле кофе машины. Бармен давил на меня такого косяка, что я немного занервничала. В этот момент рядом с Синицким как раз и возник невысокий молодой человек. Он сел напротив Бориса Иваныча, практически лицом ко мне. Я осторожно обернулась через плечо. Темноволосый, глаза карие. Спортивного телосложения. Одет во все темное. Я сделала вывод, что никогда ранее нам с ним встречаться не приходилось. Куртку снимать не стал, значит, не на долго, решила я. Так и оказалось. Посидев минут десять и о чем-то пошептавшись с Синицким, незнакомец улыбнулся — Борис Иваныч осторожно передал ему свой портфель.

Не особо рассчитывая на удачу, я достала мобильный. Прикрываясь длинными локонами, навела зум на максимум и сделала снимок. Слава богу, эти двое были так заняты друг другом, что на мои действия не обратили никакого внимания. А я быстро расплатилась, схватила свое пальто и стала пробираться к выходу. Что-то подсказывало, что ничего интересного я здесь больше не увижу.

Вернувшись в машину к Соболеву, я плюхнулась на сидение. И только тут смогла отдышаться-оказывается я изрядно переволновалась от такого приключения.

— Ну что там? — спросил Соболев.

Я стянула жаркий парик, сняла очки и победно улыбнулась.

— Вы были правы. Что-то происходит. Синицкий отдал свой портфель какому-то человеку. Думаю, он скоро выйдет из кафе. Мы могли бы за ним проследить.

— О, да вы втянулись в процесс, — рассмеялся капитан.

Я кивнула.

— Работа под прикрытием вдохновляет. Смотрите, Борис Иваныч, — я указала в сторону входа в «Манеж».

Там действительно стоял Риткин бывший муж, без своего портфеля. Поглядел на небо, подышал свежим воздухом и направился к машине.

— Что делаем? Поедем за ним или подождем незнакомца? — спросила я.

Соболев с минуту подумал и ответил:

— Будем ждать его друга. В конце концов, Синицкого мы всегда найдем. А вот этого другого можем упустить.

— Согласна.

Но удача в тот день от нас уже отвернулась. Мы прождали почти час, но незнакомец в черном так и не появился. Кстати, я подумала о том, что мы не видели, каким образом он оказался внутри изначально. Это сбивало с толку.

— Он давно ушел, — наконец озвучил Соболев мои собственные мысли.

— Может я еще раз схожу туда? Вдруг он просто заказал себе обед и долго его жует? — предложила я скорее просто так. Мне было абсолютно ясно, что неизвестного мы упустили.

— Ладно, идите, думаю, теперь можно парик не надевать, — разрешил Соболев и я быстренько выбралась из машины.

Пока шла в кафе, у меня затрезвонил телефон. Звонила Ритка.

— Короче, Кирюха. Я насчет твоей просьбы.

— Что узнала?

— Кости Хаемуаса не были застрахованы.

— Как? Ведь такая ценность! — я даже рот открыла, слушая подругу.

— Да вот так. Никакой страховки не оформлялось, потому что не было смысла-ну кто станет воровать мумию, которая является историческим наследием? Это как украсть Джоконду, понимаешь?

— Что ты сказала? — удивилась я, поняв, что Ритка мыслит совсем как я. Нечто подобное я говорила антиквару в салоне.

— В общем, я информацию тебе дала, что ты будешь с ней делать?

— Пока не знаю. Подожду капитана. Спасибо тебе, Рит, — я отключилась и задумалась.

Но не успела сделать никаких выводов на фоне новой информации, потому что вошла в «Манеж». Быстро огляделась, присвистнула и обреченно поплелась назад. Открыв машину, забралась на свое сидение и развела руками.

— Нет его в кафе. Точно ушел.

— Вот черт, — капитан стал барабанить пальцами по рулю, чем привел меня просто в бешенство.

Но я заставила себя молчать.

— Рита узнала, что Хаемуас не был застрахован, — сказала я спустя какое-то время.

Соболев со злостью ударил по рулю и повторил:

— Черт.

Я покачала головой. Очередная наша версия летела в тартарары. И я ничем не могла помочь своему напарнику. Да и себе тоже. Покрутила в руках телефон, раздумывая над сложившейся ситуацией. И вдруг встрепенулась.

— Я же его сфотографировала!

— Что? — Соболев уставился на меня во все глаза.

А я полезла в телефон. И уже буквально через минуту продемонстрировала капитану плоды своей работы-снимок был очень плохого качества, да ещё и на маленьком экране-совсем ничего не разглядишь. Мой энтузиазм погас.

— Блин. А я думала, что такая классная идея с фоткой.

Соболев завел мотор. И растянул губы в улыбке.

— Вы умница. Снимок можно увеличить и отредактировать. У нас будет его лицо.

Мы выехали на проспект, капитан так спешил, что мне пришлось вжаться в сидение-я немного опасалась с ним ездить. Он сейчас был хуже маршрутчиков. Однако, настроение нетерпения передалось и мне. К тому же, я периодически улыбалась во весь рот-ведь капитан сказал, что я умница.

Машина летела, как сумасшедшая и я решила, наконец, спросить:

— Кирилл Сергеевич, куда мы направляемся?

— В отдел. Там есть один хороший человек, который обработает наше фото в сжатые сроки. Я очень хочу взглянуть на этого знакомого Синицкого. Заодно, может Сашка уже пробил информацию по банку.

Когда мы остановились возле отдела, Кирилл Сергеевич выбрался наружу, а вот я

выходить не спешила.

— Что же вы?

— Я лучше подожду вас здесь, — я протянула ему свой телефон — Не хочу, чтобы все знали, что вы приехали со мной, — добавила, стараясь не смотреть Соболеву в глаза.

Но он и так все прекрасно понял. Я не желала встречаться с лейтенантом Макеевой, потому что знала, как она отреагирует на мое появление. Капитан не стал настаивать, и я осталась в машине одна.

На этот раз я честно заснула. Никто меня не беспокоил. Мне ничего не снилось. Впервые за долгое время я действительно смогла просто закрыть глаза и отключиться.

Меня разбудил Кирилл Сергеевич, забиравшийся в машину. Я взглянула на часы. Капитан отсутствовал почти два часа. Я зевнула и потянулась.

— Ну как наши дела?

Соболев кивнул и протянул мой мобильный.

— Фото отредактировали. Я распечатал снимок. — он полез в карман и достал оттуда листок с черно-белым лицом в профиль. Хотя и смазана была фотография, но я мгновенно опознала человека, которому Синицкий передал свой портфель.

— Вы его не узнали, Кира Юрьевна? — спросил капитан.

Я покачала головой.

— Впервые сегодня с ним встретила.

— Уверены?

— Абсолютно. Неприятный тип.

Соболев хмыкнул.

— А ведь должны были бы почувствовать, наверное.

— Что именно? — я насторожилась.

— Этот самый человек в вас и стрелял.

— Откуда вы знаете?

— Я его видел только боком, но хорошо запомнил. И тут на фото сразу узнал.

Я села глубоко в кресло и обхватила себя руками.

— Что еще вы узнали?

Соболев с минуту молчал, потом заговорил вновь:

— Синицкий снял со счета в Альфа-Банке крупную сумму. Думаю, понятно, что нес он ее в своем портфеле.

— А потом портфель переключал в руки к нашему стрелку, — закончила я за капитана, пригладив волосы. Мне стало как-то не по себе от открывшихся обстоятельств.

— Именно так. Что вы на это скажите, Кира Юрьевна?

Большая пауза последовала за его вопросом. Я сидела, огорошенная новостями и даже не могла пошевелиться. Меня поразило открытие, что, судя по фактам, заказал меня именно Синицкий. Или все-таки он хотел убить бывшую жену?

— Так на кого он в итоге покушался? — воскликнула я. — На меня? На Риту? И зачем тогда ему еще и мумию красть?!

— Успокойтесь. Мы обязательно во всем разберемся, — попытался утешить меня капитан.

Какое там. Состояние мое было на грани.

— Да как же вы не понимаете, пока будете разбираться, этот человек свалит за границу,

и вы никогда его не найдете, — взорвалась я, наконец. — Или вы думаете, что он будет сидеть и ждать, когда капитан Соболев соизволит его арестовать!

Кирилл Сергеевич усмехнулся моим словам.

— Сомневаюсь. Вы не волнуйтесь, Кира Юрьевна, я уже разослал его фоторобот по всем отделам. И наряд отправил, чтобы арестовать Синицкого.

— Правда?

— Правда. Думаю, что ночь в камере пойдет ему только на пользу.

— Полностью согласна.

Слова Кирилла Сергеевича вселили в меня надежду, и я стала понемногу успокаиваться. И повернулась к Соболеву.

— Знаете, я думаю, что на сегодня достаточно. Мне еще нужно прийти в себя после всех открытий, переварить информацию... Не каждый день видишь человека, который готов был всадить в тебя пулю без особого сожаления.

— Я понимаю. Отвезти вас домой? — предложил капитан.

Я отрицательно помотала головой, надевая перчатки, ответила:

— Не нужно. Я на метро доеду. Хочу проветрить голову, — и вышла из машины.

— Я позвоню вам завтра, если будут новости.

— Обязательно. До свидания.

Быстрым шагом я направилась к метро. Ну и денек. Заехав домой, наскоро перекусила, покормила кота и поехала в музей. Меня ждала последняя в этом году экскурсия. Я очень надеялась, что, рассказывая про исторические события, обрету некое душевное равновесие, нарушенное утренними приключениями. Поэтому в музее я посоветовала себе оставить все негативные мысли и эмоции у входа, а внутрь нести только свет, добро и лучезарную улыбку. И мне это удалось, с чем я себя и поздравила.

После экскурсии решила в последний раз пройтись по залам, полюбоваться экспонатами. Посмотреть на кости. Они так блестели в стеллажах, так хотелось взять их в руки. Я подумала о том, что мне безумно понравилось здесь работать. Несмотря ни на что. Здесь была какая-то особенная атмосфера. Словно дух истории витал над залами. В каком-то смысле, так оно и было. Я стояла у стеллажа с останками древнего человека и пыталась представить, как он жил, что чувствовал, о чем думал. Почему так быстро закончилась его жизнь и был ли в ней какой-то смысл. Пустой музей всегда навеивает на меня странные мысли.

Я оказалась в зале, где раньше в отдельной нише стоял саркофаг Хаемуаса. Теперь тут было лишь огороженное красной лентой пустое пространство, рядом осталась вывеска «Принц Хаемуас. Четвертый сын Рамсеса II» Далее следовало короткое описание примерные годы жизни, заслуги. Я провела рукой по надписи. Пластик на вывеске был холодным. А мне в голову пришла идея. Мне захотелось рассказать историю Хаемуаса миру. Захотелось, чтобы все знали, как ярко можно жить и как из-за лжи и обмана в один час стать никем. Мумией. Мне захотелось, чтобы как можно больше народа увидело кости Хаемуаса и его саркофаг.

— Я обязательно тебя найду, — прошептала я, обращаясь сама не зная к кому. — И верну на законное место. Обещаю.

— Вы думаете это хорошая идея?

— Другой-то нет. Походим, поспрашиваем, вдруг нам повезет.

Таков был неутешительный ответ на мой вопрос. Уже целое утро мы разъезжали с капитаном, и я порядком устала. Думаю, он тоже, хоть и не подавал вида. Наконец припарковавшись, мы выбрались из джипа на стоянке. Холод пронизывал до костей, волосы от ветра разлетались в разные стороны, я усиленно их убирала, да что толку. Как известно, ветер-еще тот стилист. Мы подъехали к высокому зданию в три этажа. На первом находилось заведение, которое нас очень интересовало. Вывеска гласила «Альпиленд» спортивный клуб.

Я подождала, пока Соболев закроет машину, и мы двинулись в сторону входа. Я усиленно куталась в пальто, капитан никак не реагировал на холод, но щеки и нос у него покраснели. Радуюсь, что не одна страдаю, я бодро топала вслед за капитаном. Идея прокатиться по альпинистским клубам и центрам, где есть подобные увлечения, принадлежала Макеевой, однако сразу Соболев ее почему-то отверг. А тут решил, что теперь имеет смысл все же отработать Настину версию. Так что, вооружившись составленным фотороботом по сделанной мной фотографии, мы набросали список клубов и поехали по нужным адресам. К сожалению, за все утро нам нечем было похвастаться. Город большой, клубов как грязи, так что настроение у нас было не самое оптимистичное.

«Альпиленд» оказался местечком приличным. Огромные залы с тренажерами всех мастей, мужчины и женщины в обтягивающих стройные фигуры одеждах. Я вертела головой, отмечая зеркала во всю стену, дорогие кондиционеры, шикарные раздевалки. Да, похоже, здесь деньги косят направо и налево. Мимо меня прошла высокая блондинка с такой идеальной фигурой, что я как-то сразу ощутила комплекс неполноценности. Это ж сколько надо пахать в зале, чтобы так выглядеть. До этого момента мне и в голову не приходило, что возможно моя фигура не совсем идеальна. Но здесь, разглядывая членов этого фитнес-рая, я серьезно задумалась. Я, конечно, девушка стройная, нигде ничего не висит, но явно не дотягиваю до этих королев спортзала. Интересно, сколько стоит абонемент в таком местечке.

Наверное, я бы так и стояла с разинутым ртом, если бы капитан не потащил меня в обратную от залов сторону. Путь наш лежал к барышне на ресепшене. Миловидная брюнетка улыбаясь спросила, чем может нам помочь. Соболев предъявил удостоверение, она как-то сразу испуганно дёрнулась.

— Что-то случилось? — все же спросила она.

Соболев достал фоторобот и положил его перед девушкой.

— Нас интересует этот парень. Может заглядывал к вам?

Она с минуту пялилась на фото, потом покачала головой.

— Никогда раньше его не видела.

— Уверены?

— У нас элитное заведение, вход только по клубным картам. — ответила девушка, возвращая листок капитану.

— Ну может он с другом приходил? — настаивал Соболев.

Девушка мотнула головой.

— Нет. У нас так нельзя. Только по карте. Боюсь, что ничем не смогу вам помочь.

— Может мы тогда покажем фото вашим сотрудникам? Вдруг кто-нибудь из них его узнает. — предложил капитан.

Девушка улыбнулась, но отрицательно покачала головой.

— В этом нет необходимости. Мне по должности положено знать всех наших клиентов в лицо. Я уверена, что этот человек никогда нас не посещал.

— Ладно, спасибо. — Соболев убрал фотографию в карман и повернулся ко мне. — Поехали.

— До свидания. — пискнула я, улыбнувшись девушке.

На улице мы почему-то остановились.

— Опять облом. — чертыхнулся капитан и умолк.

Вместо того, чтобы залезть в теплую машину, Соболеву пришла в голову охота попятиться в небо. Я прыгала с ноги на ногу, вжав голову в воротник и весьма недвусмысленно намекая всем своим видом, что пора бы отчаливать. Но капитан был глух и слеп. Он думал о чем-то своем. Мне не ведомом.

— Скажите, а много ли еще таких заведений в нашем городе? — спросила я, чтобы хоть как-то напомнить ему о своем присутствии.

Он перевел взгляд на меня и вздохнул.

— Да в том-то и дело, что полно. Ведь мы совсем не уверены, что он действительно занимается альпинизмом. Может просто парень в хорошей форме. А это значительно расширяет круг тренажерных залов, а значит, может уйти не один день, чтобы их объехать.

— Почему вы не подключите своих? Сидят там в отделе, а мы тут мерзнем...

— Раз сидят, значит так нужно. — рыкнул Соболев и я мигом умолкла. На будущее вообще зареклась лезть с советами.

— Что у нас там под номером пять?

Соболев полез в карман за блокнотом. Полистав его, ответил:

— Ленинградская, 14. Клуб «Экстрим».

— Поехали?

Он кивнул и мы, наконец, загрузились в авто. Не дожидаясь, пока Соболев вспомнит о том, что я девушка и мерзну, сама нажала на кнопку и включила печку. Соболев глянул на меня недоумевая, но ничего не сказал. А я запоздало сообразила, что выглядело это очень по-хозяйски. Совсем как у него, когда он находился в Риткиной квартире и прекрасно там ориентировался. Я мотнула головой, отгоняя ненужные мысли, и уставилась в окно, согреваясь. Ехали мы минут двадцать. Ленинградская пересекала проспект и тянулась едва ли не до самой окраины города. Я слабо верила, что в таком захолустном районе существует хотя бы просто приличный фитнес-центр, не говоря уже о хорошем клубе для альпинистов. Но, оказалось, что я ошиблась. Когда старые пятиэтажки, наконец, рассеялись, нашему взору предстал достаточно большой комплекс со стеклянными витражами. Он был в форме алмаза, сверкал на зимнем солнце всеми цветами радуги и радовал глаз.

— Ого. Недурно. — выдала я удивленно.

Соболев никак не отреагировал, катил к парковке и помалкивал. А я подумала, ну кому понадобилось строить такое здание в столь неудачном месте.

— Тут недалеко частный сектор. — словно угадав мои мысли произнес Кирилл Сергеевич. — Люди там живут не бедные.

Я кивнула, сообразив, что к чему. Что ж, тогда все логично.

Наконец, припарковались. Я затянула шарф покрепче, надела перчатки и вылезла вслед за капитаном из машины. Оценив пейзаж у входа в здание, мы поспешили внутрь.

В холле был мраморный пол, за белоснежной стойкой ресепшена стояла блондинка такой красоты, что мне стало не по себе. Я с беспокойством перевела взгляд на Соболева. Но ему, кажется, было не до прелестей барышни. Он уже давно был злой как черт, цедил слова сквозь зубы и на мир смотрел без удовольствия. Пока он доставал удостоверение, пока показывал фоторобот нашего стрелка, пока объяснял в двух словах, что к чему, я бродила в пустом холле. Тут было на что посмотреть. Огромные стенды с рекламой, призыв к здоровому образу жизни и занятиям спортом. Кое-какая информация для начинающих. Заслуги клуба. Фотографии со сборов, тренера с детишками, и просто знаменитые мастера спорта. Разглядывая очередное фото, я вдруг замерла.

— Кирилл Сергеевич, можно вас? — позвала я нерешительно, видя, что капитан все еще беседует с девушкой.

Тот улыбнулся барышне, и подошел ко мне.

— Что такое?

— Ну что она сказала?

— Вы меня для этого позвали? — Соболев опять начал злиться. — Никого похожего здесь она никогда не видела. Правда, она тут работает всего пару месяцев.

— Тогда понятно. — ответила я и ткнула пальцем в одну из фотографий.

Соболев внимательно присмотрелся, потом сверился со своим листком и снова перевел взгляд на стенд.

— Точно он. Неужели повезло?

— Уверена, что он тут хорошо известен, просто девушка новенькая. — сказала я, почесывая нос. — Может нам поговорить с хозяином клуба?

Соболев пошел назад, а я осталась стоять и разглядывать фото. Имени там не было, но сомнений не оставалось — это был наш стрелок. Молодой, лет тридцати, в отличной физической форме, голова стрижена почти наголо, улыбка от уха до уха. Чертовски приятный молодой человек, если бы не знала, что он хотел меня убить, точно бы влюбилась. Я усмехнулась дурацким мыслям, тут как раз и Соболев нарисовался.

— Хозяин сейчас в Непале. И почти все тренера с ним. У них какие-то сборы альпинистов, они там пытаются преодолеть новую точку на Гималаях. Я не очень понял, что к чему, она называла какие-то термины.

— Так здесь реально альпинистов тренируют?

— Да. Тут вообще все включено. Для тех, у кого водятся деньги. В общем, придется нам подождать возвращения команды из Непала. Либо продолжать надеяться, что он где-то в городе и случайно нам попадется.

— Главное, чтобы не оказалось, что он тоже отчалил в Непал. — усмехнулась я и мы пошли к выходу. — Там нам будет немного сложно его поймать.

— Очень смешно. — отозвался Соболев, но было заметно, что моя находка его обрадовала и настроение у него заметно улучшилось.

Оказавшись в салоне, Соболев побарабанил пальцами по рулю, не спеша заводить мотор.

— Думаю, что на сегодня приключения закончились. — наконец, сказал он, повернувшись ко мне лицом.

Я пожалала плечами.

— Вы начальник, вам виднее.

Он улыбнулся.

— Приятно слышать. Куда вас отвезти?

Я взглянула на часы и задумалась. Сегодня мне предстояла встреча с подругой, нужно было выбрать мне наряд и прическу для завтрашнего выхода в свет с ее немцем и его другом. Ритка назвала это грандиозными сборами. Представляю, что это будут за сборы. Ресторан не дешевый, да и мужик не из бедных, к тому же москвич. Но Ритка уверенно заявила, что сделает из меня конфетку. Зная ее рвение к подобным экспериментам, в успехе я не сомневалась. И все равно слишком нервничала. Заранее. Мы договорились встретиться в пять. Сейчас было обеденное время, экскурсий у меня уже не было, так что свободного времени полно. Я решила, что неплохо бы перекусить и попросила капитана высадить меня возле торгового центра недалеко от моего дома. Он так и сделал, а сам отправился в отдел строчить отчеты о проделанной сегодня работе. Простившись с Соболевым, я праздно слонялась по рядам, раздумывая, чтобы приготовить поесть. Купив продукты, уже выходила из магазина, когда позвонила Ритка. Пытаясь плечом удерживать телефон и не уронить пакеты, я ответила:

— Привет.

— Ты чем занята?

— В маркете очередь капец просто. Только выбралась.

— Приезжай ко мне. Вместе пообедаем, а потом будем из тебя золушку делать.

— Так мы вроде на пять договорились...

— Я что-то не уверена, хватит ли нам времени. И если честно, мне совершенно нечем заняться. Приезжай.

— У меня продуктов целый пакет.

— Ну закинь домой и мухой ко мне.

— Ладно. — я рассмеялась. Иногда в Риткином лексиконе проскальзывали весьма странные словечки.

Дома я не только закинула продукты в холодильник, но и накормила кота. Потом взглянула на себя в зеркало. И усмехнулась. Посмотрим, удастся ли Ритке придать мне черты благородной дамы.

Приехав к подружке, я первым делом накинулась на еду. Ритка смотрела на меня со странной смесью удивления и ужаса.

— Что?

— Ты так поглощаешь пищу, что я начала сомневаться, влезешь ли ты хоть в одно мое платье. — отозвалась Ритка, помешивая сахар в чашке с кофе.

Я лишь отмахнулась, отправив в рот большой кусок курицы.

— Если бы ты целый день ездила по городу и приставала к людям с вопросами, ты бы и не столько съела. Салат еще есть?

Она рассмеялась, поднявшись и достав из холодильника миску.

— С чего это вы с капитаном резко подружились? Бегаете на пару, как закадычные приятели. — заметила она, подкладывая мне овощей в тарелку.

Я лишь пожалала плечами.

— Не приятели, а напарники. Мы пытаемся обоюдными усилиями поймать воров и убийц. Кстати, неплохо в этом преуспели. — и я поделилась с Риткой последними

открытиями.

— Ты молодец. Значит, осталось только поймать этого гада... — протянула она задумчиво.

— И вернуть Хаемуаса. И допросить Борюсика. — закончила я за нее.

Она кивнула, соглашаясь со мной.

— Не думала, что он окажется такой сволочью.

— Ты про Борюсика что ли?

— Ага. Кир, обещаю, если выяснится, что это он тебя заказал... — Ритка сжала кулаки.

Я кивнула.

— Не беспокойся, скоро все узнаем. Соболев говорит, что перед допросом его надо подготовить.

— Это как?

— Посидит немного в камере. Потом расскажет все, что знает. — ответила я, улыбаясь.

— Будем надеяться.

Немного посидели молча. Пока я пила чай с печеньем, Ритка о чем-то усиленно размышляла. И, наконец лукаво подмигнув мне, спросила:

— И все же, что происходит между тобой и Кириллом Сергеевичем?

Я поперхнулась и закашлялась. Ритка заботливо стучала мне по спине, продолжая посмеиваться. Я, красная как помидор от кашля и стыда одновременно, воззрилась на нее с негодованием.

— Мне кажется я все доходчиво объяснила. Чего ты опять начинаешь?

— Не опять, а снова. Ты не ответила.

— Ничего. Мы напарники. Все.

— И только?

— Рита, блин!

— Ну вот чего ты тогда так бесишься, стоит мне завести эту тему? — Ритка рассмеялась, а я только дула щеки от злости, стараясь вернуться в адекватное состояние.

— Потому что терпеть не могу, когда умные люди глупости говорят.

— Это я что ли умная?

— Ну не я же!

— Это уж точно.

— Так, закрыли тему. — я стукнула по столу. — Давай лучше платье мерять иначе поругаемся и на свидание пойдешь без меня.

— Я ж для тебя стараюсь. Хотя, что-то подсказывает, что зря.

— Почему это? — обиделась я.

— Мы эту тему закрыли. — ответила подруга и пошла в гостиную.

Я поплелась за ней, в тайне мечтая ее придушить. Терпеть не могу, когда в мою же глупость меня тычут носом. Но такая уж Ритка, ничего с этим не поделаешь. Иногда я была ей благодарна за ее откровенную критику в мой адрес, но только не сегодня.

Ритка выложила несколько платьев на диван и стала скептически меня оглядывать. Я почувствовала себя рабом на продажу.

— Ты так смотришь, словно собралась меня купить. — процедила я, медленно поворачиваясь вокруг своей оси по просьбе Ритки. — Может тебе еще и зубы продемонстрировать?

— Не говори ерунды. — весело фыркнула подруга. — Вот скажи мне лучше, почему ты

так редко носишь платья? Ты такая миниатюрная, у тебя стройные ноги, хорошая фигура, мужикам такие нравятся.

— Как йоркширский терьер что ли? — рассмеялась я, увлекаясь теперь уже совсем другим вопросом. На Ритку невозможно долго злиться.

— Ну почти. А если серьезно, я думаю тебе подойдет вот это платье. — Ритка взяла с дивана наряд и потрясла им передо мной.

— Красивое. — я аккуратно потрогала черную ткань. — Очень красивое, Рит.

— Примерь. Мне кажется, это твое.

Я исполнила ее просьбу. Платье действительно было шикарное, и мне шло невероятно. Если честно, то глядя в зеркало, я подумала, что сама на себя не похожа. Ритка сзади присвистнула.

— Отпад. Еще подкрутим волосы, жаль, конечно, что они у тебя не длинные, но волны и в каре хорошо смотрятся. И вечерний макияж добавим. Короче, думаю, что друг Фридриха обалдеет от такой красоты. Я и сама уже балдею!

Да, это действительно будет грандиозно. Я смотрела как Ритка колдует над моим волосами, подбирая их и так, и эдак, раздумывая, как бы получше меня причесать, и в моей голове блуждала только одна мысль. Что бы сказал Соболев, увидев меня такой красивой? Я тут же погнала эти глупости прочь, и вернулась к реальности, в которой моя подруга готовила меня к моему первому за долгое время выходу в общество.

Риткин новый избранник оказался весьма симпатичным мужчиной. Высокий голубоглазый блондин, хорошо одет, с приятной улыбкой. Он как-то сразу располагал к себе. К тому же, очень воспитанный. По крайней мере, у меня сложилось хорошее впечатление о его культуре и манерах. Фридрих почти правильно говорил по-русски, что особо радовало, поскольку с немецким у меня было туго и я переживала, как буду общаться с ним. По тому, как он смотрел на Ритку, я с облегчением сделала вывод, что подруга в надежных руках — Фридрих явно был от нее без ума. Впрочем, ничего другого ожидать и не приходилось. Как можно пройти мимо этой рыжей дамочки в темно-зеленом платье, мне было не понятно. Ритка выглядела на все сто.

Справедливости ради, стоило добавить, что и в мой облик подружка вложила немало усилий. Судя по выражению, с которым на меня смотрел друг Фридриха, да и остальные мужчины в зале, я тоже выглядела как надо. Правда, чувствовала себя псом на выставке, но кому это было интересно. Ритка сказала, что солидного мужика не поймать на безвкусицу, и я с ней была более, чем согласна. Только не понимала, зачем мне вообще нужно кого-то ловить. Одно радовало-благодаря этой встрече, я избежала семейного ужина с мамулей, Андрюшей и Яной. У них там что-то перенеслось, поэтому мама позвонила утром и заявила, что я должна быть дома сегодня, так как гостей она уже пригласила. Тут-то мне и пришлось ее обломать. Слава богу, причина моя ей пришлась по душе, так что очень долго она возмущаться не стала. Выразила надежду, что мой новый мужчина окажется, наконец, тем самым, кто вытянет меня из пучины одиночества. Я давилась от смеха, слушая эти высокопарные речи, и усиленно соглашалась с любимой родительницей. Да и как было не согласиться, мужик, действительно, оказался, что надо. По крайней мере, на первый взгляд.

Его звали Ярослав, он был москвич, тридцати семи лет отроду, разведен, но бездетен — это все мне поведала Ритка, когда мы спускались по ступенькам возле дома. Все было при нем: и внешность, и высокая должность, и шикарная машина на которой мы приехали в

заведение. В ресторане Ярик пытался занять нас всех интересной беседой, делал весьма неглупые замечания, рассказывал заманчивые истории. Они с Фридрихом были знакомы много лет, совсем недавно стали партнерами по бизнесу, так что финансовая сторона вопроса вообще могла меня не беспокоить. И он мне явно симпатизировал. Успех Риткиного предприятия был на лицо. Если бы не одно маленькое «но». Я старалась улыбаться новому знакомому как можно веселее, смеялась его шуткам, а сама мечтала сбежать из ресторана куда подальше. Сама не понимаю почему, но мне было не комфортно в такой компании. Словно я и правда была экспонатом на дорогушей выставке. Или грудой костей в нашем музее. Представив себя за стеклом стеллажа, я улыбнулась и стала пить вино.

Когда мужчины вышли покурить, Рита ткнула меня в бок.

— Кир, ты чего? Он что тебе не нравится? — зашипела мне в ухо подруга.

— Нормальный мужик.

— В чем же дело? Ты такая кислая.

— Мне здесь не по себе.

Ритка фыркнула.

— Привыкай. Хватит уже торчать в маленьких квартирках и встречаться со всякими неудачниками. Нужно найти себе хозяина жизни и стремиться вместе с ним к вершинам.

Я уставилась на Ритку во все глаза. Может она опять выпила лишнего.

— Что за высокопарные слова? Я в шоке.

— А я в шоке от твоей глупости. — огрызнулась подружка. — Приличный мужик, а у тебя лицо, как будто ты лимонов объелась. Улыбнись. Это твой звездный час.

Я послушно растянула губы в улыбке.

— Спасибо, что нашла мне хозяина. Только я не собака.

Ритка даже дернулась от таких слов.

— Ты что несешь? Я ж как лучше хотела....

Я вздохнула и порывисто ее обняла. Подруга обалдела вдвойне.

— Рит, прости меня. Ты тут совершенно ни причем. И немец твой замечательный. И друг у него нормальный. Просто я, как всегда. Ну не для меня это, понимаешь?

— Что не для тебя? Шикарный ресторан, красивая одежда, солидный мужчина? Конечно, лучше сидеть в однушке на окраине и мечтать о всякой ерунде!

Ритка разозлилась не на шутку. Отчасти я ее понимала. Она вложила в меня столько сил, делала мне прическу, подбирала платье, даже одолжила шикарную шубу, а я сижу королева такая и носом ворочу. Именно так с ее точки зрения все и выглядело. Я вздохнула. Ну как ей объяснить, что иногда для счастья недостаточно только шикарной жизни. А иногда она просто ни к чему. Я вполне довольна своей квартиркой и своей работой. И мне никто не нужен. Но я знала, Рита бы меня не поняла.

Я перевела взгляд на ее надутое лицо. И почувствовала себя ужасной эгоисткой. Ритка старалась, а я неблагодарная. Тут как раз и мужчины подросли- я растянула губы в дурацкой улыбке. Выпила бокал красного вместе со всеми. И зазывно поглядывала на друга Фридриха. Не помню, когда в последний раз мне приходилось флиртовать с мужчиной, но я надеялась, что мои таланты еще на что-то сгодятся. Мне очень хотелось, чтобы Ритка видела-я ценю ее труды.

Заметив явный призыв с моей стороны, Ярослав пригласил меня потанцевать. Танцпол в ресторане был небольшой, освещен слабо, да и вообще здесь был какой-то особый полумрак, который сперва мне даже пришелся по душе. Он создавал ощущение некой

интимности.

Ярослав танцевал совсем неплохо, я позволила ему вести. И ни к месту вспомнила другой свой недавний танец. И поспешно улыбнулась, чтобы новый друг не заметил моих странностей. Он не торопился начать беседу, очевидно, наслаждался танцем.

— Вы надолго в наши края? — решив, что пауза слишком затянулась, спросила я.

— На пару дней. Решу дела с Фридрихом, и сразу обратно.

— Вам нравится наш город?

— Мне нравятся его обитатели. — усмехнулся мне в ответ Ярослав.

Я ощутила, как крепкая рука прижимает меня к себе чересчур сильно для первого знакомства. И постаралась как можно незаметнее отстраниться-не удалось.

— А где вы остановились? У вас хорошая гостиница? — я силилась вести светскую беседу, но желание вырваться из столь крепких объятий мешало сосредоточиться.

Ярославу мои вопросы показались весьма недвусмысленным намеком. Он наклонился и прошептал мне прямо в ухо:

— Гостиница класса люкс. Там такая мягкая кровать.

Я слегка отодвинулась и заулыбалась как полная дуручка.

— Рада за вас. А когда вы...

— Думаю, мы вполне можем перейти на «ты». — снова ощутила я его горячее дыхание, теперь уже на своей шее. Крепкая рука продолжала сжимать меня все сильнее. Мне уже было тяжело дышать.

Я огляделась. Никто не обращал на нас абсолютно никакого внимания. Ритка сидела со своим немцем, люди праздно беседовали, света было мало. Я поймала жалостливый взгляд проходившей мимо официантки и поняла, что помощь не придет.

— Поехали ко мне. — услышала я вдруг.

И уставилась на Ярослава во все глаза.

— Что прости?

— Я говорю, давай уедем прямо сейчас.

— Куда? — я все еще думала, что ослышалась.

— В гостиницу, глупая. — рассмеялся он. — Я плачу до утра. Ты мне понравилась.

Я ощутила его руку на своей филейной части и тут до меня дошло. Он принял меня за проститутку. За дорогой эскорт, или как там это у них называется. От шока и возмущения я оцепенела и не могла пошевелиться. Как можно было быть такой глупой, чтобы сразу не догадаться. Я оглянулась на Ритку. Знала ли она, с кем меня знакомит? Очень надеюсь, что нет. Ее хозяин жизни оказался простым бабником, который приехал на пару дней в чужой город и ему захотелось поразвлечься. А старый друг предоставил ему такую возможность.

Пока я приходила в себя от потрясения, Ярослав продолжал кружить меня в танце, не упуская возможности облапать все, до чего мог дотянуться. После очередного поцелуя в шею, я, наконец, пришла в себя. И уперлась руками ему в грудь.

— Мне нужно идти.

— Да, давай уедем прямо сейчас.

— Я с вами никуда не поеду. Вы ошиблись на мой счет.

Ярослав распахнул глаза, затуманенные страстью и недоумевая глядел на меня.

— Не понял.

Я попыталась вырваться, но он схватил меня за оба запястья и не выпускал. Было так больно-мужчиной он был крепким- что даже слезы брызнули из глаз, хотя, скорее от злости

на собственную тупость. Захотела побыть королевой-вот теперь получай. Хозяин жизни активно предъявлял права.

— Пустите меня немедленно! — воскликнула я, стараясь освободить свои бедные руки. Но где мне тягаться с таким мужиком.

— Сбежать решила? А кто будет ужин отрабатывать? — яростно прошипел новый знакомый.

У меня от этого шепота мурашки побежали по всему телу. Я испугалась уже всерьез.

— Если вы меня сейчас же не отпустите, я закричу. И вам будет очень стыдно.

Он расхохотался.

— Да всем плевать. Что я здесь делаю-никого не касается. Лишь бы бабки платил.

— Да отпустите же меня! — я в очередной раз дернулась-безрезультатно.

И тут я разозлилась. Увидела его бешеные глаза, налитые кровью, его губы, тянущиеся к моим и потеряла над собой контроль. Изловчилась и, упираясь пострадавшими запястьями ему в грудь, коленом заехала пониже пояса. Он тут же скрутился пополам от боли, и выпустил меня.

Я поспешно отступила в сторону и потеряла запястья-они успели изрядно покраснеть. И пошла к нашему столику. Судя по выражению Ритино лица, она все видела. Не задала мне ни одного вопроса, просто молча протянула мою сумку. Я взяла стоявший на столе бокал вина, наполненный до краев, залпом его осушила под взглядом ничего не понимающего немца. И произнесла:

— Друзей нужно выбирать лучше. Вы потому войну и проиграли.

После чего накинула на плечи шубу и молча удалилась.

Ночь перед Рождеством, пусть и католическим, выдалась весьма холодная. Поймав такси и забравшись внутрь, я усиленно терла руки. Они ужасно заоченели, пока я тщетно пыталась вызвать машину по телефону. В субботу ночью весь город активно тусовался, и с такси была напряженка. Наконец, мне повезло. Водитель авто даже пожалел меня и включил печку-за что я была ему очень признательна. Он поглядывал на меня с интересом — я сидела рядом с ним на переднем сиденье. Наверное, гадал, почему девушка в таких дорогих тряпках, вышедшая из шикарного ресторана, ездит на обычном такси. Да к тому же, ждет машину на улице, а не внутри заведения. Эту ошибку я осознала не сразу, а только, когда не смогла дозвониться диспетчеру с третьей попытки. Пришлось стоять и мерзнуть возле ресторана, но назад меня не загнали бы даже силой. Мороз был предпочтительней.

И вот теперь я усиленно отогревалась, кутаясь в шубу, и грея руки, но сделать это оказалось непросто-на мне было слишком легкое платье и осенние сапоги. Никто ведь не собирался торчать на холоде в такой одежде. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает.

В такси играл какой-то шансон, я его просто терпеть не могу.

— Можно включить что-нибудь другое? Если вы не против, конечно. — попросила я, повернувшись к водителю.

Он улыбнулся.

— Кто же откажет такой красивой девушке. — отозвался он, щелкая кнопки. — Русское радио, подойдет?

Я кивнула. Какая разница под что предаваться самобичеванию. Ну, кроме шансона, конечно. Я перевела взгляд на свои запястья. Еще немного красные, но вроде синяков не должно остаться. Тут я вспомнила свой позорный танец полчаса назад и передернулась. А может снова от холода.

Я горестно покачала головой. Как можно было так попасться. Ну глупость несусветная. Обычно таких мужиков, которые ищут женщину на одну ночь, я вижу издалека. А тут. Наверное, все дело в том, что он друг Риткиного жениха. И я решила, что раз Фридрих приличный человек, то и товарищи у него соответствуют. И не ждала ничего подобного. Вот уж глупая баба, честное слово. Так радовалась, что не пришлось торчать за одним столом с Яной и Андрюшей. А теперь, мысленно промотав все еще раз, я поняла, что лучше бы тихонечко посидела дома, в семейном террариуме, немного потерпела, зато не пришлось бы чувствовать себя девушкой по вызову. Одно радовало — за вызов готовы были прилично заплатить.

Я усмехнулась. Ну и идеи лезут в голову. И тут же вспомнился Ярослав, корчившийся от боли в очень важном месте. Так ему и надо. Хотя, не ожидала я от самой себя такой прыти. Обычно я боюсь спорить с людьми. И ненавижу конфликты. Я человек мирный, правда, до поры до времени. Но этот мужчина просто вывел меня из себя. Улыбаясь, я припомнила, как в начальной школе меня очень доставала одна девчонка — ну не нравилась я ей и точка. Она ходила вокруг меня, говорила гадости, могла даже пихнуть, якобы случайно. Я все молчала, терпела, а потом в один прекрасный день, взяла, да и залепила ей звонкую пощечину. При всем классе. Ее ошеломленное лицо и красную щеку запомнила надолго. Больше она ко мне

не приставала. Вот также сегодня и Ярослав получил заслуженно, и я ни капельки не жалела о своем поступке. Нет. Я даже гордилась собой.

Посильнее запахнув шубу, я сжала руки в замок и засунула их между коленей, стараясь быстрее согреться. Да и мысли мои потекли уже совсем в ином направлении. Ну почему у меня всегда все не как у людей. Даже на свидание не могу нормально сходить, все время попадает такое, что лучше бы дома сидела. Может, это вселенная дает мне знак, что не стоит и пытаться завести какие-то отношения? Ну может не гожусь я для такой жизни. Может быть, мое призвание водить экскурсии и растить котов? Невеселая картина, впрочем, за последнее время у меня вообще веселого мало.

Я ощутила вдруг просто вселенскую усталость. Мне захотелось скинуть все эти дорожные тряпки, закинуть подальше эту шубу, смыть косметику и забыться беспробудным сном. Суток на двое как минимум. И чтобы все оставили меня в покое. Но это было невозможно. Наверное, я настолько бесполезное существо, что всем кажется, будто меня надо срочно спасать. Мама тянет меня в одну сторону, Ритка в другую, Даня вообще считает, что я съехала с катушек. Но никому не интересно, о чем грезит девушка Кира, что ей на самом деле нужно. «Может я и пень, конечно, но не понимаю, почему всем так хочется сделать из меня Буратино» — говорила героиня одного небезызвестного фильма. И я полностью разделяла ее мысли. Именно так я себя и чувствовала. Пнем, из которого каждый стругает, что ему вздумается.

Я вздохнула. Да просто я ничего не хочу, потому позволяю и маме, и Ритке, и кому угодно строить мою жизнь за меня. Но хватит. Мне это надоело. Пора уже, наконец, взяться за ум. И перестать себя жалеть. Все. Поймаю вора, верну в музей мумию, уеду в жаркие страны и там, наконец, разберусь в себе. И начну новую жизнь.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу и смотрела на заснеженный город за окном. Было странное ощущение, словно бы машина-это маленький домик на колесиках, который движется в одиночестве, а все вокруг застыло в немом ожидании. Я подивилась своим странным мыслям и тут слух уловил знакомые аккорды. Я даже повернула голову и уставилась на старенькую магнитола, из которой лились звуки.

— Что опять переключить? — заметив мой взгляд спросил таксист.

Я лишь усмехнулась и отрицательно покачала головой. Эта мелодия словно преследовала меня в самые неподходящие моменты. Но сейчас я с какой-то особой ностальгией погрузилась в знакомые слова. Передо мной мелькали картины ночного города, движущиеся словно специально в такт музыке. Я снова прислонилась к окну и закрыла глаза. Музыка продолжала звучать у меня в ушах, и я ощутила солоноватый привкус на губах. И поняла, что из глаз моих медленно катятся непрошенные слезы. Я думала о Соболеве. И о том, что он оказался тем единственным человеком, к которому меня потянуло за последние несколько лет. Именно потянуло, чего не было очень давно. Мне редко кто-то нравится в моей еще совсем недолгой жизни, я с большим трудом влюбляюсь в противоположный пол. И ничего хорошего из этого обычно не выходит. Вот и тут явно все плохо. Как можно увлечься мужчиной, который принадлежит другой женщине? На такое способны только беспринципные стервы, я же совсем не из их числа. Но тут же приходила другая мысль — а с чего тогда он полез целоваться? Якобы мне это было нужно, ну ок, но ему-то зачем? Ведь у него есть Настя... Меня мучили угрызения совести уже просто от того, что мне даже в голову приходят подобные мысли. Сомневаюсь, что в моем окружении найдется человек, способный понять такие терзания. Ритка бы сказала, что это пустяк. Для нее и жена никогда

не была помехой. Для меня же все иначе. Однако, весьма непросто изображать безразличие. Но, кажется, у меня получалось — Соболеву вроде бы и в голову не могло прийти ничего подобного. Так что стоит выкинуть все это из головы, помочь ему с расследованием, и улететь за тысячу километров. Главным образом, от него подальше. Да, так будет лучше всего.

— Вы что плачете? — прервал мои мысли таксист.

Я запоздало сообразила, где я и поспешила улыбнуться ему, вытирая глаза.

— Соринка в глаз попала.

Он покачал головой, глядя на дорогу.

— Знаю я ваши соринки. Небось с мужиком своим поругалась?

— Не совсем. — ответила я, не желая вдаваться в подробности и жалея, что позволила себе киснуть при постороннем.

— Ты девка видная, такими не бросаются. Помиритесь. Милые бранятся-только тешатся.

Я рассмеялась и зашмыгала носом. Мой водитель с улыбкой полез в карман и достал оттуда носовой платок. Я в изумлении взяла его-не припоминаю, чтобы в наше время я видела у кого-то еще носовые платки в карманах. Разве что у маленьких детей. Я с благодарностью высморкалась, насухо вытерла глаза. Почему-то на душе стало гораздо легче.

— Спасибо вам. — сказала я.

— Да не за что. А слезы лить не надо. Если любит, значит придет прощения просить.

— А если не виноват? — улыбнулась я, слушая с большим интересом.

Он повернулся ко мне и тоже улыбнулся.

— Коли любит — все равно придет. Когда любишь, то не важно, кто виноват. Важно — всегда быть вместе. Вот я на своем веку частенько извинялся, хоть и не всегда был виноват.

— Боюсь, что многие с вами не согласятся.

Он снова полез в карман. На этот раз на свет появилась маленькая фотография, которую водитель протянул мне.

— А что мне до многих? Мне главное, чтобы семья моя была счастливая. Тогда и мне счастье. Вот, жена моя и сорванцы. Сейчас дочку ждем.

Я посмотрела на слегка потрепанный снимок-симпатичная женщина, трое мальчишек разных возрастов.

— Замечательные они у вас. — сказала я, возвращая снимок хозяину.

— И у тебя будут. Главное, не грусти.

— Не буду. — я снова улыбнулась.

Остаток пути прошел в очень приятной беседе. Я успела согреться, мой очаровательный водитель рассказывал мне историю своего знакомства с будущей женой. Говорил, в основном, таксист, а я слушала, иногда посмеивалась и как-то забыла о своих собственных проблемах.

Возле подъезда я простилась с хорошим человеком, пожелала ему попугчиков повеселее и даже помахала вслед отъезжающей машине. Повернулась к дому и стала доставать ключи из сумки. Они завалились за подкладку-там была небольшая дырка- и застряли. Выходя из машины, лишь слегка накинула на плечи шубу, и сейчас порыв ветра пытался скинуть ее в сугроб, пока я рылась в своих вещах. Дернув плечом, я постаралась не потерять Риткино дорожное приобретение.

Ключи, наконец, появились на свет божий. Я победно зазвенела ими, чувствуя, как от холода стынут руки — перчатки я тоже не надевала, до дома рукой подать. Я быстро шагала к подъезду, вглядываясь в темноту, как раз и свет зажегся на крыльце при моем приближении. Я уже распахнула тяжелую дверь, как вдруг ощутила нечто странное — словно чей-то взгляд жег мне затылок. Быстро обернулась, но никого не обнаружила.

— Глюки. Пора завязывать с алкоголем, — буркнула себе под нос, однако войти в подъезд не торопилась.

Мелькнула шальная мысль позвонить Соболеву, но я тут же ее отбросила, как негодную. Если при каждом шорохе звонить капитану, он точно решит, что я спятила и приставит ходить за мной полицейских в форме. Этого только мне и не хватает для полного счастья.

Но все же было не спокойно. Громко насвистывая веселенький мотивчик, я бодро зашагала в подъезд, силясь поминутно не оглядываться. Оказавшись у лифта, сперва нажала на кнопку, но потом мне почудилась тень в окошке домофонной двери, и я бросилась со всех ног вверх по лестнице. Этаж у меня был пятый, но я взлетела на него за считанные секунды. Тяжело дыша, вставила ключ в замок. Но открыть его смогла лишь со второй попытки, едва не выронив ключи из рук. Трясаясь, вбежала в свою квартиру, плотно закрыв за собой дверь. Этого мне показалось мало, и я засунула ключ в верхний замок — так его невозможно было открыть с другой стороны. И, наконец, перевела дыхание. Свет не включала, не разуваясь пошла в комнату. Шубу кинула на диван. Осторожно приоткрыв жалюзи, выглянула во двор — там по-прежнему было пусто. Горел фонарь, машины на стоянке мирно покрывались свежим слоем снега. Но никаких подозрительных личностей не наблюдалось.

— Вот трусиха. — сказала я вслух, досадуя на собственную глупость. С таким успехом, я скоро стану шарахаться собственной тенью. Бред, да и только.

Стоило мне вздохнуть с облегчением, как раздался звонок в дверь. Я ойкнула и задрожала от страха. Слух уловил как кто-то топчется возле моей двери. Когда позвонили во второй раз, я нерешительно направилась в прихожую. На цыпочках. Очень осторожно заглянула в глазок. И вот тут уже от души чертыхнулась. И поспешила открыть дверь.

— Вы меня до смерти напугали! — это было первое, что я сказала своему позднему гостю.

На моем пороге стоял капитан Соболев собственной персоной.

— Вы с такой скоростью вошли в подъезд, что я не успел вас даже окликнуть, — ответил он мне, улыбаясь. — За вами что черти гнались?

— Черт. Один. Но очень настырный.

— Да?

— Ага. А теперь стоит на моем пороге и лыбится.

— Простите, что напугал, — наконец сказал Соболев, переминаясь с ноги на ногу.

— Вы всегда ходите в гости ночью? — не переставала я злиться.

Он задумался.

— Кто ходит в гости по ночам — тот поступает мудро, — попытался пропеть ночной посетитель, улыбаясь во весь рот.

Я тоже усмехнулась.

— Мне кажется, в той песне было утро. И вы совсем не похожи на Винни Пуха. Не Пятачка, кстати, тоже.

— А на кого похож?

— На оборзевшего мента, которого мне придется поить чаем, — сказала я, впуская его,

наконец, в квартиру. — Проходите.

— Как неприлично, Кира Юрьевна, — заметил он, входя и шутливо качая головой.

Я закрыла за ним дверь, повернулась к своему гостю. И тут до меня дошло, что я забыла зажечь свет. Мы стояли в темной прихожей, и я видела только блеск глаз капитана. У меня пересохло в горле от странной интимности этой обстановки.

— Оригинальный у вас прием гостей. — заметил капитан очень тихо, словно мы прятались.

Желая поскорее избавиться от ненужных мыслей на его счет, я щелкнула выключателем у себя за спиной. Но вместо света раздался щелчок и что-то легонько бабахнуло.

— Ой. — я вздрогнула от неожиданности. Мне показалось, что в нас снова стреляют.

Соболев рассмеялся.

— Не бойтесь. Просто у вас лампочка перегорела. Я поменяю, если найдете новую.

— Надо поискать.

Тут я поняла всю комичность данной ситуации.

— Я включу свет в комнате, вы раздевайтесь пока, — протараторила я, скидывая сапоги на ходу и топая в единственную комнату. Иногда я именовала ее залом. Схватив с дивана шубу, отнесла ее в прихожую, едва не столкнувшись с разуваящимся капитаном лбами. Я рассмеялась, и вернулась в зал. Зажгла две настольные лампы у дивана по бокам. Сразу стало комфортно. По вечерам я не любила яркий свет. Мне нравился полумрак. На мой голос появился кот, я даже не заметила, откуда он вылез.

— Привет, дружок. — я погладила его, но на руки не брала, помня, что на мне дорогое Риткино платье. К тому же оно было черного цвета, а у моего британца светлая шерсть.

— У вас очень уютно. — в комнату прошел капитан, с интересом оглядываясь по сторонам.

Я обернулась.

— Вы шутите? — после роскошной квартиры подружки назвать мое жилище уютным просто язык не поворачивался.

— Нет.

— Вы как-то сказали, что Риткина квартира мне не подходит. — напомнила я зачем-то.

Соболев кивнул.

— Так и есть. А тут все очень похоже на вас. Мне нравится.

Я слушала и не знала, как должна реагировать на подобные замечания. Поэтому, почла за лучшее тему эту не развивать и промолчала. Тем временем Кирилл Сергеевич уселся на диван и стал гладить моего кота. Тот, кстати, был этому весьма рад и проявлял к Соболеву повышенное внимание.

— Узнал меня? — спросил у него капитан, чем в очередной раз привел меня в недоумение. Никогда бы не подумала, что такой человек может разговаривать с животным. Тот ему, разумеется, не ответил, но сам факт меня удивил.

Тут капитан, наконец, перевел взгляд в мою сторону. Учтывая, что я стояла, а он сидел, у него была возможность охватить взором меня всю. Я даже на миг перестала дышать, думая, какой меня увидит Кирилл Сергеевич. Ведь я была с новой прической и в платье с открытыми спиной и плечами. Я чувствовала себя привлекательной женщиной, но еще больше мне хотелось, чтобы это заметил Соболев. И он заметил, я поняла это по напрягшейся жилке на шее, где пульсировала кровь и застывшему взгляду.

— Вы сегодня очень красивы, Кира Юрьевна. — наконец тихо произнес он, не отрывая

от меня глаз. Голос звучал так, словно он произносил слова на выдохе. — Как будто были на шикарном приеме.

Он усмехнулся, а я, наконец, смогла ответить:

— Угадали. Я была в ресторане.

— Понравилось?

— Не очень, если честно. Рита познакомила меня с другом Фридриха.

Соболев встал с дивана, подошел к окну, взял фото в рамке с подоконника. На нем были запечатлены я и Даниил.

— Ну и как?

— Что как? — не поняла я.

— Друг.

— А. — я махнула рукой. — Не очень.

Мы помолчали. Капитан пялился на фото, я на спину капитана. Наконец, мне это надоело.

— Это мой брат, Даня. — я забрала фото у него из рук и поставила назад на подоконник. — Хотите чаю? — предложила я.

Он улыбнулся.

— Пожалуй.

Я с облегчением отправилась на кухню. Включила чайник, достала вазочку с печеньем и две чашки. В голове вертелась куча вопросов, которые я не могла задать Соболеву. Например, зачем он притащился так поздно. Почему ведет себя так странно. Что об этом думает его Анастасия. Но, если честно, интуиция подсказывала, что спрашивать обо всем об этом не стоит. Я просто была рада тому, что он сейчас здесь, со мной. Что смотрит почти с восхищением. Остальное было за дверью, и поэтому как бы не имело особого смысла. Я понимала, что все это глупости влюбленной бабы, живущей со своим котом, но ничего не могла с собой поделать.

— Вам черный или зеленый? — громко спросила я, надеясь, что он услышит.

— Черный.

Спустя десять минут, с подносом в руках я направилась в зал. И едва не столкнулась с Кириллом Сергеевичем в прихожей.

— Простите, я подумал, может вам надо помочь. — он хотел взять у меня из рук поднос с горячими чашками, но получилось, что случайно положил свои ладони на мои руки.

Я дернулась от неожиданности. Поднос в руках закачался. Спасая его от падения, Соболев сжал мои пальцы. Сложилось впечатление, словно наши руки приросли к этому дурацкому подносу. Я сглотнула и посмотрела на капитана. Его лицо было так близко, что мне стало не по себе. Я могла разглядеть морщинки у его глаз и чуть потрескавшиеся на морозе губы. Смотря в голубые глаза, я подалась вперед. Соболев до боли сжал мои пальцы, впиваясь взглядом в мое лицо.

«Еще чуть-чуть, и он меня поцелует!» — панически пронеслось у меня в голове.

И я тут же отпрянула в сторону от Кирилла Сергеевича. Он вынужден был разжать пальцы. Я сунула ему в руки поднос, а сама поспешила назад на кухню.

— Совсем забыла про лампочку. — крикнула я оттуда, грохоча шкафчиками.

Не знаю, с чего я решила, что банки с крупой идеальное место для хранения лампочек.

— Не торопитесь. Меня развлекает ваш кот. — отозвался капитан.

Я прислонилась лбом к вытяжке, слушая, как бешено стучит сердце. Немного

успокоившись, пошла к Соболеву в комнату. Мой британец примостился с ним рядом. На меня даже не взглянул, что было весьма обидно. Кирилл Сергеевич листал книгу, что лежала у меня на столике возле дивана.

— «Жажда жизни. Ван Гог.» — прочел он вслух и улыбнулся. — Интересуетесь искусством?

— Скорее историей знаменитых людей. — Ответила я.

— Уже узнали, зачем он отрезал себе ухо?

— Еще нет, к сожалению, — покачала я головой и развела руками. — У меня нет запасных лампочек.

Взяла стул и уселась напротив капитана. Сидеть с ним на одном диване было бы слишком тесно. Не знаю, как ему, но мне-то уж точно. Я вообще старательно избегала смотреть в его сторону, пила чай, и мечтала, чтобы он поскорее ушел. Чем были заняты мысли Соболева, понятия не имею, но мне показалось, что ему тоже не очень уютно в моем присутствии. Тут мне вспомнился его взгляд всего несколько минут назад, и я почувствовала, что краснею. Подняла глаза на мужчину.

Кажется, лучше бы не поднимала. Соболев поднялся и в два шага оказался рядом. Потянул за руку, заставляя подняться и тут же впился в губы страстным поцелуем. У меня голова пошла кругом и все уже было не так важно. Остались лишь он и я. Кирилл Сергеевич прижал меня к себе, уткнувшись в волосы, покрывая поцелуями шею, изучая мою кожу горячими губами. А потом мы оказались на диване и нас накрыло облако безумной страсти, которой давно не ощущало мое тело. В ту минуту мне стало все равно, что будет дальше, главное было здесь и сейчас.

— Вы ждали меня у подъезда... — нарушила я тишину, — случилось что-то важное?

Мы все еще лежали на диване, моя голова покоилась на плече у капитана, но почему-то теперь я испытывала неловкость и даже забыла, что в свете новых обстоятельств имеет смысл обращаться на «ты».

Кирилл Сергеевич почему-то вздохнул и ответил:

— Мне показалось, что ты уезжала вчера не в очень хорошем настроении. Подумал, может нужен кто-то... — тут он склонился и посмотрел на меня в упор, — с кем можно было бы поговорить.

Я нервно облизала губы, и поспешно опустила глаза — это освобождало хоть на краткий миг от пристального взора капитана. Да уж, зашел называется узнать, как дела. Узнал так узнал, теперь вот как из всего этого выпутываться я понятия не имела. Поэтому отодвинулась подальше и стала неспешно одеваться, стараясь избегать смотреть на Кирилла Сергеевича.

— Не стоило беспокоиться — ответила в итоге, — Я уже пришла в себя. С нетерпением жду допроса Синицкого. Он ведь будет завтра?

Соболев кивнул, сев на диване. Потом решительно откинул одеяло и тоже стал одеваться. Друг на друга мы не смотрели.

— Хотите поприсутствовать на допросе? — он снова перешел на «вы».

— Я бы задала ему парочку вопросов.

— Только если пообещаете держать себя в руках.

— Бойтесь, что я его ударю? Признаюсь, такое желание у меня есть.

— Придется вам потерпеть. Иначе он может заявить, что его показания были добыты

силой — а они недействительны в суде.

— Как у вас все сложно. Даже по морде гаду нельзя дать — сразу попадешь под какую-нибудь статью. — я театрально вздохнула и рассмеялась.

Соболев тоже улыбнулся и это вроде бы немного разбавило ситуацию.

— Думаю, что ему все равно не избежать рукоприкладства, когда до него доберется ваша подруга.

— Вы о Ритке? Это уж точно, мало Борис Иванычу не покажется. Главное, чтобы вернул Хаемуаса, если, конечно, это он его украл.

— А вы до сих пор сомневаетесь?

— В том, что он причастен к стрелку — нет. А вот насчет кражи у меня большие сомнения. Впрочем, вам о них прекрасно известно.

— Что ж, будем надеяться, что завтрашний допрос прольет свет на все наши загадки.

— Во сколько нужно быть в отделе?

— К десяти подъезжайте. Думаю, раньше мы не начнем.

Тут я задумалась.

— Скажите, а ваши сотрудники не станут возражать против моего присутствия?

Соболев с мгновение помолчал, внимательно поглядывая в мою сторону.

— С чего бы это?

— С того, что я человек посторонний...

И с того, что там находится твоя Настя, а ты только что спал со мной, капитан. Оказывается, не такой уж ты и моралист.

— Вы — потерпевшая. Этого достаточно, — ответил Соболев.

— Как скажите.

Кирилл Сергеевич надел свитер, звякнула пряжка на джинсах. Посмотрев на поднос с давно остывшим чаем, мужчина немного пожевал губами.

— Мне пора. Спасибо за... чай.

Я сглотнула ком в горле.

— Я провожу вас.

Соболев направился в тонувшую во мраке прихожую. Я следовала за ним. Пока он шнуровал ботинки, я сняла с вешалки его куртку и шарф. Выпрямившись, капитан кивнул, принимая у меня свои вещи. На какой-то краткий миг наши пальцы вновь соприкоснулись. Мне даже показалось, что Кирилл Сергеевич погладил мою руку. Но это было лишь мгновение, так что мне вполне могло померещиться.

— Не забудьте поменять лампочку, — сказал капитан, застегивая молнию.

— Постараюсь.

Я повернулась к нему спиной, распахнула дверь, радуясь, что еще миг — и я останусь одна. Но не тут-то было. В следующую секунду Соболев схватил меня за локоть, рывком развернул к себе и поцеловал. Я ударилась спиной о дверь, она с грохотом захлопнулась, но никто из нас даже не обратил на это внимания. Обхватив капитана за шею, я прильнула к нему всем телом. Бешеной страсти от обычно такого сдержанного Кирилла Сергеевича я теперь ожидала, и это было приятно вдвойне. Мы утопали в объятиях друг друга ровно до того момента, пока я снова не вспомнила про Анастасию. И отпрянула от него, как ошпаренная.

— Кира... — Соболев тяжело дышал, все еще сжимая мою руку.

Я поспешно ее выдернула, прижав к груди.

— Простите...

— Это ты меня прости... — я подняла на него глаза. — То есть, простите...

— Вам лучше уйти, — пролепетала я, отвернувшись в сторону.

Он не произнес ни слова, тихо вышел в коридор и был таков. Я закрыла за ним дверь и пошла в комнату. Забралась на диван, поджав под себя ноги. Рядом лежал кот. Я обняла его покрепче и закрыла глаза. В голове стоял какой-то шум, сколько я так пролежала, понятия не имею. Помню только, что, приоткрыв веки, я наткнулась взглядом на поднос с двумя чашками, стоявшими на нем. Тяжело вздохнула и отвернулась к стене.

На допрос Сеницкого привели в наручниках. Выглядел он весьма плачевно. Видимо, две ночи в камере предварительного заключения явно не пошли ему на пользу. Он постоянно озирался по сторонам, а, заметив меня, открыл от удивления рот.

— Вы? Но почему? Откуда...

— Госпожа Брусникина поприсутствует при нашем с вами разговоре. — ответил за меня капитан Соболев, сидевший напротив Бориса Ивановича за столом для допросов. — Если вы, конечно, не возражаете.

Сеницкий, в который раз, обернулся на меня.

— Возражаю. Я очень даже возражаю. — заголосил он.

— И все-таки она останется. — ответил ему Кирилл Сергеевич тоном, при котором любые возражения исключались автоматически.

Я сидела позади всех в отделе, у окна. Рядом с Соболевым находился лейтенант Ковалев, Анастасия обреталась за своим столом, боком ко мне. Войдя в отдел я громко со всеми поздоровалась, стараясь не встречаться взглядами ни с Кириллом, ни с Анастасией. Впрочем, она мне даже не ответила. Не став размышлять над этой сложной темой, я приготовилась слушать рассказ Сеницкого. А ему было, что нам поведать.

— Итак, господин Сеницкий, — начал Соболев, не глядя на подозреваемого и перелистывая какие-то бумаги, лежащие перед ним на столе. — Я думаю, вы знаете, почему вы здесь. Напоминаю, что чистосердечное признание облегчит вашу вину. Будем каяться или как?

Тут Кирилл Сергеевич резко поднял глаза на Риткиного бывшего. Тот заерзал.

— Будем, конечно будем. Тем более, что я и сам к вам собирался.

— Неужели? — усмехнулся Ковалев. — С чего такой подарок?

— Мне нужна охрана. — выпалил Сеницкий.

Я, до той поры разглядывающая пейзаж за окном, внимательно взглянула на мужчину.

— Зачем вам охрана? — удивился и Ковалев.

— Но вы должны защитить меня от этого бандита!

— Так стоп. — сказал Соболев. — Какой бандит? Давайте по порядку.

— С превеликим удовольствием все вам расскажу. Только спасите меня от него. Иначе конец. — снова заголосил Сеницкий.

— Чему конец?

— Моей работе, моей жизни, всему!

Макеева поднялась и, налив стакан воды, протянула его Сеницкому. Тот нервно выпил все до дна.

— А теперь мы ждем откровенный рассказ. — сказал ему Ковалев.

Борис Иванович кивнул и начал говорить. Если коротко, то его показания сводились к следующему. Много лет назад с ним на кафедре работал его хороший знакомый, тоже антрополог. Он специализировался на Древнем Египте, а бывший Риткин муж писал об этом кандидатскую. Вместе они занимались научной работой, вместе участвовали в конференциях. Друг был старше нашего Сеницкого на двадцать лет, но держался с ним, как с равным, несмотря на то, что Борис Иваныч тогда был еще весьма зеленым в своей области.

Как-то раз этот человек поделился с ним догадками о возможном расположении древнейших останков. И продемонстрировал кое-какие документы. Судя по этим документам, информация была стоящая. И Сеницкий понял, что это его шанс из простого преподавателя стать известным ученым буквально за один день.

И он, не особо раздумывая, подставил своего хорошего друга. Присвоил себе все материалы, уговорил начальство дать ему команду и отправился на раскопки. А тому другому участвовать в экспедиции запретили, якобы он был слишком стар для таких подвигов. Тот уволился буквально в тот же день, когда Сеницкий уехал в Египет.

Борис Иваныч с группой нашел останки Хаемуаса, получил все трофеи, вернулся героем и известным человеком. Защитил кандидатскую по Древнему Египту, пытался даже писать книгу. Но в итоге у него ничего не вышло. Его звездный час прошел. И он так и остался простым преподавателем истории на кафедре, где и работает по сей день. Никто никогда не знал, что же случилось на самом деле. Тот другой товарищ словно испарился, и больше о нем не слышали. До недавнего времени.

В начале декабря к Борис Иванычу на кафедру пришел человек. Сперва он даже не понял, кто это. Потом, конечно, был в ужасе, когда осознал, что это его старый друг. Но тот, как выяснилось, не держал зла. Пришел выпить мировую, принес бутылку водки, закуску. Оказалось, что он работает в Национальном музее совсем недавно, все в его жизни сложилось неплохо. И на Борис Иваныча он зла совсем не держит. На радостях, Сеницкий даже стал ему рассказывать, как совершалось открытие, ради которого его бывший товарищ работал всю жизнь. Они вроде отлично посидели и мирно разошлись.

А спустя буквально неделю кто-то выкрал мумию из музея. Сеницкий в панике, музей и руководство института на ушах. Но никаких зацепок. Прошло несколько дней, и приходит к Сеницкому молодой человек. Весь в черном, накачанный, слова цедит сквозь сжатые зубы — одним словом, произвел неизгладимое впечатление на нашего профессора. И вот этот человек объясняет, что если Борис Иваныч не заплатит определенную сумму, то его бывший друг выдаст его тайну и обвинит его в краже мумии. Борис Иваныч послушал, и выгнал этого наглеца за дверь. Но зря. На следующий день выяснилось, что у Сеницкого пропал пистолет, который ему подарил когда-то сам мэр города в знак заслуг. Пока Сеницкий его ищет и гадает, куда бы тот мог подеваться, к нему снова приходит молодой парень. И тут выясняется, что из пистолета Борис Иваныча пытались застрелить некую Киру Юрьевну Брусникину. И что пистолет попал в отдел полиции. И снова поступило предложение оплатить молчание старого товарища, если Сеницкий не хочет, чтобы что-нибудь случилось с его семьей или с ним самим.

Тот соглашается. Ну а дальше уже все понятно — они встречаются в кафе, Сеницкий передает ему деньги в черном портфеле, и парень исчезает. А вместо долгожданной свободы, за Борис Иванычем приезжает наряд полиции. Ему предъявляют его собственный пистолет, показывают снимок шантажиста и после ночи в камере Сеницкий готов на все.

Я дослушивала уже без особого интереса — мне стало понятно, что мы выбрали неверный путь. Стрелка упустили, где мумия — тоже неизвестно. Борис Иваныча просто подставили, а где же искать настоящих преступников, мне было неведомо. От того настроение мое и без того паршивое, стало просто ужасным. К тому же, в начале допроса пришла странная смс от Ритки, заставившая меня задуматься еще сильнее. Так что момента, когда Сеницкий досказывал последние события, подписывал свои показания и отправлялся назад в камеру, я даже не заметила. Очнувшись, услышав, как лейтенант Ковалев обратился ко

мне по имени.

— Кира Юрьевна, вы же всех в музее знаете?

— Сильно сказано. А что?

— Нам нужен этот старый друг Сеницкого. Может он еще в музее?

— Какой друг? — не поняла я, возвращаясь к мыслям о Рите.

— Который его шантажировал. У нас ведь есть его фамилия.

Я встрепенулась. Мой мозг думал про стрелка, а о заказчике я и забыла. А ведь он, действительно, все еще может быть в музее.

— Как его зовут?

— Сухов Михаил Иванович.

— Что? — я растерянно заморгала. — Не может такого быть...

Тут голос подал капитан Соболев.

— Ваш знакомый?

Я кивнула.

— Вы его тоже видели. Это наш сторож. Но это не может быть он, ведь мы были вместе, когда украли Хаемуаса.

— Тот самый сторож, который потом путал показания? — уточнил Соболев, встав из-за стола и роясь в бумагах по делу о мумии. — Вот. Он был в музее вместе с Кирией Юрьевной, это правда. Только во сколько он пришел в тот вечер, вы ведь не видели?

— Нет.

— А это значит, что он мог там быть задолго до вашего появления. Понимаете?

— Да ведь он такой старый! — возразила я, мотая головой. — Ему уже, наверное, семьдесят лет. Он даже кроссворд держит в руках еле-еле.

— С ним, наверняка, был его помощник-альпинист. Тот самый, что приходил за деньгами к Сеницкому. — подсказала лейтенант Макеева. — Арестуем его пока за границу не сбежал, да и дело с концом. Допросим, расколется как миленький.

Пока они совещались на эту тему, я размышляла совсем о другом.

— Но зачем ему бить меня по голове? — спросила я вслух.

Все трое обернулись на мой голос.

— Что вы сказали?

— Если все затеял сторож, то зачем ему меня бить сперва по голове, а через пару дней стрелять в спину? Если бы тогда он ударил сильнее, стрелять бы не пришлось. Значит их план полетел бы к чертям. И оружие у Сеницкого красть бы не пришлось. Это глупо.

Соболев задумчиво почесал подбородок. Ковалев что-то искал в компьютере, Макеева поглядывала на меня странным взглядом.

— Да, тут что-то не сходится. — подал голос Ковалев.

— А у меня другой вопрос. Почему они решили убить именно вас? Ведь шантажировали они Сеницкого, а вы в тут пору с ним даже не были знакомы, — спросила у меня Анастасия.

Я усмехнулась и взглянула на Соболева.

— Кажется, вы были правы. Они хотели убить Риту, но никогда раньше ее не видели. А я пришла в музей с ее документами, носила ее одежду, жила в ее квартире. Все так просто.

— Интересно, зачем бы Борис Иванычу убивать свою бывшую жену? — спросил Ковалев, не оборачиваясь.

— У них старые счеты, все об этом знают. Он ненавидит Маргариту. — отозвался Соболев.

А я вскочила со стула.

— Послушайте. Я не понимаю, зачем все-таки они меня ударили?

— Опять думали, что вы Рита? — предположила Настя.

— Дважды ошиблись? Сомневаюсь.

Все замолчали. Мысли в моей голове роились словно пчелы.

— Послушайте, есть странность, которая не дает мне покоя. — заявила я, обращаясь ко всем троим сразу.

— Ну?

— Час назад Ритка прислала мне смс. Жена Борис Иваныча пригласила ее на чай в свой кабинет.

Настя усмехнулась.

— Что же тут необычного?

Соболев пристально вглядывался в мое лицо.

— Вы думаете...

— Ольга ненавидит Ритку может быть даже больше самого Борис Иваныча! — закончила я свою мысль. — Вы понимаете? Она никогда не общалась с Ритой, зачем сейчас позвала?

— Успокойтесь, Кира Юрьевна. — произнес капитан, наливая мне стакан воды.

Я лишь отмахнулась.

— Рита в опасности. — скороговоркой произнесла я, доставая из сумки мобильник.

— Да с чего вы это взяли? — возмутилась Макеева, которой не понравилось, что Соболев слишком реагирует на все мои замечания.

Я не успела набрать и двух цифр, как раздался звонок. Наверное, Ритке икалось, потому что это была она собственной персоной. Я моментально ответила.

— Ты где? С тобой все в порядке?! — прокричала в трубку как сумасшедшая.

— Скажи капитану Соболеву, чтобы приезжал в музей. С нарядом.

— 3-зачем? — у меня от страха зуб на зуб не попадал.

Я услышала протяжный вздох на том конце провода, и подруга ответила:

— Кажется, меня пытались убить.

— Ольга да?

— Какая ты догадливая. Ее забирает скорая. Приезжайте, я жду.

Я отключилась и посмотрела на сотрудников милиции. Соболев не выдержал первым:

— Ну? Что случилось?

— Ольга хотела убить Маргариту. Едем в музей. Скорее.

Когда мы прибыли в музей, скорая Ольгу уже увезла. Впрочем, поговорить с ней мы все равно бы сегодня не смогли — она была без сознания. Рита ждала нас у входа. Она сидела на заснеженных ступеньках в распахнутой настезь шубе и нервно курила. Ее рыжие волосы кольцами разлетались во все стороны от сильного ветра, губы побелели, руки подрагивали. Но даже здесь, в столь непривычной для нее обстановке, Ритка была краше всех. Я с гордостью посмотрела на свою подругу, усаживаясь рядом. Она молча предложила мне сигарету, я отказалась.

— Ты как?

— Порядок. Но такого ужаса натерпелась... Тебе не передать.

Тут к нам подоспели Соболев и Ковалёв. Макеева разговаривала с сотрудниками скорой по телефону, а потом отправилась опрашивать работников музея.

— Маргарита Николаевна, вы сможете рассказать, что произошло, или лучше подождать пока вы придете в себя? — вежливо спросил у Ритки Кирилл Сергеевич.

Та усмехнулась, затушила сигарету о ступеньку. И поднялась.

— Пойдемте в ее кабинет. Так наглядней будет. Я сказала, чтобы там ничего не трогали.

— Молодец, — одобрил ее Ковалев. — Показывайте дорогу.

И мы пошли все вместе на шестой этаж в кабинет Ольги. Он был заперт. Ритка достала ключ, впустила нас внутрь. Там было все также, как и в прошлый раз, когда я приходила сюда с Соболевым. За исключением двух чашек: одна стояла на блюде, а вторая была расколота пополам и чай из нее пролился на стол. Посреди стола сиротливо стояла вазочка с печеньем. Рита встала у окна, я топталась рядом, взяв ее за руку, Соболев с Ковалевым уселись на стулья.

— Она позвонила мне сегодня утром, — начала Ритка свой рассказ. — Сказала, что узнала об аресте Борюсика и хочет поговорить.

— Борюсика? — недоуменно спросил Ковалев.

Ритка усмехнулась.

— Я называла его так, когда мы были женаты. В хорошие времена, разумеется.

— Понятно. Продолжайте.

Ритка крепко сжала мои пальцы и заговорила вновь:

— Я сначала удивилась. Пыталась объяснить, что нам нечего обсуждать и все в таком духе, но она настаивала. Я думала взять с собой Киру, но вы были на допросе. Пришлось ехать одной. Но я интуитивно чувствовала, что-то тут не так. Дело в том, что Ольга ненавидит меня куда сильнее, чем мой бывший муж.

При этих словах Соболев усмехнулся, и я впервые за долгие часы встретила с ним взглядом. Но тут же отвела его, сосредоточившись на Риткином рассказе.

— Ольга женщина весьма заурядная, но долго копила в себе эмоции. Ходила и улыбалась. Делала вид, что все замечательно. А после того, как ее мужа арестовали ваши ребята, у нее вдруг крыша поехала. Почему-то она решила, что в этом тоже виновата я. Идиотка.

Рита немного помолчала, и продолжила:

— Сперва мы вполне мирно общались. Знаете, она даже попросила прощения за все, что

мне когда-то сделал Борюсик, ну и она сама тоже. Я была сбита с толку, это совсем на нее не похоже. И тут она предлагает мне чаю. Я соглашаюсь, не ожидая ничего такого. — взгляд подружки переместился на чашки на столе, и она передернулась. — Ольга что-то мне рассказывает, наливает воду в чашки, и вдруг просит меня достать из шкафчика печенье. Вон из того.

Рита показала на шкаф у двери. Как раз за спиной служителей закона. Мы дружно посмотрели на шкаф.

— Я встаю, беру печенье, — продолжала Ритка тем временем, — случайно задеваю локтем вешалку, с нее падает моя шуба — я пытаюсь ее поймать и краем глаза замечаю, как Ольга что-то сыпет в одну из чашек. Я сперва ничего не поняла, повесила шубу, поставила на стол печенье. Ольга подала мне чашку, предложила сахар. А меня вдруг как будто током ударило. Тут я и проделала свой гениальный маневр.

— Какой?

— Уронила ложку на пол, — Ритка нервно рассмеялась. — Мне не оставалось ничего другого. Эта упала на пол, я попросила другую, и пока Ольга рылась в ящичке — поменяла наши чашки. Чувствовала себя Джеймсом Бондом, как минимум.

Я улыбнулась, представив, как Ритка все это провернула. У нее определённо талант. То по крышам лазает, как кошка, то чашки меняет, супер женщина да и только.

— Она ничего не заподозрила. Сделала пару глотков, я тоже не отставала. А она все смотрит на меня и пьёт. Ждала, видно, когда я сдохну. А тут ее саму как скрутило. Вот это был форменный ужас. Она выронила чашку, упала на пол, стукнулась головой о стол, начала корчиться, как припадочная. А потом у нее пена изо рта пошла. Я в ужасе, стою, не знаю, что делать. Даже заорала с испуга. Прибежала коллега из соседнего кабинета, вместе вызвали скорую. Я не сомневаюсь, что они найдут в крови Ольги следы какого-нибудь препарата. В общем, я позвонила Кире, тут и врачи как раз Ольгу увезли, а я закрыла кабинет, и пошла на улицу. Это все.

В тишине кабинета я слышала только, как тикают часы. История была не из приятных, представляю, какого было Ритке. Я прекрасно ее понимала. За последние недели мне так часто приходилось быть на волосок от смерти, что это уже стало нормой жизни. Но я очень верила, что теперь с этим будет покончено.

— Отправляйтесь спать, Маргарита Николаевна. Наши сотрудники будут тут работать, нужно взять чашки на анализ, выяснить, что за вещество Синицкая подмешала в чай. Я позвоню вам, когда нужны будут ваши показания. Думаю, к тому времени и из Скорой будет какая-то информация. — Соболев поднялся. — Сань, давай к Насте, она должна свидетелей опрашивать. А я Петровича дождусь, скажи пусть сразу ко мне поднимается.

Ковалев кивнул и удалился. Мы с Риткой пошли к двери, но были остановлены капитаном.

— Кира Юрьевна, задержитесь, пожалуйста, на минуту.

Я вздрогнула и выпустила Риткину руку.

— Я подожду в коридоре, — сказала она, выходя и закрывая за собой дверь.

— У вас ко мне есть какие-то вопросы? — я разглядывала розочки на обоях позади Соболева с самым заинтересованным видом.

Капитан кивнул. С минуту помолчал и, наконец, заговорил:

— Я насчет вчерашнего...

— Давайте сделаем вид, будто не было ничего, — перебила я его.

Соболев взглянул на меня как-то растерянно, но промолчал.

— Извините, я должна отвезти Риту домой. До свидания, — невероятным усилием воли я заставила себя выйти из кабинета и даже не взглянула на капитана. За исполнение и артистизм я поставила бы себе пятерку, а вот за умение лгать — очевидный трояк.

В коридоре меня ждала подруга.

— Что он хотел?

— Ничего особенного, — отмахнулась я. — Поехали, тебе надо отдохнуть.

Ритка ничего не сказала, и мы покинули музей.

Уложив переволновавшуюся подругу спать, я пошла в прихожую и одеваясь, поняла, что мне совсем не хочется домой. Выйдя на улицу, я с удивлением отметила, что наступил вечер. День пролетел незаметно, хотя и был таким богатым на события. Я немного постояла, пиная снег ногами, после чего направилась напрямиком в кафешку недалеко от Риткиного дома. В этом самом кафе мы как-то сидели с Соболевым. В тот вечер, когда я с ним разоткровенничалась и рассказала про свою неудачную большую любовь. Не знаю, почему меня понесло именно в это местечко, оправдывалась я тем, что оно просто удобно расположено. Войдя в уютный зал, я отметила, что сегодня здесь достаточно многолюдно. А в прошлый раз мы были совершенно одни.

— Вечер, люди отдыхают, — объяснила я сама себе, направляясь к стойке у окна.

Выбор места уже точно был не случайным-как раз тут мы и сидели в прошлый раз с капитаном. Но я махнула рукой, мол, какая разница, просто здесь открывается отличный вид на вечерний город. Я заказала себе чашку капучино, и помешивая сахар ложкой, стала смотреть, как мимо проезжают машины, как спешат куда-то нарядные дамы, идут с цветами в руках незнакомые мужчины. Я глянула на часы. И усмехнулась. Половина первого ночи, а я опять не сплю. Почему-то бессонница стала моей постоянной спутницей в последнее время. Не особо задумываясь над тем, хорошо это или плохо, я сделала глоток, втянув носом запах корицы-я его просто обожаю.

Атмосфера в кафе была очень милая. Люди негромко переговаривались, через полчаса после моего прихода яркие лампы погасили, остались только приглушенные абажурами из рисовой бумаги огни, да новогодние гирлянды вдоль окна. Я огляделась. Почти все были парами или маленькими компаниями. Только я одиноко торчала за стойкой, пялясь в окно. Я усмехнулась. Меня совсем не смущал этот факт. Только сделалось как-то грустно.

Тепло от кофе разливалось в желудке, а я раздумывала над всеми последними событиями. И ощущала усталость. Просто огромную. И физическую, и моральную. Словно я очень долго бегала, а теперь мне вдруг разрешили присесть. Дольше бегать сил не было, но и сидеть просто так я не могла. Вот и размышляла, а что же дальше?

Если все пройдет хорошо, и капитану Соболеву удастся допросить Ольгу и поймать вора, то все закончится. Придет конец сумасшедшим денькам в музее, бесконечным гаданиям, кто же мог украсть мумию, надоевшей бессоннице. Хотя, я вынуждена была признаться самой себе, что эти события стали самыми яркими впечатлениями за последние два года. Я жила словно в скорлупе, пока не появилась Ритка со своей просьбой. Да уж, посмотрела на кости, нечего сказать.

Я снова улыбнулась. Все это пройдет, и начнутся серые будни, которые будут тянуться бесконечно долго, дни станут сменять друг друга, город будет то зеленым весной, то слякотный осенью, то цветущий и жаркий летом. А какие перемены ждут меня? Ответа у меня не находилось. Впрочем, в последнее время я редко думала о будущем. Обычно я

существовала по принципу «День прожил, и радуйся». Но теперь задумалась. Моя большая фантазия могла бы нарисовать мне красивую историю моей жизни, и людей рядом со мной, которых в реальности не было. Но я понимала, что это всего лишь фантазии. Я ощущала какой-то бесконечный вакуум и пустоту. Безумно хотелось, чтобы рядом был кто-то, с кем я могла бы разделить все, что у меня было.

Черт возьми, призналась я самой себе, такой человек есть. Но он не мой, и никогда моим не будет. Да, наверное, это звучало слишком пессимистично, но именно так я и думала. Я понимала, что все это сложно, что, когда замешаны чувства, тут вообще черт ногу сломит, но в позитивном ключе мои мысли не двигались. Возможно, влиял негативный предыдущий опыт, а может быть, я просто до сих пор сомневалась, что действительно что-то чувствую. Что я снова как бы возрождаюсь к жизни, испытывая эмоции. Но они же меня и убивают.

— Ты просто пафосная идиотка, — буркнула я себе под нос.

Но самобичевание не прекратила. Я не знала, почему именно Соболев. Я не находила в нем ничего особенного. И все же он был именно таким. Но я никогда не решилась бы сказать ему этого в лицо. Даже несмотря на нашу вчерашнюю близость. Слишком много всего намешано, чтобы можно было за раз взять и распутать клубок под названием моя душа. Да и кому интересен весь этот бред. Только мне самой, хотя и я уже готова была выть от собственных мыслей. Я боялась. Я ужасно боялась того, что мои чувства снова затмят мой рассудок, что я опять сойду с ума, но не буду понята и принята тем, в ком так нуждаюсь. И тогда произойдет большой взрыв. Я знала это наверняка. Второй раз я такого точно не переживу.

Я кивнула себе в знак согласия и вновь взглянула на ночной город. Он был тих и прекрасен. Раньше я пропускала эту красоту через себя, и радостная шла домой. В свое одиночество, в котором было так комфортно. И мне вовсе никто не был нужен. Но теперь что-то было не так. Красота осталась, но изменилось мое восприятие. Как с этим бороться, а главное, жить дальше, я не представляла. И для улучшения фантазии решительно подозвала официантку и заказала рюмку водки. Залпом выпив и закусив лимоном, я заставила себя улыбнуться. Мир сразу заиграл новыми красками.

Через день Синицкую выписали из больницы. Ей вовремя промыли желудок, прокапали витаминную капельницу, она проспала почти сутки. После чего ее сразу отвезли в отделение. Но нас на допрос к Ольге не пустили. Соболев опасался, что Рита не выдержит и вцепиться той в волосы. Впрочем, зная характер своей подруги, я была с ним солидарна. Так что мы были вынуждены сидеть в машине, пока капитан и его команда общались с женой Бориса Иваныча. Его самого, кстати, отпустили под подписку о невыезде, но тот и не собирался никуда уезжать. Радовался свободе и на работу летел, как на крыльях. Даже забыл, что хотел уйти на пенсию. А вот узнав о поступке Ольги, был вне себя от злости. Приезжал к Рите и честно просил прощение. И за себя, и за свою жену. Я тогда была у нее дома и слышала их разговор. И даже тихонечко выглядывала из-за угла, стараясь быть незаметной.

— Марго, я прошу тебя прости Ольгу и забери свою бумагу. Ведь она не хотела тебе зла. — молил Борис Иваныч, глядя на мою подругу с большой надеждой.

— Не хотела? Да она мне в чай специально насыпала какой-то дряни, это называется не хотела? — возмутилась Ритка, стоя в дверях со сложенными на груди руками и не пуская бывшего супруга даже на порог.

— Она всю жизнь хотела быть первой, но знала, что я всегда любил только тебя. — тихо сказал Синицкий, чем, признаться, меня порядком удивил.

Ритка, однако, не впечатлилась.

— Не работает. Все, Боря, в этот раз у тебя не получится промыть мне мозги. Я уже не та дурочка, что бегала за тобой. Я выросла. И кое-что понимаю в этой жизни.

Я кивнула, запамятав, что видеть меня они не могут. Действительно, после развода с Борюсиком, которого Ритка сперва боготворила, а потом ненавидела, она очень изменилась. И в лучшую сторону. Но я все равно как-то слабо представляю, чтобы такой мужик, как Синицкий мог покорить сердце моей амбициозной подружки. Да так, что она стала бы за ним бегать. Единственное послабление я делала на возраст. Когда они поженились Ритке было восемнадцать.

— Марго, она сделала это ради меня. Ты должна ее понять. Ты же женщина.

— Послушай, все, что я должна записано в Конституции, а все, чего не должна в Уголовном кодексе. Остальное — на мое усмотрение.

— Марго, я умоляю тебя! — запричитал Синицкий.

Я скривилась. Ритка молчала.

— Она не плохая, просто очень меня любит. — добавил, наконец, Борис Иванович.

— Убийство нельзя оправдать любовью, это уже психоз. — отрезала подруга. — Советую тебе показать ее врачу. И самому провериться не помешало бы.

— Марго, Богом клянусь, мы никогда больше тебя не побеспокоим!

— Не клянись, это пустое.

— Я увезу ее в другой город, она и думать про тебя забудет! Только я виноват в том, что она так поступила. Не нужно наказывать ее за мои поступки.

— Ты спятил, если думаешь, что твоя благоверная святая женщина. — отвечала ему Ритка.

— Забери заявление, Марго, ну пожалуйста!

— Во-первых, это ничего не изменит.

— Да почему?

— Полиция завела на нее уголовное дело. И от меня тут уже мало что зависит. И не стану я ничего забирать. Она покушалась на мою жизнь. Пускай теперь отвечает. — произнесла моя подруга решительно.

— Но она там не сможет, Марго! — воскликнул в отчаянии Синицкий. — Ведь там ужасные камеры, там такой контингент...

— Может ей повезет, и она отделается условным сроком. — сказала Ритка. — Все, разговор окончен. — и захлопнула дверь прямо у него перед носом.

Из их разговора я сделала вывод, что Ольге грозит серьезное наказание за ее усилия, и что Борис Иванович действительно напуган. И тем не менее, он волновался не только за жену, но и за Ритку, ведь пришел же узнать, все ли у нее в порядке. Но та была непреклонна. Кажется, мира в их отношениях ждать не приходилось.

— И все-таки он тебя любит. Пусть и ненавидит, но... — заметила я, когда Синицкий удалился.

Ритка кивнула, но как-то невесело.

— Из-за него весь сыр-бор. Ты только представь, я могла погибнуть в самом расцвете сил, а он просит меня забрать заявление на его женушку. Чокнутый.

— Все влюблённые слегка чокнутые. — рассмеялась я и тема Борюсика была закрыта.

Время у входа в участок тянулось бесконечно долго. Мы уже умудрились обсудить все возможные темы, которые только приходили нам в голову. Но обе заметно нервничали. Наконец, свершилось чудо, на улице показался капитан. Заметил Риткину машину, и направился прямо к нам.

— Ждете? — забираясь на заднее сиденье, и внося за собой холодный воздух в салон, спросил он.

Мы дружно повернули к нему головы с передних сидений.

— Ну что она сказала?

Кирилл Сергеевич с минуту понаблюдал за нашим нетерпением, после чего улыбнулся и начал говорить.

— Ольга призналась, что пыталась вас отравить.

— Еще бы она стала это отрицать! — воскликнула Рита, но я дернула ее за руку-мол не мешай, и она умолкла.

— Ольга и правда вас ненавидит, Маргарита Николаевна. И уже давно. Она считает, что это вы виновны в том, что ее замечательный муж так и остался непризнанным гением. Она думает, что вы его околдовали. Потому что, несмотря ни на что, ей кажется, что он до сих пор в вас влюблен.

Мы с подружкой переглянулись, но ничего на это не ответили.

— Кстати, в историю о шантажисте она вообще отказывается верить — говорит, что это вы все подстроили. Сдается мне, у нее порядком поехала крыша на почве ревности. Либо она очень хорошо разыгрывает психическое расстройство — ведь тогда для нее есть возможность избежать тюрьмы.

— Но почему? Она покушалась на Риту! За это сажают, я в интернете читала. — возмутилась я, но тут уже меня одернула подруга. И я замолчала.

— Если суд признает ее невменяемой, то она отправится в клинику, на лечение. И

шансы у нее для этого есть.

Капитан замолчал. Мы тоже притихли.

— Кстати, если вам интересно, Кира Юрьевна, то это именно Ольга ударила вас по голове.

Я открыла от удивления рот.

— Она? Но зачем?

— Да все просто. Она ведь встречала вас самой первой в музее. А до этого никогда не видела Маргариту вживую. А тут вы с ее пропуском и так далее. В первый вечер, помните, вы рассказывали, она просила вас остаться до прихода сторожа?

— Когда украли Хаемуаса?

— Именно. Она в ту ночь была в зале. Именно ее шаги вы и слышали.

— Значит мне не привиделось. Хоть это радует.

— Она думала вас убить еще в тот вечер. Хотя не уверен, что убить, а вот покалечить это точно. То есть не вас, конечно, а Маргариту. Но вы сами пошли в зал с костями, она едва успела спрятаться, а потом заорала сигнализация и Ольге пришлось спешно уходить.

— То есть, она пыталась убить Киру в тот самый момент, когда альпинист со сторожем воровали мумию?? — Рита расхохоталась. — Вот это да. Представляю их лица, если бы они встретились на выходе.

— Перестань ржать, не смешно. — рыкнула я в ее сторону. — Из-за тебя мне досталось по первое число.

— Это уж точно. — согласился со мной Соболев, но Ритке улыбнулся. — А когда выяснилось, что Рита — это Кира, то Ольга очень опасалась, что все откроется. Ходила тише воды, ниже травы. Но, когда мы арестовали Бориса Ивановича, она окончательно спятила. Пошла в музей, подготовилась и пригласила вас на чаепитие, якобы для примирения. Дальше вы и сами знаете.

— Что она мне подсыпала? — спросила Ритка.

— Стрихнин. Весьма неприятная вас ожидала смерть.

— Почему же Ольга осталась жива?

— Слишком малая доза была в чае. Да и сделала она всего пару глотков. К тому же, вы вовремя вызвали скорую, они промыли ей желудок. Так что, можно сказать, что вы спасли ей жизнь, Маргарита Николаевна.

Ритка откинулась на спинку кресла и громко выругалась.

— Офигеть. Я просто чертова мать Тереза.

Я усмехнулась.

— Ладно, не переживай. Теперь все закончилось. Ольга больше не опасна. Даже если ее положат в клинику, выйдет она оттуда не скоро. — мой оптимизм передался Ритке, и она тоже заулыбалась.

— Ты права.

Тут она вспомнила о Хаемуасе и вновь повернулась к Соболеву.

— А как же мумия? И стрелок? Ведь их так и не поймали.

Соболев потер подбородок.

— Стрелка ищет полиция, а вот сторожа мы пока не трогали, нет оснований, кроме рассказа Бориса Ивановича, но за ним приглядывают. Завтра собираемся ехать в музей, чтобы с ним побеседовать.

— Разговаривать будете? — в очередной раз возмутилась я. — Да он же вам руку

прострелил! Его в тюрьму надо безо всякого следствия!

Соболев заулыбался.

— Ну не могу же я его без доказательств обвинить. К тому же, ведь стрелял не он. А на него, кроме рассказа Синицкого, у нас ничего нет. Поэтому нужен правильный диалог, иначе упустим. К тому же, думаю всех волнует одна мысль — где же украденный Принц.

Мы согласно закивали.

— Очень волнует! У нас тут есть идея... — начала я, но получила от Ритки легкий пинок.

— Рано рассказывать. Надо сперва его найти. Можно мы поедem с вами, Кирилл Сергеевич?

Он задумался. Переводил взгляд с меня на Ритку и обратно и, наконец, кивнул.

— Только давайте без этих ваших штучек. Он опасен, каким бы мирным старичком не казался внешне.

— Обещаем! — воскликнули мы хором.

— Тогда завтра подъезжайте в музей к пяти часам. Посмотрим, что нам расскажет этот странный господин.

В тот вечер я легла пораньше, чтобы после всех пережитых событий, наконец, отключиться. Но мне опять не спалось. Я провалялась часа полтора, но вынуждена была встать. Мысли в голове не давали покоя. Слишком много всего для одного дня, вот я и не могла забыться. Решив выпить чаю, я отправилась на кухню. За мной нехотя плелся сонный кот. Вот уж кому точно можно было позавидовать, так это ему. Спит по двадцать часов в сутки. Счастливец.

Наливая чай, я задумалась. Интересно, сколько лет дадут Сухову и его помощнику за кражу такой ценности, попытку убийства и шантаж. Если, конечно, на них заведут дело, и они не наймут себе хорошего адвоката. Ритка говорила, что при определённом умении, адвокат способен вывернуть все в такую сторону, что подозреваемых выпустят лишь с условным сроком. Я очень надеялась, что восторжествует справедливость и зло будет наказано.

Я открыла ноутбук, что лежал на столе. И улыбнулась. Сегодня Ритка выполнила свое обещание — оплатила мои труды, причем с лихвой добавила за моральный ущерб. Так что я могла ехать, куда мне вздумается. Я полвечера рыскала по сайтам турагентств, думая, куда хотела бы отправиться. И после долгих размышлений, поняла, что это уже давно очевидный факт. Я хотела увидеть родину Хаемуаса. Никогда раньше я не была в Египте, и теперь, когда я столько о нем читала, мне не терпелось лицезреть это в реальности. Я даже подобрала себе тур, радуясь, что в Египет не нужна дополнительная виза. Одним словом, планы на праздники я уже наметила, однако, настроение было не столь безоблачное. Скорее растерянное. Я не была уверена, что хочу поехать именно сейчас.

Раздумывая над этим, включила плейлист. И выглянула в окно. Опять шел снег. Он теперь был все чаще, сугробы делались выше, ходить становилось сложнее. Но я радовалась. Хлопья за окном мне нравились. Это было так красиво, словно на картине великого художника. Тишина и падающий снег.

Тут раздался звонок в дверь. Я машинально взглянула на часы. Почти двенадцать. Гадая, кого несет в такой час, я отправилась в прихожую. Распахнула дверь и застыла. На пороге стоял Кирилл Сергеевич с букетом хризантем. Я инстинктивно сделала шаг назад. Я точно знала, что ему не стоило приходить, хоть и была безумно рада его видеть.

— Привет.

— Вам лучше уйти. — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как сердце ухает вниз и дрожат колени.

Он мотнул головой.

— Кира, просто ответь, да или нет. Я долго не решался прийти, но теперь я здесь и все зависит только от тебя, — услышала я его спокойный голос.

Мы встретились взглядом. Мне казалось, что еще минута, и я брошусь ему на шею, но я заставила себя отвести глаза. Один раз уже бросалась, ничего толкового из этого не вышло.

— Мне нечего вам сказать.

Он протянул мне цветы. Я взяла их, боясь даже прикоснуться к его руке.

— Я буду ждать до завтра. Если ты не передумаешь, я забуду все, что между нами было. И больше никогда тебя не побеспокою, — сказал Соболев, кивнул на прощание и быстро

сбежал вниз по ступенькам.

Я осталась одна. Стояла ошарашенная долгих пять минут и даже не сразу сообразила, что нужно закрыть дверь. Вернувшись в квартиру, положила цветы на стол, а сама рухнула на диван, накрыв голову подушкой. У меня было такое чувство, словно из меня выжали все соки. Я лежала без мыслей, без чувств, просто лежала, словно мертвая. Странная конечно ассоциация, но именно так я себя и чувствовала. Сколько я так пролежала не помню, пришла в себя только услышав, как пиликает мобильный. Я сползла с дивана и поплелась в прихожую за сумкой.

— Привет, что делаешь? — веселый голос подруги вывел меня из транса.

— Медитирую, — вяло отозвалась я.

— Чего? А с голосом что?

— Ничего.

— Кир, что опять случилось?

— Все просто отлично.

— Так, понятно. Ладно, не прощаюсь. Жди.

Я услышала гудки. И вернулась назад на диван. Теперь уже лежала и разглядывала потолок. Мыслей по-прежнему не было. Я даже попыталась заснуть, в надежде, что сон мне поможет. Ненадолго мне действительно удалось отключиться, но тут снова позвонили в дверь. Приехала Ритка, пришлось подняться и идти открывать.

— Ну и видок, — протянула подруга, разуваясь. — Краше в гроб кладут.

Я ничего не ответила, вновь улегшись на диван.

Ритка не снимая шубы проследовала за мной в зал.

— Цветочки, — заметила она, покрутив в руках букет. — А чего не в вазе?

— Забыла поставить.

Подруга сняла шубу, пошла на кухню за водой. Водрузив цветы на стол, подошла ко мне и присела на корточки рядом. Я изучала потолок и молчала. Ритка погладила меня по голове, что вызвало нервную дрожь во всем теле.

— Кир, знаешь за что я тебя люблю? За то, что ты светлый, добрый, милый человек. Ты настоящая, а это большая редкость.

Я почувствовала, как слеза катится у меня по щеке, но сил ее стряхнуть у меня не было. Ритка сделала это за меня.

— Кирюш, что у тебя случилось? Поделись со мной. Сразу станет легче.

— Не станет, — ответила я, повернувшись к подруге лицом. И совсем рядом увидела ее глаза. Она улыбнулась.

— А ты попробуй. Вдруг получится.

Я вздохнула и стала рассказывать. Не знаю, как долго Ритка слушала мои излияния, но к концу рассказа она переместилась на пол и сидела на подушке, обняв себя за колени, совсем как в детстве. Это было настолько непривычно, что я даже тряхнула головой, чтобы убедиться, что это не сон.

— Ну и чего ты реवेशь? Ведь он же сказал тебе о своих чувствах — это замечательно.

Я нетерпеливо махнула рукой. Я знала, что Рите будет сложно меня понять.

— Не нужно мне этого. Я не хочу. Я не могу позволить себе такого.

— Что за бред?

— Да как ты не понимаешь, ведь он не один.

— Откуда ты знаешь, что там у них происходит? — возмутилась Ритка. — Чужая душа,

известно, что.

— Знаю я. А толку от его прихода? Я не готова.

— Ты упрямая ослица. Ты просто боишься.

— Кого?

— Да не кого, а чего. Ты боишься открыться, боишься довериться, боишься, что тебе снова будет больно.

— Даже если и так, то что?

— А то, что это глупо. И бессмысленно. Тем более в твоём случае.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что все уже решено, просто ответь себе на один вопрос. И сразу жизнь наладится.

— Что ответить, Рит?

— Ты сама знаешь. И ему скажи.

— О чем?

В меня полетела подушка.

— Да признайся ты уже себе и дело с концом! — не выдержала Маргарита, глядя на мою физиономию.

— Признаться? — в отчаянии вскричала я, вскочив. — Да, черт возьми, я с ума по нему схожу! Я в него влюблена, влюблена! Ты это хочешь от меня услышать, да?!

Ритка заулыбалась.

— Ну слава Богу, а то я уже начала думать, что ты просто спятила.

— Да кому нужны мои нелепые чувства? — я закрыла лицо руками, чувствуя себя ужасно опустошенной. И опустила на колени рядом с Риткой. — У него девушка есть.

— Но ведь не жена же, Кир, — в который раз попыталась вразумить меня подруга. — К тому же, раз он пошел на измену, раз приходит сюда и добивается тебя, значит к ней у него больше ничего нет. Скорее всего это так и есть.

Я лишь покачала головой.

— Это не для меня. Я хочу быть далеко от всего этого. Я все решила. Лучше я уеду.

— Бегство — отличный способ решать проблемы, — скривилась Ритка, глядя на меня своими большими глазами. — Только запомни: от себя не убежишь.

— У меня получится. Я не хочу больше ничего чувствовать.

— Боюсь, ты поздно спохватилась. И ты сама это знаешь. Поезжай к Кириллу Сергеевичу и скажи ему об этом.

— Ты спятила. Настя любит Соболева. Зачем им мешать?

— Она-то может и любит, а вот он...носит тебе цветочки и проводит с тобой ночи.

— Я не стану ничего ломать, — отрезала я.

Ритка обняла меня за плечи.

— Сейчас лучше поспи, а утром проснешься и решишь. И мой тебе совет: дай ему шанс. Он хороший мужик.

С этими словами подружка поднялась, оделась и исчезла в ночи. А я снова осталась одна наедине со своими безумными мыслями и разрывающимся сердцем. Вопреки всем ожиданиям, мне удалось облегчить душу. Я уткнулась в подушку, поджала под себя ноги и пролежала так до самого рассвета.

Думаю, капитан не собирался брать меня с собой на разговор к сторожу. Хоть я и очень просилась. Но он сказал, что делать этого не стоит. Никакие доводы меня не убедили, поэтому, когда Риткина машина остановилась у входа в музей, и мы увидели, как Соболев, махнув нам, покидает свой джип, я просто пошла за ним. Ритке посоветовала остаться, да она особо и не рвалась. Обернувшись и заметив меня, бодро шагающую за ним по пятам, Соболев лишь покачал головой, но ничего не сказал и назад не отправил. Это вселило надежду. Рядом с капитаном шли Макеева и Ковалев, я старалась держаться чуть поодаль. Оглядев стоянку возле музея, я обнаружила еще две машины с дежурным патрулем, из чего сделала вывод, что полиция готова к захвату опасного преступника. Я как-то скептически к этому относилась, слабо представляя себе, что старенький наш сторож может оказать сопротивление. Как оказалось, зря.

Поднявшись на третий этаж, мы вышли из лифта. На вахте никого не было, только горела настольная лампа да большая кружка дымилась на столе. Я огляделась. Свет в залах с экспонатами был потушен — экскурсии в этом году уже закончились. И вообще тут было как-то темновато для пяти вечера, да и серый туман за окном добавлял своих красок в интерьер. Я поискала глазами Михаила Ивановича, но он нигде не обнаружился.

— Может вышел в туалет, — предположил лейтенант Ковалев, видимо наши мысли двигались в одном направлении.

— Посмотрю в соседних кабинетах, — сказала Анастасия и пошла вдоль по коридору, там были разные подсобные помещения.

Я осталась с двумя мужчинами. И почему-то занервничала. Мне было не по себе от этой тишины в музее. Она была какая-то зловещая. Я оставила служителей закона стоять возле вахты, а сама прошлась вдоль по коридору перед входом в залы.

— Михаил Иванович, вы здесь? — позвала я в итоге, чтобы как-то развеять дурацкие ощущения.

На меня уставилась недовольная физиономия капитана.

— Не нужно этого делать, — шепотом сказал он, а я в ответ только пожала плечами.

И тут мы услышали легкое шарканье. Сторож появился с газетой в руках, увидел меня и помахал рукой.

— А, Кирочка, рад вас видеть. Решили навестить старика перед праздниками? — улыбнулся он самой благодушной улыбкой, и я в который раз подивилась, как такой милый старичок может быть хоть в чем-то замешан. Глупость и в голове не укладывалось.

— Не совсем, Михал Иваныч, — отозвалась я и обернулась к мужчинам за своей спиной.

Заметил их и сторож. Сперва он остановился, продолжая улыбаться, а потом подошёл ближе.

— Здравствуйте, молодые люди. Чем обязан?

Он встал возле меня. К нему подошел Соболев и протянул листок с фотороботом шантажиста. Я внимательно наблюдала за тем, как разные выражения сменяются на лице сторожа. Не было сомнений, что человека с фотографии он узнал.

— Гражданин Сухов, скажите, вам знаком этот мужчина? — спросил у него Ковалев.

Я переводила взгляд с капитана на лейтенанта, пытаюсь понять, действительно ли они считают этого милого старичка зачинщиком всех последних событий. У меня в этом были большие сомнения. Сторож почему-то молчал. Я повернулась к нему и положила руку ему на плечо.

— Михал Иваныч, вы не бойтесь. Они просто зададут вам парочку вопросов, а если вы...

Договорить я не успела, потому что в следующую секунду хиленький с виду старичок лихо развернул меня спиной к себе и приставил к горлу нож. Откуда он взялся, я понятия не имела. Только нервно сглотнула, чувствуя, как холодная сталь впивается в кожу.

— Отошли назад, иначе ей крышка, — процедил сквозь зубы сторож, ступая в темноту залов с экспонатами. Ошарашенная, я вынуждена была следовать за ним.

— Михал Иваныч, миленький, вы что делаете?! — запричитала я, едва поспевая передвигать ногами.

— Заткнись, идиотка. Все из-за тебя, — услышала я в ответ.

— Сухов, отпустите девушку, и я обещаю, что не стану упоминать об этом в своем рапорте, — голос капитана звучал на удивление хладнокровно.

Они шли за нами, я поняла это сразу. А потом и увидела их, хоть в зале с костями, куда тащил меня безумный сторож, было темно и пыльно. Но очертания их силуэтов проглядывались сквозь не закрытые жалюзи на окнах. Соболев держал в руке пистолет, направлен он был в нашу сторону. У Ковалева в руках тоже было оружие. Да что толку, вряд ли они станут стрелять, в такой обстановке скорее попадут в меня. В любом случае сторож будет прикрываться мной, как щитом. Поняв это, я застонала от собственной глупости. Ну предупреждал же меня Соболев, ну просил ведь остаться в машине. Почему я такая упрямая овца и всегда лезу куда не следует.

— Шевелись, — прикрикнул на меня сторож, сильнее надавив ножом на горло.

Я ощутила странное тепло на своей коже, но не предала этому значения. От страха у меня заплетались ноги, спиной двигаться было неудобно. А Михаил Иванович активно тащил меня в зал с ценностями. Я понятия не имела зачем, но он, видимо, знал это лучше меня.

— Вам некуда деться, Сухов. Музей окружен. Сдавайтесь. И отпустите заложницу.

— Нашли дурака, — процедил сквозь зубы старик, оглядываясь по сторонам. — Она станет моим пропуском. На свободу. И если будет вести себя хорошо, может быть останется жива.

Я нервно сглотнула, чувствуя, как в уголках глаз защипало. Ну вот, я уже реву. Мало того, что испортила Соболеву задержание, попала в руки психа, так еще и могу погибнуть в самом расцвете сил. И даже никто обо мне не заплачет. Тут я уже заревела всерьез, умоляя сторожа о пощаде. Но он не внял моей просьбе. Наоборот посоветовал закрыть пасть и не рыпаться. Я рыдала молча, от испуга даже начала икать. Не понимала, зачем мы движемся в другой зал, ведь там не было выхода. Сухов нервничал, тащил меня за собой как куклу, но я видела, что он мечется. И совсем не знает, что ему делать дальше.

И тут я услышала шаги за нашей спиной. Очень тихие, едва различимые. Кто-то приближался к нам со стороны зала с антиквариатом и делал это мастерски. Я молилась только о том, чтобы это был полицейский, а не подельник Сухова. Его знаменитому альпинисту не составит труда разделаться с молодой сотрудницей музея, которую он упустил в прошлый раз. Я уже мысленно смирилась с неизбежностью своего истребления,

когда раздался выстрел. В ужасе я закричала, даже ничего толком не поняв. И вдруг стала падать на бок, увлекаемая навалившимся на меня сторожем. Он пытался утащить меня в сторону, но почему-то все время заваливался на правый бок. Однако, нож по-прежнему впивался мне в горло и делать резкие движения я поостереглась.

— Стоять, иначе я еще раз выстрелю! — услышала я знакомый голос и облегченно вздохнула. Это была лейтенант Макеева.

А в следующий миг мы упали на пол. Рядом со мной поскуливал сторож, и, воспользовавшись его минутной слабостью, я вырвалась из его рук. Нож отлетел в сторону, а я попала прямоком в крепкие объятия Анастасии.

— Вы в порядке? — спросила она, схватив меня за руки.

У меня нашлось сил только на то, чтобы кивнуть. От пережитого ужаса меня трясло. Не знаю, как это вышло, но в какой-то момент я поняла, что Макеева обнимает меня за плечи. Я даже не стала задумываться об этом странном обстоятельстве, а просто уткнулась ей в плечо и заревела пуще прежнего.

Потом уже появились Соболев с Ковалевым и куча других парней в форме. Они скрутили корчившегося от боли сторожа, надели на него наручники. Он был ранен в ногу, но явно не настолько серьезно, чтобы волноваться за его жизнь. Даже дерзил и ужасно сквернословил. Соболев поднял его за шиворот, как нашкодившего кота, и заставил встать. Тот приседал на ногу, пытался схватиться за нее руками, да только это было сложно сделать в его положении. Поэтому единственное, что он мог, это метать яростные взгляды в нашу сторону.

— Ну, а теперь поговорим. И запомните, чистосердечное признание может облегчить вашу вину, — едва ли не пропел ему в ухо Кирилл Сергеевич.

— Нет, после сегодняшнего цирка, у него шансов ноль, — добавил Ковалев и оба заулыбались.

Сторож еще немного повырывался, позлился, но боль от раны в ноге явно поубавила его пыл. К тому же, капитан предложил ему не торопиться, но сказал, что пока тот нам все не расскажет, «Скорая» к нему не приедет. Аргумент был весомый. И Сухов нехотя, через силу поведал нам свой рассказ. Частично мы и так все знали, подтвердилась версия, что его подельник альпинист — у него был свой скаладром в клубе «Экстрим», том самом, где я обнаружила его фотографию. К тому же, оказалось, что они с Суховым состоят в каком-то дальнем родстве друг с другом, вот и решили помочь друг другу по-семейному. Альпинист в криминале не первый год — имеет отсидку за убийство, так что ничего удивительного в том, что он в меня стрелял не было. Они со сторожем шантажировали Синицкого, зная о его слабости к прошлым заслугам. И о его особом отношении к бывшей супруге. Только, как и Ольга, раньше им видеть Маргариту Николаевну не доводилось, вот и получалось, что я сама себя поставила под удар, придя в музей с документами подруги.

Правда, идея о шантаже Борис Иваныча его же собственным оружием пришла им не сразу. Сперва они решили убить меня, но не потому, что хотели напугать Синицкого, а именно из-за того, что я сказала, что слышала какие-то шаги в день похищения и наводила справки о пропавшей мумии. Они испугались, и стали думать, как им выкрутятся. И от свидетеля избавиться, и подозрения повесить на бывшего друга, и легких денег срубить. Что говорить, если бы Соболев тогда меня не спас, у них бы все отлично получилось.

— Где Хаемуас? — спросила я, когда сторож, наконец, замолчал.

— Да пошла ты, — процедил тот сквозь зубы, за что получил от Соболева ощутимый

пинок в спину.

— Отвечай.

Тот с минуту молчал. Но не долго. У одного из людей капитана на поясе висела рация. По ней мы и услышали, как передали информацию о задержании альпиниста на автовокзале. Его уже везли в отделение. Тут-то Сухов и понял, что его песенка спета. Сплюнул на пол, от чего я поморщилась и мысленно извинилась перед всеми древними костями, что находились в зале. А сторож, наконец, дал ответ на вопрос, который мучил нас всех так долго:

— Да в подвале ваша мумия.

— В каком подвале? — не поняла я.

— Рядом с реставрационным залом есть старая мастерская, закрытая. Раньше мы использовали ее для хранения ненужных бумаг. Саркофаг там, будьте вы неладны.

Соболев вдруг усмехнулся.

— Это на цокольном этаже?

Сторож кивнул.

— Уводите, — приказал капитан, и лейтенант Ковалев с помощником повели раненого Михаила Ивановича к выходу.

Я смотрела им вслед и думала о том, как же обманчиво бывает первое впечатление. На душе было так гадко, что я даже не обрадовалась тому, что все закончилось.

Когда суматоха с отъезжающими машинами «Скорой» и патруля немного улеглась, ко мне подошел Кирилл Сергеевич. Я стояла у окна, обняв себя руками и пыталась осознать все, что со мной случилось за такой короткий период. Соболев смотрел на меня с минуту, потом полез в карман и протянул мне платок.

— У вас кровь, — ответил он на мой недоумевающий взгляд и приложил платок к моей шее.

Я вздрогнула от этого прикосновения и поспешила убрать его руку. К тому же, на нас смотрела лейтенант Макеева и я подозревала, что ей эта сцена совсем не понравилась. Соболев мне улыбнулся.

— Очень испугались?

— Достаточно. Но спасибо Анастасии, она меня спасла.

Он кивнул.

— Да. Она молодец, — после непродолжительной паузы капитан добавил: — Ну что же, ваш Принц найден. Пойдем?

— Куда? — не поняла я сперва.

— В зал реставрации, конечно. И как это мы во время обыска не заглянули в тайную комнату, ума не приложу. Намылит шею нам начальник за такой косяк.

— Наверное, мастерская совсем маленькая и неприметная, вот и не обратили внимания, — предположила я, желая успокоить капитана. — Сама я вообще о ней впервые слышу.

Он улыбнулся и кивнул.

— Знаете, я думаю, мы можем взглянуть на него, пока не приехали эксперты.

Я уставилась на Соболева во все глаза.

— Правда можно? Вы не шутите?

Капитан мне заговорщицки подмигнул.

— Идемте, мне самому интересно. Только ключ возьмем на вахте.

И мы пошли. Я даже не стала заострять внимание на долгом взгляде, брошенном в нашу

сторону Макеевой, и трезвонящем мобильнике — Ритка до сих пор сидела в машине и мучилась от неизвестности. Все это было не важно, ведь впереди нас ждал Хаемуас.

Спуститься на грузовом лифте в этот раз мне было уже совсем не страшно. Я ощущала какое-то странное возбуждение при мысли, что вот еще минута и я увижу его собственными глазами. Это была та самая эйфория ученого, который впервые видит свое детище после долгого труда. Я не была ученым, но тем не менее, пребывала в состоянии близком к безграничному счастью. У меня немного тряслись руки от нетерпения, и я покусывала губы. Наконец, лифт остановился на цокольном этаже, и мы оказались в длинном коридоре, освещенном только надписью «Выход».

— Неприятное место, — заметил капитан, идя вперед.

Я в нерешительности остановилась, припоминая.

— Зал реставрации должен быть посередине. Нам туда, — указала я.

Мы шли почти в кромешной тьме. И молчали. Было очень не по себе от этого местечка, но я все больше волновалась, понимая, что мы приближаемся к дверям. В какой-то миг я почувствовала, что Кирилл Сергеевич взял меня за руку. В темноте было жутковато, поэтому я была совсем не против такого поворота. Так что я не стала задавать ему вопросов, и думать, что это может значить, а лишь покрепче сжала его пальцы. Вот так, держась рядом, мы и вошли в реставрационный зал. Тут уже я высвободила руку, быстрым шагом пересекла помещение и стала искать дверь. А Соболев в это время нашел выключатель. Зажегся свет, и я без труда увидела заветную нишу.

— Он там! — воскликнула я, доставая взятый с вахты ключ и вставляя его в замок.

Распахнув двери, я влетела в маленькое помещение. И заулыбалась. Прямо посреди подвала стоял золотой саркофаг на железном столе с колесиками. Камни на саркофаге блестели так, что в первый миг я даже зажмурилась. Потом, немного привыкнув к сверканию, подошла ближе. И провела рукой по холодной поверхности. Пальцы ощутили гладкость золота и небольшую шероховатость в местах, где были рисунки.

— Я тебя нашла, как и обещала, — тихо произнесла я, обращаясь к древним останкам.

— Впечатляет, — протянул Соболев, подходя ближе.

А потом рассмеялся.

— Что? — спросила я, повернувшись в его сторону.

— Все так легко. Они просто переложили саркофаг на стол, и спустили его в подвал. Мумия никогда не покидала пределов музея. А мы бегали, искали... Потому и смешно.

— Главное, чтобы больше никому в голову не пришло как это просто.

— Нет, — ответил капитан, осматривая и трогая нашу реликвию, — ваш Принц тут как за каменной стеной.

А я улыбнулась, снова повернувшись к саркофагу.

— Да. Теперь Хаемуас дома.

Я шла вдоль дороги, засунув руки в карманы пальто. Денек выдался морозный. Ветер трепал волосы, ноги немели от холода, но я не обращала на это внимание. В моей душе творился такой кавардак, что внешние обстоятельства просто не имели значения. Я вышла прогуляться днем, чтобы еще раз все хорошенько обдумать. Вчерашние события окончательно сбили меня с толку. Я не спала всю ночь, вспоминая, как мы шли с Соболевым, держась за руки по коридору, как мы провели вместе ночь, как сидели в кафе и говорили по душам. И мне было так хорошо и спокойно рядом с ним.

А потом я воскрешала в памяти момент, когда Makeева спасла мне жизнь, и весь мой любовный трепет куда-то испарялся. И чувство вины затмевало сознание. Очень надеюсь, что свежий воздух остудит мой взрывающийся мозг, я активно передвигала ногами, не разбирая пути.

Передо мной стояла нелегкая дилемма: ответить капитану взаимностью или оставить его Анастасии. Но я знала, что Соболев не питает к ней ответных чувств. Зато она его любит. И она спасла меня. Я просто обязана была сделать что-то хорошее в ответ. Но ведь капитан не переходящий приз, говорила я себе. И не знала, как поступить. Оставить все как есть, и уехать. Вот это был бы выход. Однако, я знала, что сейчас только от меня зависит, какое будущее ждет нас троих. Либо я буду счастлива с капитаном, либо Настя будет радоваться, либо мы все трое будем страдать. Соболеву предстоял нелегкий выбор, но он его уже сделал, теперь моя очередь. У меня все было сложнее, вина ужасное чувство, оно ломает все на своем пути. А начинать новые отношения на руинах старых было верхом безрассудства. Я это хорошо понимала. Но также я понимала и то, что если сейчас я соглашусь, то могу быть очень счастлива. Я это знала наверняка. Но двойственность природы просто заставляла спросить: «А если нет? Что если вы расстанетесь?» Еще раз я такого точно не переживу. Я очень хорошо осознавала, что моя любовь как бы из последних сил. Такое бывает у тех, кто слишком много потерял или слишком сильно обжёгся в прошлом. Кто понимает, что готов снова отдать себя другому, но если чувство не будет понято тем, с кем связано, то окончательно исчезнет. И риск здесь очень велик. Что делать в такой ситуации, я понятия не имела.

Подняв глаза к небу, я изучала облака и думала, как было бы здорово, имей мы шанс прожить эту жизнь хотя бы дважды. Тогда не пришлось бы мучаться, отпала бы необходимость выбора, можно было бы всегда переиграть то, что тебе не понравилось в первый раз. Но это было бы слишком хорошо.

Оглядевшись по сторонам, я с удивлением поняла, где нахожусь. Я стояла напротив отделения полиции, где работал капитан. Ноги будто сами принесли. Это было странное чувство. словно бы мое подсознание уже приняло решение за меня, а я только так для вида барахтаюсь и пытаюсь наладить отношения с собственной совестью.

Присев на корточки, я загребла скрипучий снег голой рукой, сжала его в комок. И осторожно стряхнула. Я разглядывала узоры на ладони с минуту. Потом вскинула голову и взглянула на невысокое здание. Где-то там на первом этаже капитан сидит за своим столом, перебирает бумажки, или смотрит в окно, раздумывая над очередным делом. Я так ясно представила себе эту картину, что у меня даже сердце забилося чаще, словно бы он

действительно был здесь. И я улыбнулась. Я хочу, чтобы это было, поэтому не стану отталкивать Соболева. Я хочу быть счастлива даже если это продлится всего неделю. Да даже если бы это был только один день, я все равно хотела бы провести его с ним.

Я поднялась и отряхнула руки. Решительно направилась в сторону отделения, стараясь не бежать. Хотя мне очень хотелось. Я давно не чувствовала себя так. Я любила и хотела быть любимой. Сколько получится, остальное не имело значения.

Мне оставалось только повернуть за угол, и я была бы уже у входа. Но, почти дойдя до поворота, вынуждена была резко затормозить. Мне представилась весьма интересная картина. Из здания вышел Соболев, вслед за ним Анастасия. Она что-то говорила ему, он слушал не очень внимательно, искал в кармане ключи от машины. Открыв дверь джипа, капитан повернулся к Макеевой. Я не смогла разглядеть выражения его лица, но мне показалось, что он чем-то очень недоволен. Не было возможности слышать, что говорит ему Настя, зато я прекрасно видела, как она на него смотрит. Тут Макеева стала говорить еще что-то, зачем-то взяла капитана за руку, погладила по плечу. Тот никак не отреагировал на этот любящий жест, но и руки лейтенанта не убрал. А потом вдруг уткнулся ей в плечо, словно бы целуя...Макеева потрепала мужчину по щеке, он что-то ответил. Потом говорила она. Соболев послушал и, наконец, кивнул. Анастасия расцвела в улыбке, а капитан открыл ей дверь, помогая сесть в машину. После чего постоял с минутку, поглазев в небо, пнул снег ногой и устроился в машине рядом с Настей. Через мгновение они скрылись из виду, а я так и осталась стоять, глядя им вслед. После чего обессиленно рухнула на колени.

Ничего не будет. Я все придумала. Я глупая, очень глупая, а он просто мужчина. Я снова загребла снега, на этот раз приложив его к лицу. Холод хорошо остудил мой горячий лоб. Я горько усмехнулась. Как жаль, что нельзя вот так же просто остудить сердце. Мое воспаленное сознание приходило в норму, мир не рухнул, планета вертится, ну а я...А я как-нибудь выдержу.

Я заставила себя подняться. И быстро зашагала к троллейбусной остановке. Агентство, в котором я подбирала себе тур в Египет, находилось всего в паре остановок отсюда. Туда я и направилась, не раздумывая больше ни минуты.

КИРИЛЛ

Я лежал на диване, закинув руки за голову и разглядывал потолок в своей квартире. Словно бы раньше мне его видеть не приходилось. Сквозь прикрытые жалюзи уже пробивались огни вечернего города. В голове у меня было столько мыслей, что я даже не знал, на какой из них остановиться. Потому и пялился в потолок, не придумав ничего лучше.

Рядом со мной в постели лежала Настя. Она счастливо улыбнулась, потянувшись.

— Давно мне не было так хорошо, — сказала она, поглаживая меня по плечу.

Я кивнул.

— Аналогично.

— Я бы поела, что думаешь?

— Загляни в холодильник, лично я не голоден.

— Надо подумать, где мы будем встречать Новый год, — она села по-турецки, натянув одеяло до подбородка и заглянула мне в глаза.

Я разглядывал ее лицо, ее оголенные плечи, взъерошенные волосы и окончательно убеждался, что теперь уже точно все. Это был конец, только вот она, похоже, ничего не

замечала. Сидела и улыбалась, как будто все хорошо.

— Ты это о чем?

— Попойка в отделе — это не праздник, — заметила она, тряхнув головой. — Давай проведем его вместе.

Я долго молчал, подбирая слова, пока, наконец, не ответил:

— Ни к чему.

Она нахмурилась.

— Что ты хочешь сказать?

— Думаю, ты и сама знаешь.

Настя посмотрела мне в глаза и усмехнулась.

— Ты же сам согласился поехать со мной, — голос ее звучал осуждающе.

— Теперь жалею.

— Жалеешь? Зачем тогда соглашался?

— Думал, что еще можно что-то исправить.

— А это не так?

— Нет. Теперь убедился окончательно. Извини.

Настя вскочила с дивана и стала в ярости поднимать с пола свою одежду.

— Ну ты и козел, Соболев! — крикнула она, натягивая юбку. — Я решила, что ты одумался, а ты все такой же урод.

Я сел, желая объяснить ей хоть что-то, но она даже не стала слушать.

— Чем же она тебя так зацепила, что у тебя мозги расплавились!

— Я не хочу это обсуждать. Тем более с тобой.

— Ты совсем спятил, да?

— Надеюсь, что нет, — я улыбнулся.

— Что ж, Кирилл Сергеевич, спасибо вам за прощальный секс, все было просто замечательно!

— Насть, ну зачем ты так?

— И на будущее: лучше сломай себе палец, прежде чем набрать мой номер!

— Давай расстанемся по-хорошему. К чему все эти оскорбления, крики?

— Ты не поймешь, потому что ты просто бесчувственный сухарь, — воскликнула Макеева, собирая волосы в хвост.

— Насть, прости меня. Просто я не хочу больше врать. Ни тебе, ни себе.

— Ну и прекрасно, — Настя мне поаплодировала. — Счастливо оставаться. И удачи с Брусникиной.

— Да не будет у нас ничего, — я устало потер подбородок.

— Разве ты ее не любишь? — Настина бровь взметнулась вверх.

Я проглотил ком в горле. Люблю...

— Это не важно. Я не хочу говорить с тобой на эту тему.

— Да я вообще не желаю больше с тобой общаться!

— Мы работаем вместе...

— Переведусь в другой отдел. Не хочу, чтобы твоя постная физиономия мелькала у меня перед глазами. Заявление завтра же будет у тебя на столе. Все, чао, — бросила Макеева и пулей вылетела в коридор.

Я слышал, как она ляпнула входной дверью. Я не пошел следом, поняв всю бессмысленность этого поступка. Она сейчас расстроена, и зла, а в гневе к Насте лучше не

подходить. Да и что бы это изменило. Конец значит конец. Поэтому я снова принял горизонтальное положение и уставился вверх.

— М-да... Думаю яду сразу или все-таки душ принять? — Вяло усмехнулся. Собственное остроумие не слишком воодушевляло.

Но я заставил себя подняться. И действительно отправился в душ, после чего прошелся по квартире, заглянул в холодильник. И опять вернулся на диван, закинув руки за голову. На потолке за это время мало что изменилось, но я упорно продолжал его разглядывать. Смотрел так долго, что умудрился заметить потрескавшиеся полосы краски по углам. Надо бы покрасить, когда руки дойдут.

Не понимаю, почему она отказала мне. Я был уверен, что она скажет «Да» или хоть как-то даст понять, что ей не все равно. Но она и не думала этого делать. Я понятия не имел, что ею движет. Мне казалось, что у нас могло бы получиться. Ни разу в жизни я не испытывал ничего подобного. И было очень странно и весьма неприятно сознавать, что это все одностороннее. Хоть мне и казалось, что от нее исходил ответный порыв. Но, кажется, я ошибался. По старому принципу «клин клином вышибают» я попытался снова быть с Макеевой. Но сразу понял, что это бессмысленно. Ни одна женщина не заменит любимую. Сам себе я казался сентиментальным дураком, но что уж тут поделаешь. Зачем я ждал целый день, она ведь сразу сказала мне «Нет». А я все надеялся. Напрасная трата времени.

Я резко сел. Черт возьми, что значит напрасная. И что значит это ее «Нет». Глупость, да и только. Мне казалось, что она испытывает ко мне чувства. Я был в этом уверен. Иначе бы не стала спать со мной, не такая это девушка. Только не понимал, почему ведет себя так глупо. Наверное, это оттого, что она все еще любит своего бывшего. Но ведь уже прошло столько времени. Пора начинать жить заново. Это я ей и пытался втолковать тогда в кафе. Но она не слушала. Я знал одно: она боится. Она очень боится довериться кому-либо. Боится, что ей опять сделают больно. Ну и как тут быть. Чертов замкнутый круг какой-то.

Я встал и пошел на кухню выпить воды. Вертя стакан, все думал, как же мне поступить. Ничего дельного на ум не приходило. Я залпом осушил стакан и пошел одеваться. Мне изрядно надоела эта ситуация. В конце концов, любое «нет» рано или поздно можно превратить в «да», было бы желание. А токового хоть отбавляй.

Где-то через час я подъехал к дому Брусникиной на такси. У меня в джипе закончился бензин. В городе уже сгущались сумерки, повсюду горели огни и новогодние гирлянды. Словом, предпраздничная красота. Только я не ощущал радости от приближения Нового Года. Не то было настроение.

Из машины я вышел не сразу. Разговорились с водителем за жизнь, время в пути прошло не заметно. Наконец, я полез в карман за деньгами, чтобы расплатиться, да так и замер в неудобной позе. Возле подъезда я увидел Киру. Она была не одна. Рядом с ней стоял высокий мужчина с огромным плюшевым медведем в руках. Я не видел его лица, зато мне прекрасно было видно, как расцвела улыбкой Брусникина при виде этого человека. Они о чем-то мило беседовали и Кира то и дело улыбалась. Она была такая красивая. В какой-то миг она взяла незнакомца за руку, посмотрела ему в глаза и что-то сказала. Он тоже улыбнулся. А я начал, кажется, понимать, кто это. Ну конечно, наверняка это и есть тот самый знаменитый Антон, ее большая любовь. У меня от злости даже деньги рассыпались на пол.

— Поехали отсюда, — процедил я водителю, собирая купюры.

— Куда, начальник?

Я думал ехать домой, но в очередной раз подняв глаза на эту парочку, сразу передумал. Она его обнимала. Прямо повисла на шее, отметил я, скрежетнув зубами. Нет, смотреть на этот цирк у меня желания не было. Я повернулся к таксисту.

— Отвези меня в какой-нибудь бар.

— Что так? — усмехнулся тот.

Я только пожал плечами, уставившись в окно.

— Настроение напиться.

КИРА

Я поила Ритку чаем и старалась выглядеть веселой как никогда. На столе передо мной лежала купленная сегодня путевка в Египет, и я с радостью рассказывала подружке о предстоящем путешествии. Та пила чай молча, с недоумением на меня поглядывая.

— Удивила ты меня, — наконец произнесла Ритка, поставив чашку на стол.

— Чем это? — спросила я.

— Ты такая радостная, я думала это потому, что с Кириллом Сергеевичем все разрешилось. А ты оказывается уезжаешь.

Я пожала плечами.

— Бывает. Да ты и права. С Соболевым все решилось окончательно. А довольная я не только потому что путевку приобрела.

— А чего тогда?

Я выдержала паузу и расплылась в улыбке.

— Сегодня встретила Антона.

Ритка скривилась как от зубной боли.

— И что с того? Раньше тебя такие встречи вводили в состоянии депрессии.

— Это было раньше, — воскликнула я. — Теперь все по-другому.

— Это как?

— Мы встретились случайно у подъезда. И разговорились. Ты знаешь, я никогда еще так с ним не разговаривала.

— В смысле?

— В смысле просто. И легко. Как с давним другом. Понимаешь?

— Не очень, если честно.

— Представляешь, у него вчера дочка родилась.

— Классно, не пойму только, чему ты радуешься.

— Тому что я теперь окончательно освободилась. От любви к нему, понимаешь? Я сегодня поняла, что никогда по-настоящему его не любила. Мне только так казалось. Встретив его, я посмотрела на всю нашу историю совсем другими глазами. Он абсолютно мне безразличен. И это такое счастье, Рита, я даже не могу тебе этого передать.

— Ты точно чокнутая, — резюмировала подруга, качая головой.

— Может быть, не суть. Короче, я его поздравила, пожелала счастья, и мы попрощались.

И теперь я совершенно открыта, свободна и радуюсь жизни.

— А как же Соболев?

Я с минуту помолчала, после ответила:

— Пусть будет счастлив с Настей. Она это заслужила. А меня ждет новая интересная жизнь. Ты только представь, послезавтра я уже буду в Египте.

— Что ж, раз ты так решила, дело твое. Я рада, если ты рада.

— Я очень рада, честно, — сказала я и рассмеялась.

— А я сегодня была в институте, разговаривала с инвесторами насчет нашей идеи, — решила сменить тему подруга.

— И как им? Понравилось? — я подперла руками подбородок и внимательно слушала.

— Более чем. Они дают добро на проведение выставки. Сказали, что у нас карт-бланш в этом вопросе и что они только «за». И что музею, несомненно, это пойдет на пользу. Я думаю, что нам стоит открыть выставку после праздников, числа с пятнадцатого, что скажешь?

— Отличная идея. Это замечательно, что начальство тебя поддержало. Выставка о Древнем Египте с Хаемуасом в главной роли — это будет просто фантастика. Уверена, от посетителей отбоя не будет.

— Главное, хорошая реклама, но это я беру на себя. Ну мы еще до твоего отъезда обсудим детали, все решим, посчитаем.

— Ты только представь, весь город узнает о Хаемуасе. Это так здорово. Ты большая умница, Ритка.

Я поднялась и расцеловала подружку. Она заулыбалась, отбиваясь.

— Все, все, достаточно этих нежностей. Кстати, у меня для тебя есть еще одна новость.

— Какая?

— Ну не знаю, конечно, может быть ты и не обрадуешься, — загадочно улыбаясь затянула подружка.

— Рита!

— Ну ладно. В общем так. Руководство института было впечатлено вашими талантами гида и вашей преданностью нашему музею. И оно, то есть теперь уже я, как главный руководитель на кафедре, готово предложить вам постоянное место на этаже антропологии. Что вы об этом думаете?

— Ты не шутишь? — я даже растерялась на миг.

— Абсолютно серьезно.

— Но ведь я совсем мало знаю, и потом я окончила исторический, причем весьма бегло. Ты же знаешь.

Ритка весело ткнула в меня пальцем.

— Мы это учли, и, посоветовавшись, готовы взять вас на обучение в наш институт, если вы будете совмещать его с работой. Так сказать, теория, не отходя от производства. Вы согласны?

Я не поверила своим ушам. Мгновение сидела оглушенная, а потом бросилась подружке на шею, на этот раз едва не задушив ее в своих объятьях.

— Ритка, я тебя обожаю! — мой вопль счастья был красноречивее любого ответа.

КИРИЛЛ

Последний раз я видел Брусникину, когда Маргарита приходила подписать свои показания. Мы немного поболтали о будущем Синицкой, а также о перспективе тюремного заключения для Сухова и его подельника. Рита злилась, узнав, что сторожу не дадут высшей меры в силу возраста, к тому же он постарался все свалить на альпиниста, а сам как будто был и не при чем. Альпинисту грозил приличный срок за покушение и шантаж, за кражу тем более. А вот Ольга во всю старалась избежать тюрьмы, разыгрывая помешательство. Синицкий ей активно помогал, нанял лучшего адвоката, так что шансы у них были хорошие.

— Что ж, надеюсь, больше не увидимся, — произнесла Рита, поднявшись со стула и протягивая мне подписанный листок. — С вами весело, но без вас еще веселее.

Мы рассмеялись.

— Прощайте, Маргарита Николаевна.

— До свидания, Кирилл Сергеевич. И удачи вам. Во всем. — как-то странно она это произнесла, но я не стал заострять внимания. Сел за стол, положив ее показания в папку с делом Синецкой.

Лапина пошла к выходу, когда я резко поднялся.

— Маргарита Николаевна!

Она обернулась.

— Да?

Я молчал. Хотел спросить и молчал. Сам не знаю почему.

— Я забыла что-то подписать? — произнесла Маргарита, улыбаясь.

Я ответил ей тем же и отрицательно мотнул головой.

— Не существенно.

— Тогда я пошла?

— Идите.

И она скрылась за дверью. А я стал мерять шагами кабинет. Толку от этого хождения было мало, мысли мои не могли сосредоточиться на нужном. Я подошел к окну, надеясь хоть там отыскать что-то, чего мне так не доставало. Лучше бы я этого не делал. В окне увидел Лапину, выходящую из здания. Она направлялась к своей машине, возле которой стояла Кира. Меня она не видела, помахала Маргарите рукой и расплылась в улыбке. Выглядела более чем замечательно, наверное, была счастлива. А я смотрел на нее и не мог насмотреться. Мне хотелось запомнить ее всю, каждый жест, каждую улыбку. Это было уже похоже на бред, но я ничего не мог с этим поделать. Просто стоял и смотрел. Они о чем-то поговорили и стали садиться в машину. Я думал, вот еще минута, еще секунда и я никогда больше ее не увижу. Сейчас она сядет и просто уедет. Больше мы не встретимся. Да и ни к чему это.

Она уже открыла дверь, наклонилась, чтобы сесть и вдруг выпрямилась, повернула голову в мою сторону, словно почувствовав, что на нее смотрят. Наши взгляды встретились. Это длилось всего лишь краткий миг, показавшийся мне бесконечно долгим. Она вдруг улыбнулась. Будто прощаясь. Я ответил тем же, чувствуя, что сейчас просто сорвусь с места. Кира в последний раз взглянула в мою сторону, села в машину, и они уехали. А я так и остался стоять у окна, глядя ей вслед.

КИРА

Новый год я встречала на пляже. Сидела на лежаке с бокалом шампанского в руках и смотрела на море. Оно было на удивление спокойное. Ровно в полночь по нашему времени я написала на бумажке желание, достала зажигалку и стала смотреть, как горят буквы в темноте. А потом, когда пепел смешался с пузырьками, выпила все до последней капли. И закашлялась. Никогда раньше мне не приходилось исполнять этот древний ритуал, но в этом году я почему-то решила попробовать. Ведь говорят же, что в новогоднюю ночь случаются чудеса. А вдруг у меня сработает. Обряд мне понравился, это было забавно, если бы конечно не обильное количество пузырьков, веселящихся в моем носу.

На пляже было прохладно, а я сидела в легком белом платье. Сверху накинула пиджак, в который теперь и куталась. Он не особо спасал. Я представила себе, как, наверное, необычно выгляжу со стороны. Одинокая девушка с бокалом в руке сидит одна и смотрит вдаль. Странная белая точка на фоне черной ночи. А вокруг все веселятся. По крайней мере в моем отеле русские встречали Новый год. У нас даже был фейерверк по этому поводу. И гремела музыка. Но я не гуляла вместе со всеми, мне хотелось побыть одной. Загадать желание, послушать шум прибоя, подумать.

Я вдруг представила своих родных. Родители, наверное, уже наелись на весь год вперед и смотрят телевизор. Скорее всего, очередной «Голубой огонек». Папа развалился в любимом кресле, мама с прической и в новом платье сидит за столом рядом. Мой любимый кот должно быть спит где-нибудь в углу — он не любит шумные праздники. В доме пахнет едой, мандаринами и свежей елкой — папа с детства каждый год сам выбирает дерево, а мы с братом украшаем. Правда, не в этот раз. Даня скорее всего с Яной где-нибудь в центре. Гуляет с народом, хохочет до упаду, жжет бенгальские огни и радуется празднику. Ритка со своим немцем сидят в шикарном ресторане, она как всегда самая красивая и все завидуют Фридриху. Наверняка, она в красном платье, по телефону говорила, что хочет свести будущего мужа с ума в новогоднюю ночь. Уверена, ей это удастся.

Я улыбнулась. Так приятно знать, что все твои родные счастливы. Сама я хоть и не была счастлива, но по крайней мере находилась в состоянии покоя. Я была там, где хотела быть. И встречала свой праздник именно так, как и собиралась. И это было хорошо. Я задумалась о том, каким будет этот год. Меня ждала новая интересная работа, новые знания, новые знакомства. Я с радостью займусь организацией выставки Хаемуаса после возвращения из отпуска. Все будет просто отлично.

— С Новым Годом тебя, Кирюша, — прошептала я, сняла босоножки, поставила бокал на лежак и пошла по песку.

Море было очень холодным. Я присела на корточки, нашла пару камушков на берегу. Они были скользкие. Бросив их в воду, стала смотреть, как плещутся волны. Платье мое намокло, волосы трепал ветер, я крепче сжала полы пиджака, чтобы не замерзнуть окончательно. И заплакала. Но не от горя или тоски, да и не от радости. Это были слезы очищения. И начала чего-то нового, неизвестного.

— Простите, у вас все в порядке? — рядом со мной возник человек в форме. Я узнала

одного из служащих своего отеля. Поспешно вытерла глаза и поднялась.

— Да, все хорошо.

— Извините, но у нас нельзя купаться ночью, — выглядел он весьма настороженно.

Я улыбнулась. Кажется, он решил, что я собираюсь утопиться.

— Я знаю, не волнуйтесь. Я просто вышла пройтись.

— Хорошо, — он вздохнул с заметным облегчением. — С Новым Годом вас.

— С новым счастьем, — ответила я.

Он кивнул и пошел назад в отель, а я опять осталась одна.

Вернулась к лежаку, взяла в руки босоножки и неспешно пошла вдоль берега. Дорога казалась бесконечной, а на сердце был покой. И это радовало.

Утром я отправилась на экскурсию к пирамидам. Это было невероятное место, хоть и пахло там не слишком приятно. Но я с большим удовольствием все разглядывала. Гид был замечательный, жара стояла умеренная, я активно щелкала фотоаппаратом. И думала о том, что когда-то здесь в этих самых местах жил Хаемуас, великий сын Фараона. И это было такое странное чувство, словно мне удалось приблизиться к прошлому. Пусть всего лишь на маленький шагок, но это было незабываемо. Я прекрасно провела день в пустыне среди пирамид, а вечером автобус привез нас обратно к отелю. Выйдя на улицу, я подумала, что неплохо было бы съесть мороженое. И пошла к ближайшему торговому центру. Он был совсем близко.

Купив пломбир в рожке, я неспешно вернулась назад. Прогулка была полезна, солнце уже собиралось садиться, в Египте рано темнеет. Я ела мороженое, придерживала рукой белую шляпу и разглядывала сделанные сегодня фотографии — фотоаппарат болтался у меня на шее. В общем, я превратилась в самого настоящего туриста. И была этому очень рада.

Войдя в прохладный холл отеля, я сняла шляпу, подняла голову и застыла от изумления. Навстречу мне с кожаного дивана поднялся Кирилл. Рядом с ним стояла большая дорожная сумка. Он был в шортах, майке, на голове солнечные очки. Приблизился ко мне и весело сказал:

— Я вдруг понял, что давно не был в отпуске. И никогда не видел Египет. Устроишь мне экскурсию?

Все еще не веря своим глазам, я расплылась в счастливой улыбке.

Мое желание сбылось.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net